ЭРЕНЖЕН ХАРА-ДАВАН

ЧИНГИС-ХАН

КАК ПОЛКОВОДЕЦ И ЕГО НАСЛЕДИЕ

Элиста
Калмыцкое книжное издательство
1991

Доктор Эренжен Хара-Даван

Д-Р ЭРЕНЖЕН ХАРА-ДАВАН

Д-р ЭРЕНЖЕН ХАРА-ДАВАН

ЧИНГИС-ХАН

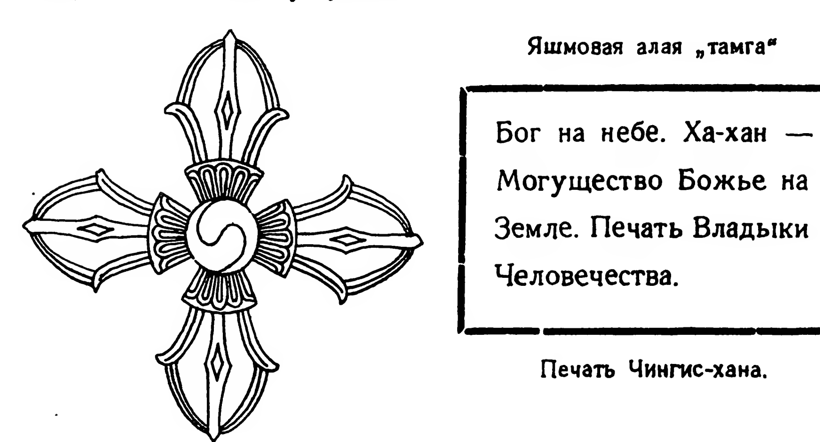
как полководец и его наследие

Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII—XIV века.

В двух частях с приложениями и иллюстрациями.

Очир — символ знания у буддистов.

Яшмовая алая „тамга“

Печать Чингис-хана.

ИЗДАНИЕ АВТОРА.

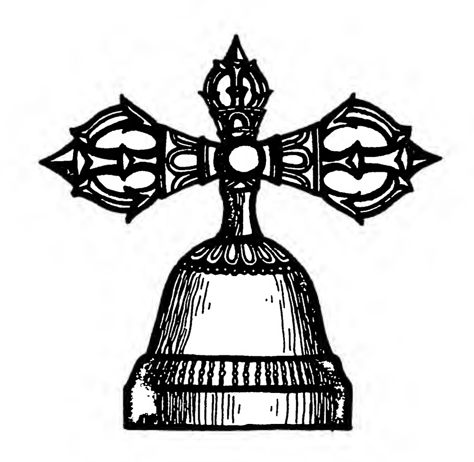
БЕЛГРАД 1929.

ЭРЕНЖЕН ХАРА-ДАВАН

ЧИНГИС-ХАН
КАК ПОЛКОВОДЕЦ И ЕГО НАСЛЕДИЕ

**Культурно-исторический очерк
Монгольской империи XII—XIV вв.**

2-е издание

Элиста

Калмыцкое книжное издательство

1991

ББК 63.3 (0)4
Х 20

Послесловие кандидата исторических наук
Л. С. Бурчиновой

Редакция массово-политической литературы

Х $\frac{0503010000-031}{М 126(03)-91}$ Без объявл.

Чингис-хан.

Рожден в 1155 г., провозглашен ханом в 1206 г., скончался в 1227 г.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Имя доктора Э. Хара-Давана почти незнакомо нашим читателям. Немногим удалось прочитать его книгу "Чингис-хан как полководец и его наследие", изданную в 1929 году в Белграде на свои средства.

Автор выражает свою точку зрения на личность и завоевания великого полководца.Концепция книги смела и оригинальна, для советского читателя она долгое время была малоизвестна и неприемлема. Мы воспринимали Чингис-хана как "варвара" и кровавого завоевателя, не задумываясь о том, какие последствия имели для всего мира его завоевания.

Выпуская книгу Э. Хара-Давана, издательство ставит своей целью сделать ее доступной для массового читателя и дать ему возможность самому разобраться в личности Чингис-хана, оценить его идеал — "создание единого царства Человечества", при котором "прекратятся взаимные войны и создадутся условия для мирного процветания человечества как в области духовной, так и материальной культуры", а также выводы автора о влиянии так называемого "монгольского ига" на государственность России.

Работая над книгой в библиотеках Европы, Э. Хара-Даван пользовался источниками, в большинстве своем недоступными советскому читателю, непереведенными на русский язык. Поэтому библиографические ссылки в книге иногда даны в сокращенном варианте и восстановить их невозможно.

Книга написана в 1929 году, и издательство сочло возможным написание слова "Чингис-хан" оставить в авторской редакции. Встречаются в книге шероховатости стиля, но это не помешает целостному восприятию всего произведения.

К сожалению, некоторые иллюстрации книги, изданной в 1929 году, не удалось восстановить для воспроизведения в печати, поэтому издательство вынуждено было их заменить близкими по времени и тематике.

Подробнее об авторе и его книге сказано в послесловии к настоящему изданию.

ПРЕДИСЛОВИЕ К 1-МУ ИЗДАНИЮ

Историей монголов и их гениальным вождем, вписавшим блестящие страницы во всемирную историю, до самого последнего времени интересовался только узкий круг ориенталистов. Несмотря на то, что в русской истории есть особый период — монгольский, ему не придавалось особого значения, "казенными" историками этот период относится к числу "пустых" периодов русской истории, несмотря на тот исторический факт, что из этого периода вышла Московская Русь, как из материнского лона. Не существует также специального исторического труда на эту тему.

Только за самые последние годы ученые евразийского мировоззрения, изучая проблему русского самопознания, стали внимательно разбираться в разных восточных влияниях на русскую историю, культуру и быт, и им отчасти удалось разбить "предубеждения и предрассудки европеизма", с которыми трактовался этот вопрос до них и тем самым заинтересовать широкий круг русской интеллигенции, чего не удавалось сделать нашим ориенталистам.

В первую очередь этими вопросами должны заинтересоваться сами представители народов Востока и кочевого мира, населяющих великую степь от восточных предгорий Кавказа и до китайской границы на севере и западе.

"Познай самого себя" и "будь самим собой",— вот лозунги, которыми мы должны руководствоваться после неудачных копирований духовной культуры Европы, приведших в тупик Россию теперь, начиная от Петра I до наших дней.

Желая удовлетворить появившийся интерес к "исходу на Восток", я приступил к этой работе в ознаменование 700-летия смерти Чингис-хана (1227—1927).

Заглавие этого труда взято такое потому, что от Чингис-хана начинается блестящее выступление на историческую сцену монголов, а у их вождя над талантом государственного деятеля сиял военный гений, между тем он как полководец еще никем не описан.

Военный отдел настоящего труда составлен известным в военной литера-

туре специалистом-академиком, которым также проредактированы и остальные главы в военном отношении, за что приношу ему благодарность.

Этот труд также просмотрен в рукописи профессором-монголоведом Вл. Котвичем, поправки и замечания которого приняты к сведению, в особенности в начале и конце труда — средние главы этого труда он, к сожалению, не успел просмотреть, так как этому помешала его серьезная болезнь.

Выражаю здесь глубокоуважаемому профессору свою сердечную благодарность.

Автор.

Белград, 1929.

ВСТУПЛЕНИЕ

Колыбель бесчисленных народов и племен, родина кровавых завоевателей, источник мифов и легенд, мать всех религий, почва, питающая около миллиарда человеческих существ,— такова Азия.

На протяжении многих веков она оставалась погруженной в нечто вроде мистического оцепенения, презирала действие, относилась безразлично к прогрессу в тех материальных формах, как мы его понимаем, уделяя внимание только работе ума и философским построениям.

И вот она проснулась и во всех своих частях поднимается, враждебная Европе и Америке...

Сознавая скрытую силу, заключающуюся в ее многочисленном и буйно размножающемся населении, охваченная расовой гордостью, побуждаемая презрением к белым, она настойчиво требует восстановления своих территориальных прав и своего суверенитета.

Что готовит нам родившийся паназиатизм? Административная и военная плотина, воздвигнутая русскими императорами на началах идей древней Римской империи,— плотина, составлявшая истинную границу между Европой и Азией на пространстве от Черного до Желтого моря, в настоящее время пала...

Новая Россия колеблется под влиянием разнообразных импульсов своей наследственности. Займет ли она снова место среди народов Запада для общей работы по возрождению христианской цивилизации? Вернется ли она мыслью и делом в Азию, пошлет ли своих сынов под предводительством нового Чингис-хана на завоевание "гнилого Запада"?

Ее евразийцы уже решительно отмежевываются от упадочной культуры Западной Европы с ее "воинствующим экономизмом" и поворачиваются лицом к Востоку, к его религиозным культурам с их "подчиненной экономикой", чтобы обосновать пути зарождения новой эпохи самобытной культуры — Евразии, наследницы Монгольской империи XIII—XIV вв.

"Возможно ли, что мы переживаем "сумерки Западного мира", наступление которых возвестил немецкий философ Освальд Шпенглер?

Может ли статься, что Европа будет низведена к роли небольшого мыса огромного Азиатского материка, как вопрошал себя недавно французский поэт Поль Валери?

Нам скажут, что это химера. Однако я сейчас покажу, что уже был такой момент в истории, когда эта химера облеклась в плоть и кровь и когда она на коне и во всеоружии опрокинула тяжеловесное европейское рыцарство,— момент, когда Запад был покорен политическим и военным гением, о существовании которого он и не подозревал".*

История сохранила нам следующие данные об этих событиях.

На север от Великой Китайской стены и Туркестана, в современной Монголии и южной степной полосе Сибири, в XIII веке возникает Монгольская держава. Быстрое образование обширной кочевой империи в истории Средней Азии не представляет чего-либо необычайного. Приводившие к такому результату народные движения вызывались различными причинами, преимущественно экономического характера, и при условиях кочевого быта быстро распространялись на тысячи верст, охватывая целый ряд племен и народов, пока не встречали какие-нибудь труднoодолимые естественные преграды. Такие среднеазиатские державы образовались во II и в IV веках по Р. Х. — первой была империя гуннов, второй — тюркская империя, но обе они ограничились объединением кочевых народов и захватом только немногих культурных областей, всегда находившихся под ударами кочевников.

Движению кочевников от Великой Китайской стены до Венгерской равнины и от Азиатских гор в Персию и Индию способствовало травянисто-степное пространство и "конно-железная" кочевая культура, связанная с обузданием коня и употреблением железа.**

Эта великая равнина служит "месторазвитием кочевой культуры", имеющей около 3-х тысяч лет исторической давности от появления скифов в VII веке до Р.Х. и до наших дней.

"Единство кочевой культуры на всем протяжении степей определяется не только общим укладом жизни, но и общим характером быта, общественного строя, художественных вкусов, политических форм, религиозных представлений и глубоко отличается в существе своем от культур оседлых и земледельческих."***

Только мировая монгольская экспансия быстро охватывает всю Азию, за исключением Японии, Индостана и Аравии, перебрасывается в Европу и сокрушающим натиском монгольской конницы докатывается до Адриатического моря. Так образуется Великая Монгольская Империя от устьев Дуная, границ Венгрии, Польши и Великого Новгорода до Тихого океана и от Ледовитого океана до Адриатического моря, Аравийской пустыни, Гималаев и гор Индии.

Эта империя не имеет себе равных по величине в мировой истории: границы ее, начертанные кривой саблей монгольской конницы, превос-

---

* Le colonel Rinck. Le Panasiatizme au XIII siecle souse le Tchigis Khan et les generaus. — Рэнк, подполковник. Паназиатизм в XIII веке при Чингис-хане и его полководцах. Рукопись С. 1—3.

** Савицкий П. Н. О задачах кочевниковедения.

*** Толль Н. Скифы и гунны. Прага. 1928.

Схематическая карта Великой Монгольской империи (монголосферы) XIII—XIV вв.

ходят границы, начертанные копьями македонских фаланг Александра, мечами римских легионов и пушками Великой армии Наполеона.*

Кто был этот "безвестный и чужой" народ? Кто был его грозный вождь Чингис-хан?

На эти вопросы европейские историки даже теперь после 700 лет мало что могут ответить. Это объясняется тем эгоцентрическим мировоззрением европейцев, по которому их "романо-германская" культура считается высшей, "общечеловеческой", культура же народов Востока признается низшей, так как она не похожа на их культуру, а потому и европейские ученые вообще не интересуются историей Востока, вождь же их Чингис-хан является в их глазах "варваром".

Нет! Азия не лист белой бумаги, а древняя книга мудрости! Только поле того, как европейская цивилизация привела в тупик, называемый Европейской войной и русской революцией с их небывалыми жестокостями и массой человеческих и материальных жертв, пред которыми блекнут жестокости "варвара" Чингис-хана и даже пирамиды черепов Тамерлана,— отдельные умы в Европе пришли к заключению, что европейская цивилизация после XIX века во всем, кроме техники, идет к упадку и что ее ждет участь старых культур греков и римлян.

Упадок ускорится еще больше одной-двумя бойнями народов, проведенными по высшим достижениям европейской культуры в области техники: с удушливыми газами и бациллами заразы.

О Чингис-хане и империи монголов мы можем узнать главным образом из трудов восточных писателей. Среди них: а) обширный труд персидского историка Рашид-ад-Дина, (1247—1318) в 3-х томах: сборник летописей, написанный в самом начале XIV века при Газан-хане из дома Чингис-хана на персидском престоле на основании официального монгольского предания и рассказов хранителей и знатоков монгольской старины. Этот труд занимает одно из первых мест среди ученых трудов Востока, так как Рашид-ад-Дин жил в эпоху процветания монгольского могущества и был для того времени глубоко образованным ученым; знал языки арабский, персидский, турецкий, монгольский и еврейский.

Рашид-ад-Дин писал свой труд чуть ли не из первых рук по живым следам великих исторических событий, имел доступ в ханские книгохранилища, где пользовался между другими монгольскими первоисточниками "Алтан дебтером", не дошедшим до нас. Он был ханским министром в Иране, входившем тогда в состав Монгольской империи;

б) арабская "хроника" Ибн-аль-Асира, написанная в Мессопотамии;

в) "Насировы таблицы" Джузджани, написанные на персидском языке в Индии 1260 г.;

г) персидская "История завоевателя мира" Джувейни, написанная в 1260 г. в эпоху единства Монгольской империи после посещения автором Туркестана и Монголии, где пользовался монгольскими источниками.

Богатый материал в этом отношении, в том числе и о древней истории монголов и их предков, дают большие китайские государственные

---

* См. схему Монгольской империи.

хроники, еще далеко не исчерпанные западными писателями. Записки китайских путешественников, современников Чингис-хана: генерала Мэн-хуна и таосского монаха Чан-Чуна; затем имеется монгольская летопись "Монголун нигуча тобчиянь".* Собственно из монгольских первоисточников до нас дошло только "Сокровенное монгольское сказание о Чингис-хане", написанное неизвестным автором в 1240 году. Не дошли до нас столь ценные книги на монгольском языке, как "Алтан дебтер", т. е. "Золотая книга царствования Чингис-хана", "Джасак" — кодекс Чингис-хана, т. е. сборник постановлений, представляющих кодификацию монгольского обычного права, народных обычаев и воззрений (он сохранился в виде отрывков у чужих писателей). "Билик" — изречения Чингис-хана. Они известны лишь по ссылкам на них у восточных писателей. Были у монголов и свои историки, написавшие ряд исторических работ ("Алтан-тобчи", "Хухо-дебтер" и др.).

В XVII веке у монголов появился свой историк — Санан-Сецен-Хун-тайджи. Написанная им книга носит название "История Восточной Монголии и ее правящей династии". Переведена на немецкий язык. Я. Шмидтом и издана в Спб. в 1829 году. Она местами описывает деяния Чингис-хана ("Суту-Богдо-Чингис-хан") в духе богатырского эпоса, но сличенная с другими историческими свидетельствами выясняет и дает исторические истины, не схваченные другими, чужими историками Востока.

На европейских языках исторические труды о монголах начали появляться главным образом лишь в последнее время в связи с пробуждающимся интересом к Востоку. Из старых европейских источников по Монголии особенно заслуживают быть отмеченными описания путешествий миссионеров Плано Карпини, Рубрука и известное сочинение венецианского бриллиантщика Марко Поло, написанное в XIII веке. Вот что говорит по поводу этого труда И. Я. Коростовец:

"Интересным документом, подтверждающим** европейско-азиатские отношения, является описание путешествия в Китай, оставленное... Марко Поло. Вопреки прежним суждениям, по которым его книга приравнивалась к роману... критика позднейшего времени установила полную достоверность этого труда во многих отношениях."***

И. Я. Коростовец справедливо полагает, что своим сочинением Марко Поло дал толчок европейским исследователям в направлении ознакомления с неведомой дотоле Азией.

Впрочем, это ознакомление первоначально преследовало главным образом утилитарные, т. е. коммерческие цели; только много времени спустя развился в Европе и научный интерес к Азии и азиатским

---

* В русском переводе: "Сокровенное сказание о Чингис-хане", в китайском переводе: "Юань-чао-би-ши". (Имеется в виду "Сокровенное сказание монголов") — Ред.

** Со времени основания Монгольской мировой империи.

*** I. J.Korostovetz. Von Cingis Khan zur sowiet repablik. Berlin und Seipzig. 1926. — Коростовец И. Я. От Чингис-хана к советской республике. С. 12.

народам. Но именно монгольский народ, который в лице своего вождя Чингис-хана проложил прочные пути для этой связи между двумя главными частями Старого Света, долгое время оставался в тени, и можно сказать, что Чингис-хан получил в европейской науке как фактор огромного исторического значения должную оценку лишь в последние десятилетия, чему, между прочим, немало способствовали оригинальные и переводные труды русских ученых XIX века. Как-то: архимандритов Иакинфа (Бичурина) и Палладия (Кафарова — *ред.*), И. Н. Березина, В. П. Васильева, Ф. Эрдмана, А. М. Позднеева, В. Бартольда и др.

В 1922 году вышел небольшой, но талантливо написанный труд профессора-монголоведа Б. Я. Владимирцова под заглавием "Чингис-хан", который инспирировал автора предлагаемой книги составить доклад на тему "Чингис-хан и нашествие монголов в Европу", прочитанный 8 января 1928 года в Белградском университете. Последний, в свою очередь, был использован как материал для настоящего труда.

Чтобы судить о том, какова оценка Чингис-хана в современной европейской литературе, приводим в русском переводе нижеследующие, наиболее характерные из имеющихся немногочисленных отзывов о нем на европейских языках:

"В Европе, равно как и в Западной Азии, должен был* установиться новый порядок вещей, и та и другая должны были получить сильную встряску, чтобы пробудиться от тяжелого сна, в который они уже начали погружаться. Такой могучий пробудитель... явился в лице Темучина Непреклонного** и его преемников, и они же сошли с исторической сцены, указанной им Верховной, правящей миром Волей, как только последняя достигла целей, ради которых она их вызвала. Можно с полным убеждением сказать, что благодаря им и импульсу, данному их завоеваниями, русские и немцы,— одновременно с ними в результате благотворной реакции и прочие западно-европейские нации,— достигли той высокой ступени могущества и просвещения, на которой они стоят в настоящее время.***

"История монгольского народа начинается... с Чингис-хана... Слияние многочисленных и непрочных групп кочевников... непрестанно между собою враждовавших, в единое военное и политическое целое, внезапно возникшее и оказавшееся способным подчинить себе всю Азию,— было делом рук мощной личности Чингис-хана. Монгольская эпоха имела глубоко проникающее влияние на историю и культуру азиатского материка.**** Она не только сопровождалась гигантскими военными походами и политическими переворотами, но и дала выход многим культурным течениям, открывшим новые возможности для Востока и Запада. Но

---

* В начале XIII века.

** Так профессор Эрдман называет Чингис-хана.

*** Proffessor D-r Franz von Erdmann. Temudchin des Uner schutter liche Leipzig. 1862. — Эрдман Ф., профессор. Темучин Непреклонный. С. 163——164. (Д-р Эрдман был профессором в Казанском университете).

**** А также Восточной Европы.

так как все созданные монголами и объединенные ими национальности распались,* в то время как на Востоке китайская культура, а на Западе ислам сохранили свои позиции, то значение, приходящееся в XIII и XIV веках на долю монголов, впало незаслуженно в забвение.... Чингис-хан указал цель своим подданным. Вместо гибельных усобиц мелких племен между собою он внушил объединенному им народу *идею всемирного владычества.* Его жизнь была неизменно посвящена *этой одной цели.* По проторенным им путям продолжали неуклонно следовать его сыновья и преемники. Дух великого Чингис-хана продолжал жить в членах его многочисленной семьи, и именно он вдохнул в свое потомство способность... властвовать не только над их собственным степным царством, но и над завоеванными культурными странами азиатского Востока и Запада. Таким образом, Чингис-хан, несомненно, должен быть причислен к величайшим личностям Всемирной Истории".**

"Семьсот лет тому назад один человек завоевал почти весь известный мир... Он исполнил человечество ужасом, продолжавшимся в течение многих поколений... Чингис-хан был завоевателем более крупного масштаба, чем все известные деятели на европейской арене. Его нельзя мерить общим аршином. Переходы его армии измеряются не верстами, а градусами широты и долготы; на его пути города нередко исчезали без следа, реки отклонялись от своих русл; пустыни наполнялись беглецами и умирающими, и там, где ступала его нога, волки и вороны часто оставались единственными живыми существами в некогда цветущих странах.... Тогдашние мусульмане были убеждены, что такое нагромождение ошеломляющих событий могло быть делом рук только сверхъестественного существа. Им казалось, что доподлинно наступил конец света. Неописанный ужас охватил и христианский мир.... когда страшные монгольские владыки после смерти Чингис-хана вихрем пронеслись над Западной Европой... В церквах пели молебны об избавлении от ярости монголов. Кочевник, круг занятий которого исчерпывался охотой и пастьбой скота, сокрушил могущество трех империй; варвар, никогда не видавший городской жизни и незнакомый с письменами, составил кодекс законов для пятидесяти народов".

"В области военного гения Наполеон, несомненно, является наиболее яркой звездой на европейском небосклоне. Но нельзя забывать, что одну армию он бросил на произвол судьбы в Египте, остатки другой покинул в снегах России и свою карьеру закончил в Ватерлооском

---

* Под влиянием раздела империи на уделы после смерти Чингис-хана.

** D-r F. E. Krause. Cingis Han. Die Geschichte seines Lebens nach den chinesischen Reichsannalen. Heidelberg. — Краузе Ф. Э. Чингис-хан: История его жизни по китайским государственным летописям. С. 3—4; Слова "идею всемирного владычества" и "единой цели" подчеркнуты мною. Как показывает заглавие, этот труд основывается на китайских источниках, между тем как предшествующие Краузе европейские писатели, кроме русских, которые имели перевод этих же источников о. Иакинфа, свои сведения о Чингис-хане черпали преимущественно у персидско-арабских писателей той эпохи.

погроме. Его империя пала еще при его жизни, а его сын лишился наследства еще до смерти своего отца. Чтобы найти завоевательный гений, равный Чингис-хану, надо обратиться к Александру Македонскому,— благоподобному Александру, наступающему со своей фалангой в страны Востока, неся им блага эллинской образованности. Оба завоевателя умерли на вершине своей славы и имена их живут до сих пор в легендах народов Азии. Но события, наступившие после смерти, сравнения уже не выдерживают. Тотчас же после кончины Александра полководцы его вступают в борьбу между собою за обладание его царством, из которого его сын принужден бежать. Между тем сын Чингис-хана без всякого протеста вступил в управление его империей от Армении до Кореи и от Египта до Волги, а его внук... царствовал над половиной света."*

"Эта империя, как бы волшебством вызванная из ничего, ставила в тупик историков. Последне-изданная история эпохи Чингис-хана, составленная английскими учеными, признает возникновение этого царства фактом необъяснимым... Чтобы оценить этого человека, мы должны подойти к нему в условиях обстановки его народа и современной ему эпохи, на семьсот лет предшествовавшей нашей. Мы не можем мерить его меркой нынешней цивилизации".**

---

* Вернее — четырьмя пятыми, и притом в одном комплексе.

** Harold Lamb. Gengis Khan, Emperor of all Ten. London. 1928. — Лэм Гарольд. Чингис-хан — император всего человечества. Лондон. 1928. С. 14—18.

ЧАСТЬ I

I. КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О МОНГОЛАХ

Монгольские племена в XII веке, как и сейчас, занимались скотоводством и охотой на зверя; жили они тогда, как живут и теперь, в кошемных кочевых кибитках. Кочевать заставляет их необходимость перемены пастбищ для их скота точно так же, как принуждены кочевать современные нам скотоводы — англичане в Канаде и Южной Африке, американцы в прериях Дальнего Запада, аргентинцы в степях Ла-Платы.

Монголы живут родовым бытом. Делятся они на рода, племена и улусы (народы). Монгольское общество XII века делилось на три класса: степную аристократию, простолюдинов и рабов, которых, однако, не продавали. В то время монголы исповедывали шаманизм; в буддизм в толковании Зонкавы, т. е. в ламаизм, они перешли окончательно во второй половине XVI века при Алтан-хане, начало же проникновения относится ко времени Кубилай-хана, внука Чингис-хана.

Профессор В. Л. Котвич различает следующие монгольские народы (см. схему № 1), оговариваясь, что название "монгол" известно приблизительно с половины X века* и что первоначально присвоено оно было частью народа,, занимавшею пространство от Великой Китайской стены до Байкала: южную часть монголов, соприкасающуюся с границей собственного Китая, т. е. Великой стеной, китайцы называли *белыми татарами*. Они же назывались *онгутами*. Южные монголы подверглись сильному влиянию китайской образованности. В отличие от южных, культурных монголов китайцы северных монголов называли *черными* (или лесными) *татарами*.

Что это был за народ и откуда он появился? Во второй половине XII века в районе озер Далай-нур и Буйр-нур кочевали *татары*, принадлежавшие к монгольскому племени.** К западу от них по реке Толе жил

---

* Несколько позднее оно пришло, по-видимому, в забвение как общее название для всех монгольских племен и возобновилось как таковое и утвердилось навсегда лишь при Чингис-хане

** Название этого племени китайцами было распространено и на остальные монгольские народы.

народ под названием *кереит.* К западу от него по хребту Алтайскому жило племя найманов. Севернее от татар, кереитов и найманов по р. Онон жило племя под названием собственно *монголов.* К западу от монголов, к горе Хан-хайу и оз. Байкал жили *мергеты* (мергиты, меркиты). Между Табан-ула, гор. Саяны и оз. Байкал жило племя под названием *ойраты.* Джунгария часто была населена *уйгурами,* народом тюркского, родственного монголам происхождения, принявшим культуру и письменность, но не от китайцев, а с запада.

Громадное пространство, состоящее из Восточного Туркестана, большей части Джунгарии и Семиреченской области, также из района озера Балхаш, составляло государство под названием Хара-(Кара) Китай, населенное тюркскими племенами. Сары, кары-китайцы были, вероятно, монгольского происхождения и переселились на Запад в I половине XII века.*

По характеристике Рэнка, все эти степные народы были "суровой расой всадников и воинов". "Тюрко-монголы не могли не быть всадниками, как жители средиземноморских стран не могли не быть моряками",— а именно под давлением необходимости, так как бедность и обширность степей заставляли человека гнать свое стадо от пастбища к пастбищу в непрестанном круговороте. Воинами они должны были стать потому, что хорошие пастбища редки и принадлежат сильнейшему.

Если земледелие вырабатывает у народов мирный характер, то скотоводство, а главное охота воспитывают воинственный дух. Находчивость, выдержка, удаль, храбрость у монголов вырабатывались под влиянием главного их занятия — зверовой охоты.

"Отдельные люди и образованные из нескольких людей группы живут только для войны; семейные связи уступают первенство военному братству. У них нет... укрепленных городов, но составляются воинственные, вечно кочующие дружины; несколько таких дружин, случайно собравшихся около какого-нибудь прославившегося знамени, кладут основание временному государственному образованию. У этих людей нет ни семейств, ни оседлости, но у них есть вождь и знамя. К этому можно еще прибавить коня,— истинного боевого товарища; на нем они живут и с ним умирают. Это раса, состоящая исключительно из воинов несравненных и никем не превзойденных".**

Еще за много веков до Чингис-хана эта степная раса из Средней Азии, составлявшей ее колыбель, распространилась по широкой полосе материка, приблизительно заключающейся между 50-й и 35-й параллелями северной широты, от Ляодунского залива до Дуная, по временам образуя обширные государственные образования, впоследствии распадавшиеся. Одним из таких образований на крайнем Востоке явилось в 1125 году по Р. Х. могущественное государство *Цзинь* — "Золотое

---

* История Монголии. — Лекции проф. В. Котвича. Рукопись. С. 1—3. По Краузе и др. источникам племя собственно монголов носило также название беде или биде до их общего наименования *монгол* при Чингис-хане.

** Рэнк. Указ. соч. С. 4.

царство" (по-монгольски Алтан), в состав которого входила современная Маньчжурия и завоеванный Северный Китай с южной границей, иногда доходившей до Голубой реки,— государство, которое, естественно, в значительной степени усвоило китайскую культуру.

Из истории государства Цзинь впервые узнаем о монголах, но эти сведения о них, предшествующие появлению на сцене Чингис-хана, имеют все-таки характер легенд, не поддающихся точному расшифрованию ни по персидско-турецким, ни по китайским и монгольским источникам последующих эпох. Также трудно разобраться и в имеющихся сведениях о борьбе между отдельными монгольскими и тюркскими племенами, предшествующей слиянию их в один народ. В биографии самого Чингис-хана, как она изложена в различных сохранившихся первоисточниках, встречается довольно много противоречий, и полную историческую достоверность события его эпохи приобретают лишь со времени провозглашения его императором на Курултае в 1206 году.

Однако при отсутствии точных сведений о многих подробностях эпохи, предшествующей Чингис-хану, общий характер ее все-таки может быть восстановлен. Таким образом, например, известно, что со времени своего основания государство Цзинь подвергалось частым набегам соседних кочевых воинственных племен. По отношению к ним цзиньцы употребляли единственное верное средство, выработанное долгим опытом искусной китайской политики: одно племя натравливалось на другое и таким образом подавлялось могущество отдельных племен и устранялась возможность их объединения.

Эта политика оказалась надежнее Великой Китайской стены, сооруженной против кочевников к югу от пустыни Гоби и по горам.*

В XII веке, действуя согласно этой политике, цзиньцы подняли татар против монголов, и могущество последних (достигшее наибольшей высоты при его вожде Кабул-кагане, объединившем племена, называвшиеся черными татарами) пало.

Но к моменту появления у монголов Чингис-хана сами татары уже становились опасными для цзиньцев, почему последние стали всячески помогать монголам для того, чтобы подавить могущество татар.

В такой политической обстановке суждено было появиться на исторической арене человеку, который, начав с восстановления значения своего родного племени монголов, сумел распространить его господство далеко за пределы его прежнего влияния.

---

* Если египетские пирамиды служат предметом восхищения и удивления ученых перед культурой Древнего Египта и считаются одним их семи чудес древнего мира, то Великая Китайская стена, возводившаяся с III в. до Р.Х. по 1260 г. после Р.Х., длиною в 1300 миль, высотою 24 фута, толщиною 13 футов, с башнями через каждые 100 шагов, проходящая через пустыни, горные хребты и реки, построенная без помощи железных дорог, из громадных каменных кубов,— своей величиной, массивом господствует над всеми пирамидами, вместе взятыми: из 300 млрд. куб. м. камня Китайской стены можно построить 120 хеопсовых пирамид.

II. ТЕМУЧИН

"Если взглянуть на карту Старого Света, то видно, что между двумя полюсами цивилизации — Китаем с Индией на востоке и греко-романским миром на западе — простирается связующая лента в виде длинной полосы тюрко-монгольских народностей"...

"Стоит только образоваться государсву, которое... соберет воедино эти... народы, и оно станет для цивилизации и для международных сношений обязательным посредником между Востоком и Западом".

"Итак, великие собиратели монгольской расы будут иметь в виду две цели: во-первых, объединить в одно государство все единокровные народы — от тюркских племен... бассейна р. Лао до мадьяр дунайской равнины; во-вторых, связать между собою цивилизации восточную и западную, организовать и охранять пути обмена, от которых они же первые будут извлекать выгоды; быть верховными арбитрами и посредниками между двумя половинами Старого Света".

"Об этом мечтал еще Александр Великий; несомненно, тот же план лелеял и Аттила... может быть, таковы же были планы Бонапарта; наверное, к той же цели стремились и русские самодержцы XVIII — XIX вв.".

"Приступить к этой исполинской задаче и "железом и огнем" довести ее до конца суждено было в XIII веке Чингис-хану".*

Темучин, будущий Чингис-хан, родился в феврале 1155 года** на

* Р э н к. Указ. соч. С. 7.

** По другим источникам в 1162 году, но дата 1155 г. представляется более достоверной по следующим соображениям: у знаменитого персидского историка Рашид-ад-Дина, писавшего в самом начале XIV века в Персии при дворе монгольского хана Газана самую подробную достоверную историю Чингис-хана, значится:

"В середине лета "гаха" (свиньи) он появился на свет и в год же гаха 15-го числа (по лунному счислению) месяца гаха он скончался".

Эта запись, быть может, малопонятная даже специалисту, вполне ясна для каждого монгола. И по сие время у монголов-калмыков не запоминается год рождения в цифрах и не всякий ответит сразу на вопрос об этом, но всякий знает *название* года своего рождения, и по нему легко точно вычислить возраст данного лица, руководствуясь монгольским летоисчислением. Двенадцать месяцев, носящих каждый название определенного животного, составляют один год, а двенадцать лет, названных именами тех же животных и в том же порядке, составляют один "период". Новый год начинается с месяца "барса" и соответствует обычно концу ноября европейского календаря. При условии знакомства каждого монгола со своим календарем у них в общежитии не принято приводить цифровых дат, а упоминается лишь в год какого животного был факт, о котором идет речь, так что всякий, зная название текущего года, легко может вычислить, сколько лет с тех пор прошло. Ошибка при вычислении годов жизни Чингис-хана могла бы быть, если бы спорная разница была равна двенадцати годам. Между тем разница эта по различным источникам составляет всего семь лет, причем нет ни одного источника, которой год рождения Темучина относил бы позднее 1162 года. Но так как по записи Рашид-ад-Дина жизнь Чингис-хана продолжалась *целое число* 12-летних периодов, а дата его

берегу р. Онон, в урочище Делюгюн Болдок*, носящем и по сие время это имя. Отцом его был Исугей-багатур, относительно биографии которого имеющиеся источники расходятся в подробностях, будучи, впрочем, согласны в том, что он был человеком знатного рода,— степным аристократом, пользовавшимся в своем народе известным значением и репутацией храбреца (как показывает самое прозвище его "багатур" — богатырь).**

По Рашид-ад-Дину и Санан-Сецену Исугей-багатур был избран своими друзьями и двоюродными братьями главой своего рода Киют-Борджигин и родственного главного рода Нирун. Он имел еще трех братьев, их общим отцом был Бартан-багатур, который был сыном славного Кабул-хана. Родоначальником Чингис-хана в двенадцатом колене считался Бюрте-чонос (что значит "бурый волк"), женатый на Гоа-марал ("прекрасная лань"). Познавание своей генеалогии до седьмого и выше колена в обычае монголов и по сие время, что понятно при родовом быте; малыми детьми из уст родителей они знакомятся с происхождением и историей своего рода и племени. Исугей-багатур был храбрый удалец: вел много войн с другими монгольскими племенами, особенно с татарами, а также и с войском цзиньским. Слава о нем распространилась широко, и имя его было почитаемо и произносилось с уважением во всей Монголии.***

Рождение Темучина, первенца в семье, сопровождалось замечательными предзнаменованиями. Вот что говорится по этому поводу в монголо-китайской официальной летописи Юань-ши ("Сокровенное сказание").

"Исугей-багатуром был предпринят поход против племен Та-та-эр (китайская транскрипция слова татар), причем взят в плен глава этого племени Те-му-чэн. Одновременно его главная жена родила "императора" (так называет летопись Чингис-хана во все периоды его жизни). У него в руке оказался крепко зажатым ком крови, подобный красному

смерти — 15-е число в полнолуние месяца гаха (сентябрь по нашему календарю) 1227 г. — известна достоверно, то дата его рождения должна быть отнесена к тому из годов спорного периода 1155—1162 г., который соответствует такому числу, а именно в 1155 году, дающему ровно шесть 12-летних периодов, т. е. 72 года жизни. Эта цифра подтверждается большинством персидских и монгольских и источников, почему основанная преимущественно на данных китайских летописей версия о кончине Чингис-хана на 66-м году жизни должна быть отвергнута. Об этом способе счисления писал Вл. Л. Котвич в журнале "Reshik Orient", т. III.

* Делюгюн Болдок — значит кочковатая местность, по изысканию покойного Банзарова на р. Онон, немного выше крепости Чиндан, на правом берегу, против селения Ихе-Арал, около 50^0 с. ш. и 132^0 вост. долг.

** Таково было первоначальное значение этого слова, но впоследствии оно иногда приобретало значение главы или вождя небольшого племени. Глава более крупной племенной группы назывался нойоном — князем, властелин многих племен — ханом.

*** По Рашид-ад-Дину в переводе профессора И. Н. Березина. Спб., 1868.

камню. В память одержанного успеха (совпавшего с днем его появления на свет) родившийся ребенок был назван именем взятого в плен Те-мучэна"*.

Когда Темучину исполнилось 9 лет, Исугей с сыном поехали по обычаю монголов сватать ему невесту в дальний род (во избежание браков в близких степенях родства). По пути они повстречались с другим вождем племени Дай-Сеченом,** который, узнав цель их поездки, предложил заехать в его стойбище и посмотреть его дочь, красавицу Борте. Причем Дай-Сечен сказал Исугей-багатуру следующее: нынешнюю ночь приснилось мне, будто я в виде белого (общего) кречета держу ворона, изображающего сульде Киют-Борджигин (т. е. видел родовое знамя Чингис-хана), пойдем ко мне, у меня есть девятилетняя дочь Борте, я ее отдам, если понравится. У нас ведется издревле такой обычай".***

Родителям взаимно понравились их дети, и они обменялись по обычаю подарками; после этого оставалось только ожидать их совершеннолетия (14—17 лет) для свадьбы в предположении, что за это время обрученные успеют хорошо узнать друг друга и обдумать предстоящий им шаг.****

На обратном пути Исугей-багатур был отравлен татарами, коварно заманившими его к себе под предлогом какого-то пиршества. Отрава подействовала не сразу, и он умер несколько времени спустя по возвращении домой. Темучин остался 9-ти лет в семье из матери и двух братьев. Ввиду такого малолетства наследника Исугей-багатура подвластные последнему люди бросили Темучина и откочевали. Умная и энергичная мать его, Оелен-эке ("мать-облако"), схватила знамя своего покойного мужа и, погнавшись с немногими оставшимися ей верными людьми за ушедшими, большинство их уговорила вернуться, но ненадолго, так как у монголов не дано владеть родом женщине.

Окончательно брошенная семья оказалась в тяжелом положении. Почти весь принадлежавший ей скот был угнан неверными вассалами. Темучин с братьями для пропитания семьи охотился за сурками и барсуками. Часто приходилось питаться и растительной пищей, не имея мяса на варево, что у монголов считается крайней бедностью. Но в такой бедственной обстановке закалялся характер будущего воина и великого завоевателя. Впрочем, и при жизни его отца весь быт семьи монгольс-

---

* Краузе Ф. Э. Указ. соч. С. 11.

** Племена не представляли резко ограниченных групп и назывались по племенам своих вождей.

*** Алтан-тобчи. Монгольская летопись. Белый кречет, как видно из той беседы Дай-Сечена с Исугей-багатуром, был нарисован на родовом знамени Чингис-хана. Кречет же считался духом-хранителем, полагаю, потому, что, как повествует "Алтан-тобчи", один их ближайших предков Чингис-хана, Бодуаньчар, покинутый всеми, жил исключительно охотой с белым кречетом.

**** Несмотря на легкость процедуры расторжения браков у монголов, такие случаи у них очень редки.

кого кочевника, хотя бы и аристократа, отнюдь не способствовал развитию изнеженности.

"Выносливость была первым наследством, полученным Чингис-ханом... На молодом Темучине лежало много обязанностей. Мальчики в семье должны были ловить рыбу в реках во время перекочевок от летних к зимним пастбищам, табуны находились под их попечением, и они обязаны были, носясь верхом по степи, разыскивать отбившихся животных, а также разведывать новые места, пригодные для пастьбы. Они же несли сторожевую службу, зорко следя, не появляется ли на горизонте шайка мародеров, и при этом не одну ночь проводили без огня в снегу. По необходимости они приучались оставаться в седле по несколько суток подряд — нередко без пищи".*

Как повествует нам монгольское "Сокровенное сказание", мать Темучина знала много "древних слов". Наступившее для семьи после смерти мужа убожество не подорвало ее душевных сил. Она поняла, что будущность ее детей зависит от воспитания их соответственно их происхождению и положению среди степной аристократии. Она воспитывала их на богатырском эпосе, на ближайших историях монгольских ханов: их прадеда, славного Кабул-хана, и его сына знаменитого Котула-хана,** которому Исугей-багатур приходился племянником. Она внушала своему первенцу, что его настоящее скромное положение только временное, что он, когда подрастет, обязан вернуть семье ее прежний блеск, что он должен готовиться отомстить роду тайчиут,*** который покинул семью Исугея после его смерти, а также что он обязан воздать должное и татарам, убийцам его отца.

Все это ложилось на душу Темучина, обратившегося тем временем в молодцеватого и даровитого юношу, его враги начали опасаться, что из него выйдет в будущем багатур, способный отплатить им за перенесенные в детстве унижения. И в самом деле Темучин уже начинал сознавать растущую в нем силу. Он твердо помнил, что отец его был властелином 40000 кибиток, что по преданию предок его Кабул-хан не побоялся дернуть китайского (цзиньского) императора за бороду, а также что Исугей-багатур был названным братом находящегося еще в живых Тогрул-хана, могущественного вождя кереитов.****

Тайчиуты решают, что этого подрастающего опасного соперника необходимо, пока еще не поздно, устранить. Их вождь Торгултай, тоже потомок рода Борджигина, объявляет себя властелином земель, когда-то занятых Исугеем (это были лучшие земли для пастбищ — между

---

* Лэм Г. Указ соч. С. 19—21.

** Здесь и далее это имя автор дает в таком написании, хотя иногда допускает и Хотулла (см. стр. 30 настоящего издания). имеется в виду Хотул-хан, сын Хабул-хана ("Сокровенное сказание монголов"). — *Прим. ред.*

*** По "Сокровенному сказанию" тайчиуты — родичи Исугея,— стало быть, одно из монгольских племен.

**** Лэм Г. Указ. соч. С. 22. Цифру 40000 кибиток, подвластных Исугею, приводит и Эрдман, стр. 255—256.

реками Керулэном и Ононом), и начинает безжалостно преследовать молодого Темучина.

Началось это с внезапного нападения вооруженной толпы на его стойбище; Темучину удалось было бежать, но он был настигнут и взят в плен, из которого спасся только чудом. На него была надета тяжелая колодка, охватывавшая шею и запястье обеих рук, и в таком беспомощном состоянии он был оставлен в поле под присмотром часового. Ночью, воспользовавшись оплошностью последнего, Темучин оглушает его ударом колодки по голове и, добежав до р. Онон, скрывается в ней по шею в воде, пока погоня не миновала. Один из преследовавших по имени Сорган-Шира, отстав от остальных, заметил торчавшую в камышах голову Темучина и сказал ему: "Вот именно за такие твои способности тайчиуты и ненавидят и боятся тебя, говоря, что у тебя огонь в глазах и свет в лице. Ты посиди так, я тебя не выдам". Когда опасность миновала, этот преданный человек разбил колодку и отпустил Темучина домой.

Однажды у семьи Темучина воры угнали восемь лошадей-аргамаков, составлявших почти все ее богатство; он пустился в погоню и по пути встретил молодого человека, который с большой охотой присоединился к нему. Им вдвоем удалось благополучно отбить ночью украденных лошадей. Когда на обратном пути Темучин заехал к отцу своего нового знакомого Нагу-баяну, чтобы поблагодарить его за оказанную его сыном услугу, Нагу-баян сказал: "Вы оба молоды, будьте всегда друзьями и впредь никогда друг друга не покидайте". Темучин исполнил завет старика. Этот первый вассал был Богурчи, впоследствии один из первых полководцев и вернейших сподвижников будущего Чингис-хана; так ценил Темучин верность и преданность в людях. Вообще же способность его быстро приобретать друзей сослужила ему большую службу в его возвышении.

Приведенные эпизоды оказали большое влияние на развитие характера Темучина. Он почувствовал себя уже мужчиной, способным защищать свое добро от разбойников, а себя от обиды, а потому имеющим право на положение главы семьи, в которой до тех пор главенствовала его мать. Он уже не был всеми брошенным отщепенцем; богатства, правда, еще не было, но зато были признавшие его авторитет удальцы-братья, стрелок Касар и силач Бельгутей, а также новый вассал — Богурчи, что создавало ему положение степного аристократа, влиятельного удальца, хотя пока без людей и рабов.

Темучин вырос в юношу высокого роста, крепкого телосложения, с большими блестящими глазами; в нем уже развились черты характера: *выдержка;* он умел ждать и терпеть и настойчиво стремиться к достижению поставленной себе цели, что уже показал в свои молодые годы. Черта *властности* также выявлялась ярко в нем. Нрав у него был крутой, но эта черта уравновешивалась обаятельностью личности, создавшей преданных ему людей. При всем том он не был словоохотлив и начинал говорить не иначе, как после зрелого размышления.

Вот как характеризует Темучина и его окружение этого периода

Гарольд Лэм: "Ни Темучин, ни преданные ему молодые храбрецы не были людьми мелкой души. В характере самого Темучина было глубоко заложено великодушие и чувство благодарности к тем, кто ему верно служил... Он был приучен к тому, чтобы хитростью уравновешивать коварство своих врагов, но слово, данное им кому-нибудь из своих, никогда им не нарушалось. "Несдержание своего слова",— говаривал он в позднейшие годы,— со стороны правителя является гнусностью"*.

К данной характеристике можно еще добавить, что Темучин был чужд порочных наклонностей. Самой сильной страстью его была зверовая охота, влечение к которой выявилось у него еще смолоду и которой он предавался в обществе братьев и сверстников. Эта страсть сохранилась у него до самой смерти. При дележе добычи после охоты он обнаруживал строгую справеливость и требовал того же и от других.**

III. ЖЕНИТЬБА ТЕМУЧИНА И ЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Возмужав таким образом телом и духом, Темучин решил жениться. Несмотря на происшедшую в положении семьи со времени смерти его отца перемену, он поехал с братьями к сосватанной ему еще его отцом Исугеем-багатуром невесте Борте. Брак действительно состоялся, причем в качестве свадебного дара молодая привезла мужу ценное одеяние из черных соболей, представлявшее для неимущего Темучина чуть ли не целое состояние.

Он признал эту минуту удобной для возобновления дружеских сношений с Тогрул-ханом, названным братом ("анда") своего отца. Подвластные Тогрул-хану племена занимали в то время земли в бассейне реки Толы (или Тулы), на которой стоит современная Урга. Темучин

---

* Лэм Г. Указ. соч. С. 33.

** Чингис-хан только на 2 месяца смог бросить зверовую охоту после предупреждения об опасности для его жизни знаменитым таосским монахом Чан-Чуном, описавшим следующий случай в своем "Путешествии по Западу". Когда Чан-Чун прибыл к Чингис-хану по его приглашению из Ляодунского полуострова (Желтое море) через Монголию на границу Индии в 1221 г. на почтовых лошадях, совершив десять тысяч ли (ли — 1/2 версты), чтобы дать великому хану совет бессмертия, то во время охоты, когда Чингис-хан стрелял в вепря, его лошадь испугалась, и он упал; к удивлению, бегущий на него вепрь тогда остановился, пока не подошла свита. Спрошенный ханом Чан-Чун следующим образом растолковал этот случай: "Небо хочет, чтобы мы (Чингис-хан) берегли свою жизнь; теперь у святого (обращение к Чингис-хану) лета уже преклонны. Надо поменьше охотиться. Падение с лошади есть указание неба; а то, что вепрь не смел подвинуться вперед, есть знак покровительства неба". Хан ответил ему: "Я сам понял так. Твой совет весьма хорош, мы, монголы, с ранних лет привыкли стрелять верхом и не можем вдруг оставить эту привычку. Впрочем, слова твои я вложил в сердце".

Схема расселения монгольских племен в XII веке.

в сопровождении братьев отправился в ставку этого могущественного по тому времени повелителя кереитов, напомнил ему об узах, связывавших его с покойным Исугеем, просил разрешения в память тех сношений называть себя сыном Тогрул-хана и в заключение поднес ему по монгольскому обычаю подарок. Подарок этот состоял из той самой собольей шубы, которая так кстати была подарена ему самому его молодой женой.

Тогрул-хан остался доволен вниманием, согласился признавать себя названным отцом Темучина и обещал ему свое содействие в случае нужды. С помощью своего нового покровителя Темучину удалось постепенно собрать под свою власть значительную часть своего рода, покинувшего его после смерти Исугея, и таким образом стать во главе небольшой дружины.

Но еще до этого вскоре после вступления Темучина в брак его стойбище подверглось нападению трех родов северного племени меркитов, сородичей того вождя, у которого восемнадцать лет тому назад была похищена Исугеем его жена Оелун-эке, мать Темучина. Нападение было так внезапно, что сам Темучин едва избежал плена, но Борте оказалась в руках налетчиков. Немного времени спустя с помощью своего названного отца ему удалось отбить ее, и хотя он не мог быть уверен, что рожденный ею после похищения ребенок был в действительности его сыном, почему первенец его, Джучи, не пользовался особенным расположением отца, но к жене своей Борте он в течение всей своей жизни относился с чувством неизменной преданности и привязанности. У него были дети и от других жен, но все сыновья от Борте были действительными спутниками его исторической жизни, в то время как остальные жены и дети являются, по словам Лэма, не более как "пустыми именами в летописи"*.

Как было выше сказано, государство Цзинь старалось ослаблять своих кочевых соседей, сея между ними раздоры и междоусобия. В исторический момент, о котором идет речь, цзиньский император, признав, что в результате означенной политики его северо-западные соседи, когда-то могущественные татары, достаточно ослаблены, решил окончательно сокрушить их вооруженной рукой, пригласив к участию в предстоящем походе Тогрул-хана с тем, чтобы он ударил в тыл татарскому войску, в то время как с фронта оно будет связано цзиньской ратью.

Темучин, рассчитывая воспользоваться этим случаем для отомщения татарам за смерть своего отца, сумел склонить Тогрул-хана к согласию на сделанное цзиньцами предложение, приняв сам в качестве союзника кереитского вождя деятельное участие в открывшейся кампании.

Татары были разбиты наголову цзиньцами и монголами; вожди их были захвачены и перебиты, а племя окончательно лишено самостоятельности и поделено между монгольскими племенами. Татары остались

---

* Лэм Г. Указ. соч. С. 39—40.

навсегда в подчинении у монголов и дошли до России в монгольских войсках Батыя,* внука Чингис-хана, откуда и пошли ходячие выражения "нашествие татар", "татарское иго" и т. п.

В числе причин, содействовавших этому первому крупному военному успеху Темучина, необходимо отметить тщательную тайную разведку, *заблаговременно* по его распоряжению произведенную во вражеской земле и войске. С этого времени такая разведка становится неизменным элементом успехов монголов во всех последующих ведённых ими войнах.

За помощь, оказанную цзиньцам в походе на татар, Тогрул-хан и Темучин получили почетные звания: первый от цзиньского императора титул Ван-хан; второй от цзиньского министра Ченсяна, ведавшего пограничными делами, звание "Чжаохури", что по объяснению комментаторов древних источников означает "полномочный степной комиссар на границе". По этому поводу необходимо заметить, что род Темучина номинально всегда признавал над собой сюзеренную власть цзиньского императора и что сам он как дальновидный политик до поры до времени мирился с этим подчинением, будучи доволен и тем, что в данном случае разом обработал два дела: оказал услугу своим мнимым, но все же сильным повелителям и покончил с заклятым и опасным врагом.

В походе против татар Темучин познакомился со многими вождями и, начальствуя над организованным уже, хотя и немногочисленным войском, имел случай проявить свои военные дарования. К этому же периоду его жизни относится его вторичная встреча со своим сородичем и другом детства Джамугой. Еще с того времени они считались названными братьями. Джамуга был человек умный, энергичный, пользовавшийся немалым влиянием среди своих сородичей. После этой встречи дружба молодых людей возобновилась, и они решили жить в одном стойбище, что и продолжалось полтора года.

За это время из обмена мыслями со своим другом и с иными видными представителями монгольской аристократии у будущего Чингис-хана окончательно выработалось в основных чертах его мировоззрение. В то время, как Джамуга интересовался судьбами простого монгольского народа и все больше проникался демократическими идеями, у Темучина сложилось строго аристократическое мировоззрение. Его властная натура стремилась к владычеству, почету и авторитету среди монголов, которых он, правда, мечтал возвеличить и прославить победами, но под водительством лучших людей народа и с ним самим во главе как преемником славных Кабула и Хотулы ханов.**

* По-монгольски Бату.

** Это мнение было впервые высказано профессором Бартольдом и затем целиком принято профессором Владимирцовым. Теперь, однако, против мнения проф. Бартольда выступил известный путешественник Г. Е. Грум-Гржимайло (в труде "Западная Монголия и Урянхайский край". Т. II), который доказывает, что Джамуга также опирался на аристократические элементы и равным образом стремился к захвату власти в степях. (*Примеч. проф. Котвича*).

Эти его мечты явились не по внезапному наитию: они были издавна взлелеяны в тайниках его души. Надо заметить, что Темучин был человеком глубоко религиозным, верующим в предопределение Вечно Синего Неба — Мёнке-Кёкё-Тенгри. Он видел перст Провидения в том, что жизнь его два раза была спасена, по его мнению, чудом. Первый раз это случилось, как мы видели, при избавлении его из рук тайчиутов; другой раз он таким же чудесным образом спасся при вышеупомянутом нападении, произведенном на его стойбище меркитами, когда была уведена его жена. Он тогда ускакал на гору Бурхан-Халдан и укрылся в чаще, где его тщетно искали триста погнавшихся всадников. Когда опасность окончательно миновала, Темучин девять раз преклонил колена, принося Мёнке-Кёкё-Тенгри свою благодарность за чудесное избавление и избрал эту гору-спасительницу местом своего последнего упокоения, что и было исполнено после его смерти.

В "Изречениях" Чингис-хана, о которых будет подробно сказано в главе VI, приведен еще третий случай чудесного спасения его от смертельной опасности... "Прежде того, как сел я на престол царства,— говорится там от его лица,— однажды ехал я один по дороге: шесть человек, устроивши засаду на проходе места, имели покушение на меня. Когда я подъехал к ним, я, вынув саблю, бросился в атаку. Они осыпали меня стрелами, но ни одна не коснулась меня. Я предал их смерти саблей и проехал невредимо".*

Кроме того, большую роль в развитии мировоззрения будущего Чингис-хана сыграли разные распространенные среди монгольского народа, живо помнившего свое славное прошлое, поверья, предсказания и т. п. о появлении в скором времени вождя, который должен восстановить блеск монгольского имени. Эти циркулировавшие слухи доходили, конечно, и до Темучина и усиливали в нем веру в его предопределение. Об одном из таких предсказаний его сподвижник, знаменитый впоследствии полководец Мукали, довел до сведения Темучина в следующих выражениях:

"Вот под этим развесистым деревом, где ты с Джамугой пировал победу над татарами, когда-то так же веселился Котула, последний хан из рода монголов; их могущество после того пало от татар. Но Вечно Синее Небо не может покинуть своего возлюбленного рода монголов, который ведет начало от него самого. Из рода монголов должен опять выйти богатырь, который объединит и соберет все монгольские племена, станет могучим ханом и отомстит всем врагам. Этим ханом должен быть Темучин; он, Мукали, чувствует такое определение Вечного Неба; молва об этом уже идет, говорят так и старые люди. Все уверены, что с помощью Вечно Синего Неба Темучин станет ханом и вознесет род свой. Пойди и возьми мир!"**

Такие речи подтверждали внутренний голос Темучина, что именно он, а не кто-нибудь иной должен по велению Неба вознести монгольс-

---

* Березин И. Н. Билик. Статья 27.

** Сокровенное сказание о Чингис-хане.

кий народ на недосягаемую высоту. Таким образом, мы видим, что в умах монгольского общества того времени создались условия для появления гениального вождя и полководца. История почти всех великих людей подтверждает подобные же совпадения, так, например, Французская революция дала Наполеона. Тот гений, кто раньше других осознает "хотение" народа, оформит его, тому суждено повести за собой нацию, которая выявит свое историческое лицо. Появление гения совпадает именно с периодом громадного накопления духовной или физической энергии нации, в своей экспансии могущей залить мир либо светом ума или духа, либо силой физической, как мы видим в данном случае истории монголов XIII века во главе с гениальным Чингис-ханом.

С подобными убеждениями Темучин должен был разойтись с Джамугой, приверженцем идей демократических. "Сокровенное сказание о Чингис-хане" так рассказывает об этом важном факте в монгольской истории:

"Темучин и Джамуга поднялись со своего стойбища для перемены пастбища их скота. При выборе нового места для стойбища Джамуга заметил Темучину: "Ныне, если мы остановимся у горы, то пасущие коней достигнут юрты; если — подле потока, то пасущие овец и коз достигнут пищу для своего горла". Темучин с его родными растолковали эти слова следующим образом: под "пасущими коней" Джамуга имел в виду богачей, имеющих табуны, и вообще высший класс, степную аристократию, а под "пасущими овец и коз" он подразумевал "карачу" — простой народ, к которому Джамуга сам тяготел сердцем и душой.* Темучин после этих слов Джамуги решил окончательно порвать дружбу с ним и, не останавливаясь с ним вместе стойбищем у потока, пошел кочевать дальше к горе.

Этот разрыв послужил как бы сигналом для разделения монгольских племен и родов с их вождями на два противоположных лагеря. К Темучину прикочевало много вождей и аристократов со своими людьми; между ними были и потомки славного Кабул-хана, а также сын последнего монгольского хана, знаменитого Котулы — Алтан. Они признали Темучина своим вождем, хотя были и знатнее, и богаче его, в надежде, что Темучин в благодарность за оказанное ему внимание явится послушным орудием в их руках. Впрочем, большинство примкнувших к Темучину вождей сделали это не по эгоистическим соображениям, а потому, что видели в нем идеал степного богатыря: он был огромного роста, строен, представителен, богатырского телосложения: за ним установилась репутация существа, которому и в жизни и в битвах покровительствует Вечно Синее Небо; он обладал и ораторским даром, которым, по словам "Сокровенного сказания", умел воспламенить сердца людей.

Все-таки разрыв с Джамугой обошелся Темучину не дешево. Этот бывший друг обратился в его злейшего врага. Обладая, по-видимому,

---

* Так толкует проф. Бартольд: сам Чингис-хан словам Джамуги не внял и потому предположил у него наличие злого умысла. См. "Сокров. сказание" (*Прим. проф. Вл. Котвича*).

незаурядными дипломатическими способностями, Джамуга при его недюжинных уме и энергии употребил эти качества для устройства против Темучина опасных заговоров и коалиций враждебных ему вождей. Он же был одним из главных деятелей, поссоривших впоследствии Темучина с Ван-ханом.

Однако до поры до времени союз между этими двумя правителями оставался в силе, благодаря чему Темучин был обеспечен от нападения с запада и юга, имел возможность сосредоточить свои усилия против восточных соседей. Один из этих соседей — племя татар — был уже покорен, но оставался еще непокорным сильный враг — тайчиуты. Войско Темучина к этому времени возросло до 13000 конных воинов, разделенных на 13 "куреней", силою около 1000 человек каждый.

Слово "курень" значит круг, кольцо. По старому монгольскому обычаю при перекочевках отдельных племен они на ночлегах и дневках ставили кибитки сомкнутым кольцом, в центре которого разбивалась палатка вождя и воздвигалось его знамя или значок.* Такой курень, по идее соответствующий "вагенбургу" современной тактики малой войны, представлял удобства для обороны во все стороны от нечаянных нападений, обеспечивая в то же время вождя от захвата внезапным налетом. 13 куреней Темучиновой рати составлялись каждый одним из подвластных ему или родственных племен.

На этот раз, как и в старину, тайчиуты, чувствуя надвигающуюся на них грозу, стараются предупредить своего противника нападением. Их вождь Торгутай, собрав такие силы, которые обеспечивали ему, как казалось, верный успех, а именно 30 куреней, т. е. 30000 всадников, нападает на Темучиновы племена во время их перекочевки с летних на зимние пастбища. При тайчиутской армии состоял и бывший друг, а ныне злой враг Темучина — Джамуга, который, вероятно, был душой этого предприятия.

Нападение не застало рать Темучина вполне врасплох, так как его сторожевое охранение обнаружило неприятеля при появлении его на горизонте. Происшедший вслед за сим бой между войсками Темучина и тайчиутами настолько интересен с точки зрения состояния военного дела у кочевников той эпохи и для оценки проявленного Темучином в ведении боя искусства, что приводится более подробное описание его по книге Г. Лэма.**

Фланги своего боевого порядка Темучин обеспечил, уперев их,— правый в труднопроходимый для конницы лес, левый — в обширный общий "вагенбург", построенный по его распоряжению из кибиток и грузовых арб.*** Оборона, "вагенбурга" была вверена не взрослым во-

---

* И теперь монголы (калмыки) селятся всегда кибитками в круг, называемый "хотон", внутри которого ночует скот для защиты от воров.

** Лэм Г. Указ. соч. С. 42—44.

*** Племена при своих перекочевках, а также войска на походе возили за собой такие арбы для имущества и семьи. Они были двухколесные и приспособлены для движения, как в песчаных пустынях, так и по гористой местности.

инам, а боеспособным отрокам и женщинам, вооруженным луками и стрелами. Внутри "вагенбурга" были укрыты небоевые элементы, скот и имущество. Неприятель, превосходя силы Темучина почти в $2^1/_2$ раза, развернулся в несколько линий эскадронов. Последние силою в 500 коней каждый были в пятишеренговом строю, имея, таким образом, 100 коней по фронту и 5 в глубину. В эскадронах первых двух линий люди и лошади имели тяжелое защитное вооружение. По приближении к войскам Чингис-хана эти две линии остановились, пропустив через свои интервалы легких всадников, вооруженных дротиками и луками со стрелами и прикрытых легким кожаным защитным вооружением. Они стали гарцевать перед фронтом Темучиновой рати, бросая в нее дротики и пуская тучи стрел для прикрытия наступления своих тяжелых эскадронов и подготовки их атаки.

Воины Темучина, вооруженные и снаряженные подобным же образом, встретили нападение градом стрел, пущенных из тугих, скрепленных рогом луков. Эти перестрелки кончились, когда легкая тайчиутская конница повернула назад, пройдя обратно через интервалы между тяжелыми эскадронами, которые, как только очистился фронт, бросились наметом на неприятеля. Тогда и Темучин, до сих пор встречавший нападение стоя на месте, выпустил на тайчиутов свои тяжелые эскадроны, из которых каждый представлял силы одного куреня, т. е. массу в 1000 всадников (в среднем), построенных в 10 шеренг. Хотя у Темучина было всего 13 единиц против 30-ти тайчиутских, однако удар его массивных эскадронов остановил атаку неприятеля, сняв эскадроны его первых линий.* После этого Темучин мог уже бросить свои тяжелые эскадроны, прорвавшие неприятельский фронт, против легкой конницы противника. Здесь воины Темучина, следуя за бунчужным девятихвостым знаменем своего вождя и раздаваясь на ходу, вступили в один из тех ожесточенных боев кочевников, в котором стороны, испуская дикие крики, сцепляются в рукопашную, пуская в ход сперва стрелы, затем короткие кривые сабли, стаскивая врагов с седел с помощью арканов или крюков, прикрепленных к древкам пик или дротиков.

Бой длился до темноты и окончился решительной победой Темучина. Пять или шесть тысяч неприятельских тел покрывали поле битвы, а в плен взято одних начальников 78 человек. Победитель распорядился их тут же предать казни — для устрашения будущих врагов. В этом бою был ранен в шею Чингис-хан, и когда он, истекая кровью, лежал в глубоком обмороке до полуночи, Джельме высосал запекшуюся кровь и утолил его жажду кислым молоком, добытым в неприятельском стане, за что впоследствии был ханом награжден.**

---

* Надо полагать, что часть тайчиутских эскадронов вышла против Темучинова "вагенбурга" и вступила в бой с его защитниками в надежде поживиться там добычей. Вообще тайчиуты не сумели использовать свое численное превосходство посредством искусного маневрирования: но оба фланга тяжелых эскадронов Чингис-хана были прикрыты и не могли быть обойдены.

** Сокровенное сказание.

Несколько времени спустя после победы над тайчиутами к Темучину явился молодой человек, вассал Джамуги из рода Исут по имени Джиргуадай и признался, что в минувшем бою он подстрелил Темучинова коня; в заключение он сказал: "Если ты повелишь убить меня, то только замараешь клочок земли, не больше как с ладонь; а коли оставишь меня живым, то я поусердствую тебе: глубокую воду остановлю и крепкие камни розобью на куски!" — Темучин ответил: "Когда враг убивает человека, то он обыкновенно таит и не высказывает этого; ты же теперь не утаил от меня; будь же моим сподвижником!"* В то же время Темучин повелел ему именоваться Джебе (стрела) — в память его проступка. Это был тот самый Джебе-нойон, который начал свою карьеру с десятника и стал одним из наиболее талантливых полководцев Чингис-хана, принимал участие во всех его походах, завоевав вместе с ним Азию. Он же был одним из двух вождей, совершивших первый легендарный поход монголов из-под Самарканда в южнорусские степи и разбивших русских князей на р. Калке в 1223 году.

Другим из этих вождей был не менее знаменитый Субедей-багатур, появление которого в свите Темучина тоже в совсем молодых годах приблизительно совпадает с появлением в ней Джебе-нойона. Субедей, происходя из северного племени урянхов, не обладал пылкостью характера Джебе и его страстью к приключениям; в его действиях преобладал расчет; работая вместе, они друг друга удачно дополняли.

Итак, с тайчиутами было раз навсегда покончено. Искусная политика Темучина, побудившая его заключить союз с Ван-ханом — союз, в котором он, подавляя свое властолюбие, согласился на подчиненную роль "сына" кереитского государя,— позволила ему сокрушить восточных врагов объединения монгольского племени. Теперь он мог посвятить свою энергию преследованию более обширных целей. Ко времени достижения Темучином 30-летнего возраста одна из этих целей вполне определилась, а именно: подчинить себе все населяющие монгольское плоскогорье племена и народы, чтобы образовать из них единое и сильное целое.

IV. ТЕМУЧИН ПРОВОЗГЛАШАЕТСЯ ЧИНГИС-ХАНОМ ГРУППОЙ АРИСТОКРАТИИ

В результате военных успехов и создавшейся репутации Темучина как идеального степного правителя "люди стекались к его девятихвостому знамени уже не семействами или десятками, а сотнями... Он собрал около себя двор, правда, без мергеров и советников, но составленный из людей воинственного духа** и глубоко ему преданных".

---

* Сокровенное сказание.

** Л э м Г. Указ. соч. С. 46.

Так как вокруг Темучина теперь собралась большая часть монгольских вождей с их людьми, то они, обсудив это дело на собрании, единогласно признали момент соответствующим для провозглашения его ханом-императором. Самые знатные из участвовавших в этом собрании представителей степной аристократии — Алтан, Кучар и Сачабеки, не пожелавшие выставлять своих претензий на сан кагана, чтобы не перебивать кандидатуры избранника огромного большинства — Темучина — после состоявшегося решения объявили ему об этом от имени собрания в следующих выражениях:

"Мы хотим провозгласить тебя каганом-императором. Когда ты станешь каганом, то в битвах с многочисленными врагами мы будем передовыми, и если полоним прекрасных девиц и жен, то будем отдавать их тебе. В облавах на зверей мы будем выступать прежде других и пойманных зверей будем отдавать тебе. Если мы в ратных боях преступим твои приказы или в спокойное время повредим делам твоим, то ты отними у нас жен и имущество и покинь нас в безлюдных пустынях".

"Так поклялись они,— продолжает "Сокровенное сказание",— и провозгласили Темучина каганом и нарекли его Чингис-ханом".

В этих словах подчинения можно, однако, прочесть между строк и об обязанностях, которые, по понятиям избирателей, должен нести избранный император. Обязанности эти состоят в том, что он должен вести их к победам — к тем победам, которые доставляют степнякукочевнику вожделенные блага жизни: черноокиx красавиц, горячих скакунов, тучные пастбища для скота, привольные места для охоты. По выделении для повелителя законной части всех этих благ должно оставаться достаточно и для его сподвижников.

Мы нигде не встречаем удовлетворительного объяснения названия "Чингис". На языке западных монголов — ойратов-калмыков — в буквальном значении это слово значит "крепкий", "сильный".* Но эти определения должно отнести не столько к понятию физическому, как к духовному: уму, характеру и т. п. На этом основании некоторые писатели слово Чингис считают равнозначащим понятию "непреклонный", которое, правда, близко подходит к характеру Темучина, но всетаки представляется односторонним, так как заключает в себе идею твердости только воли, не касаять ума и физической стороны человека. Если примем во внимание, что среди монгольской аристократии того времени существовали титулы: "багатур" (для физически сильных, храбрых), сецен (для мудрых), то имя Чингис, данное Темучину, вполне соответствует своему всестороннему значению, т. к. Темучин помимо своих выдающихся физических качеств, о которых упоминалось в предыдущих главах, был одарен редким умом, твердой волей, военным и организаторским талантами, красноречием; совокупность всех

---

* Так в кавычках записан у Рашид-ад-Дина точный перевод этого слова с монгольского, очевидно, со слов монгола Болота, услугами которого в смысле его знания монгольских преданий пользовался, между прочим, Рашид-ад-Дин.

этих качеств в одном человеке можно определить одним словом "чингис".*

Разносторонностью своих дарований Чингис-хан из исторических личностей ближе всего подходит к Юлию Цезарю, военный гений в нем превалирует над всеми другими способностями: он всю жизнь с 10 до 72 лет провел на коне и умер в походе.

V. ОБЪЕДИНЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПЛЕМЕН В ОДИН МОНГОЛЬСКИЙ НАРОД

Провозглашение Темучина Чингис-ханом было делом представителей большей части монгольских племен, но не всех, так как другая часть народа с несколькими аристократическими семьями была с Джамугой; оставалось вне этого объединения и могущественное племя кереитов, подвластное Ван-хану, а также государство найманов и белых татар.

Таким образом, первая цель, которую себе поставил Чингис-хан — образовать единую монгольскую державу — еще не была достигнута.

Однако те племена, которые уже признали его власть, представляли в общей сложности по числу душ такую крупную величину и занимали такие обширные земли, что являлось необходимым еще ранее достиже-

---

* Обычай давать другое имя ханам был и у монголов, и китайцев. Государи не называются в народе собственным именем из почитания к ним. Собственное имя их оставалось именем фамильным. В семье монгола и по сие время дети не называют собственными именами не только родителей, как у европейцев, но и братьев и сестер отца, а снохи не произносят слов, совпадающих с этими запретными именами: так, если тетку по мужу зовут Цаган, что значит "белая", то слово "белый" вообще у нее заменяется другим словом, таким образом они имеют особый лексикон заменяющих слов. По утверждению профессора монголоведа Вл. Котвича, у восточных монголов нет слова "чингис", между тем у ойратов-калмыков, т. е. у западных монголов, это слово употребляется и теперь в единственном переведенном у Рашид-ад-Дина смысле: это обстоятельство, по моему мнению, и создало у ориенталистов много разных толкований слова "чингис".

"Так последнее толкование (Ramstedt u Pelliot) выводит этот титул из монгольско-турецкого слова "тенгис" — море, т. е. морской хан или хан мира (земель), омываемых морем или всемирный хан. И действительно, Гуюк носит титул Далай-хана, как видно из печати на его письме к Папе (1246), найденном недавно в Риме". (*Замечание проф. Вл. Котвича на рукописи этого труда*). По моему мнению, это большая натяжка объяснения слова "чингис" от "тенгис". Дело в том, что слово "далай", у ойратов "дала" — имеет двоякое значение: первоначальное — это значит бесконечное, великое, много, а затем — "океан". Так что титул Гуюка — Далай-хан надо понимать в первом смысле слова далай или дала — "великий", а не во втором смысле — "океан". Что же касается отсутствия слова "чингис" у восточных монголов, по примечанию проф. Вл. Котвича в этом труде, то это обстоятельство очень удивило автора, так как у западных монголов-ойратов, к которым принадле-

ния указанной цели и попутно с ее преследованием озаботиться возможным сплочением подвластных племен в одно целое. Одной из важных мер в этом отношении являлась организация постоянной сети сообщений, а необходимость обеспечения центральной власти от неблагоприятных случайностей, всегда возможных в той обстановке, в которой возникала монгольская держава, требовала прочной организации ставки верховного правителя государства и надежных мер для ее охраны. В осуществлении этих мероприятий и других, относящихся к разряду административных, Чингис-хан с самого начала проявил огромный организационный талант.

Его ставка стала истинным центром зарождающейся великодержавности. Для связи, для передачи своих приказов народу он организовал отряд верховых — по нашей терминологии, ординарцев или курьеров, которые "как стрелы" разлетались во все подвластные земли. В степном государстве при отсутствии современных понятий о почте, телеграфе и железных дорогах организация таких конных курьеров являлась чрезвычайно разумным нововведением, еще нигде до Чингис-хана не практиковавшимся, по крайней мере в таком крупном масштабе; позднее эта организация была введена по всей монгольской державе, получив дальнейшее развитие в виде учреждения сети "ямов" — ямских станций, являвшихся, с одной стороны, этапами для передачи и дальнейшего препровождения почты, а с другой — подставами для должностных лиц и курьеров, которым были доверены особо важные письменные или

жит автор, это слово сохранилось в значении, приведенном Рашид-ад-Дином. По мнению автора, это можно объяснить только тем, что по смерти Чингис-хана это имя, под которым он был известен империи, а не собственное, бывшее фамильным, стало запретным в виде траура. По Рашид-ад-Дину известно, что официальный траур по Чингис-хану длился два года, а траур на имя мог быть навсегда. Тот же Рашид-ад-Дин приводит два таких случая запрета имен в виде траура для народа по случаю смерти их носителей: одно из них было имя Тулуя, четвертого сына Чингис-хана. Тули по-монгольски означает "зеркало", пишет Рашид-ад-Дин, очевидно, со слов монголов, поэтому народ стал называть зеркало по-турецки "кузку" (у калмыков очень редко употребляется "козил дур"). Видимо, под влиянием этого запрета и теперь у калмыков редко употребляется настоящее название зеркала — "толи". (См. русско-калмыцкий словарь Н. Бадмаева. Слово "толи" употребляет главным образом духовенство), а говорят описательно: "нюр юздек гэр", т. е. вещь (в раме), где смотрят лицо. То, обстоятельство, что слова "чингис" и "толи" у восточных монголов отсутствуют, а у западных сохранились можно объяснить влиянием траурного запрета, который у западных монголов действовал не так долго, как у восточных, откуда происходит Чингис-хан, ввиду того, что вскоре в конце царствования Кубилая западные начали враждовать с восточными монголами. Таким образом первое значение слов "чингис" и "тулуй", "толи" у Рашид-ад-Дина считаю правильным, т. к. соответствует значениям этих слов у ойратов. Выпадение же у восточных монголов этих слов объясняю траурным запретом хана. Затем титул Гуюка — Далай-хана надо переводить — Великий хан, а не морской или океанский, подобно тому как Далай-лама — Великий лама, далай нор — великое озеро.

словесные распоряжения и сношения. Когда монархия Чингис-хана получила характер мировой империи, распространившись и на Россию и Китай, сеть ее линий сообщений обратилась в огромное государственное учреждение, обслуживавшее не только правительственные, но и частные потребности в сношениях, что открыло доступ в сердце Монголии путешественникам даже из далекой Европы: Плано Карпини, Рубруку и Марко Поло. Чингис-хан хотел доставить торговле такие удобства и такую безопасность, чтобы можно было, как он выражался, во всей его империи носить золото на голове, как обыкновенные сосуды, не подвергаясь ни грабежу, ни притеснениям.*

Вся империя покрылась густой сетью таких почтовых линий. "Ям" исполнял одновременно функции современного телеграфа, рельсовых путей и почт. Каждый длинный путь разделялся на участки, управлявшиеся особыми "дорожными губернаторами", облеченными неограниченной властью в сфере ведения каждого из них и располагавшими соответственно военной силой — наподобие современных жандармов,— но зато ответственными за порядок и безопасность в пределах своего участка. При них имелись управления, в которых, между прочим, производилась регистрация проезжающих лиц и провозимых товаров. Благодаря наличию на линиях сообщений такой твердой власти, обычные в те времена грабежи на больших трактах совершенно исчезли в Монгольской империи. Например, при преемниках Чингис-хана пути между Хивой и Крымом были так хорошо устроены, что можно было ездить из Хивы в Крым без малейшей опасности, и по всему протяжению пути, продолжавшегося около трех месяцев, не надобно было брать с собою никаких съестных припасов, потому что все необходимое можно было получить в гостиницах.**

Право первенства в отпуске на ямских станциях лошадей принадлежало, разумеется, курьерам, везшим депеши для хана или его приказания. По одному их слову им немедленно предоставлялась лучшая лошадь яма. Эти люди, летя "как стрелы", покрывали в сутки расстояния до 250 верст. В случае падежа лошади на перегоне между двумя ямами, обычно около 25—30 верст длиною, такой курьер имел право взять в обмен павшей лошадь у первого попавшегося. Курьеры при монголах снабжались особыми дощечками (пайцзами) с изображением кречета.***

Подробное описание ямов дает Марко Поло. По его сведениям почтовую службу несли в империи (в XIII веке) до 300000 лошадей.

---

* Иванин М. И., генерал-лейтенант. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. Спб. 1875. С. 25.

** Иванин М. И. Указ. соч. С. 25.

*** Ямские станции описанного типа для перевозки почты и должностных лиц существуют и сейчас на юго-востоке европейской России и в азиатской России, местностях, где нет железных дорог. На эпидемии холеры и чумы в 1911—1912 г. в Киргизских и Калмыцких степях автор пользовался такими же курьерами с птичьим пером вместо телеграфа для донесений о движении эпидемии.

Почтовых зданий, обставленных с большой роскошью, имелось более 10000. На некоторых бойких станциях содержалось по 400 лошадей на каждой.* На прочих число это колебалось от 50 до 200. Сообщения происходили не только верхом, но и на колесах; езда на ямщицких телегах обязательно производилась с колокольчиком для предупреждения яма о приближении ямщицкой телеги во избежание задержки в подаче свежих лошадей.

В тот исторический момент, на котором мы пока остановились, организация сообщений была, конечно, значительно проще и служила главным образом для военных и важнейших административных нужд. Как было сказано, к тому же периоду относились заботы Чингис-хана по организации его ставки. Обеспечив ее связь со всеми районами своего государства, он для непосредственного заведования ею назначил двух доверенных лиц. При этом важном назначении он руководствовался не знатностью происхождения, а соответствием для требуемой работы и испытанной верностью своей особе, почему избранными оказались его первые по давности вассалы — Богурчи и Джельме, подчинившиеся ему, когда он еще был молод и малоизвестен. Первый был сыном обладавшего некоторым достатком простолюдина, а второй — сын кузнеца его отца.

В то время, как Чингис-хан деятельно работал таким образом по сплочению своего молодого государства, враги его не дремали. Джамуга сумел приобрести среди подвластных ему вождей племен такое значение, что они, собравшись однажды (около 1201 г.) на берегу р. Аргуни, провозгласили его Гур-ханом, что значит Всенародный хан; это было прямым вызовом Чингис-хану, тем более, что в этом провозглашении сыграла роль враждебная ему коалиция, в которой участвовали его собственные дяди (со стороны матери), вождь суровых меркитов Тукта-беке, а также сын престарелого Ван—хана, пытавшийся вести свою собственную, отличную от отцовской политику.

Чингис-хан со свойственной ему осторожностью обеспечил себя поддержкой со стороны своего союзника Ван-хана; после того он выступил в поход и в 1202 году нанес своему бывшему названному брату и его союзникам меркитам решительное поражение.** Джамуга бежал; подвластные ему роды подчинились победителю.

Этот успех был одержан, между прочим, благодаря строгой дисциплине, господствовавшей в войске Чингис-хана, который сумел искоренить в нем свойственную первобытным воинам привычку при первой же возможности бросаться на грабеж добычи. Одним из средств для достижения такого результата являлось внушение рядовым воинам убеждения, что по одержании победы добыча будет справедливо поделена между всеми участниками боя; другим средством был, конечно, страх тяжкого наказания за ослушание. Кроме того, Чингис-хан, который уже успел к этому времени осознать, что только упорство — несмотря ни на какие неудачи — в преследовании намеченной цели

---

* Лэм Г. Указ. соч. С. 173—175.

** Эрдман Ф. Указ. соч. С. 281.

может обеспечить победу над стойким врагом, отдал перед битвой с Джамугой своему войску следующий приказ:

"Если будет успех, то не гнаться за добычей, по окончании же всего дела разделить ее поровну. В случае, если бы был сначала неуспех, который заставит отойти в исходное положение, то ратники должны снова и снова атаковать: тому, кто, отступив, уклонится от повторения атаки, отрубить голову".*

Не обладавшие железной дисциплиной Чингисовых воинов войска Джамуги в битве с ними быстро расстраивались и рассеивались. Слава Чингис-хана росла, и все новые и новые вожди родов и племен переходили к нему на службу и в подданство. Но в то же время подчинившиеся ему раньше представители знатнейших родов — Алтан, Кучар и другие, убедившись в ошибочности своего расчета на то, что Темучин будет послушным орудием в их руках, откочевали от него и подчинились Ван-хану в надежде, что с его помощью им в конце концов удастся устранить Чингис--хана. Таким образом, несмотря на поражение Джамуги, враждебная монгольскому монарху коалиция не только не распалась, но еще усилилась новыми членами; на этот раз наиболее деятельным ее участникам удалось втянуть в свою орбиту и колеблющегося Вана-хана, действительно с опасением следившего за постепенным усилением своего союзника и соперника.

Последний до этого времени старательно поддерживал союзные отношения со своим названным отцом, извлекая из этого положения всевозможные для себя выгоды; в то же время для того, чтобы отвлечь мысли Ван-хана от дел на востоке, где он, Чингис-хан, распоряжался самовластно, он искусно втравлял своего союзника в столкновения с его западными соседями в ожидании момента, когда он сам усилится настолько, что будет в состоянии открыто выступить против правителя кереитов. Однако на этот раз его хитрая политика сорвалась, встретившись с еще большим коварством врагов.

Чтобы охарактеризовать коварство Ван-хана, приведем следующие выдержки из "Сокровенного сказания". Ван-хан до этих событий сказал: "Исугей-анда (названный брат) однажды уже возвратил мне потерянный мной народ; ныне сын его, Темучин, тоже возвратил мне потерянный народ; для кого так трудились и отец и сын? Теперь я уже стар; впоследствии кому передам управление моим народом? Мои младшие братья без достоинств; есть только сын Сенгунь, но все равно как бы и не было его. Сделаю Темучина старшим братом Сенгуня, так что у меня будет два сына; тогда я буду спокоен", для чего сошелся с Чингисом и заключил союз отца с сыном, говоря между собой: "В войне с врагами будем ратовать вместе, в облавах на зверей вместе будем охотиться. Если люди будут ссорить нас, не будем слушать и верить им и тогда только удостоверимся, когда лично переговорим".

Выступление против него Ван-хана оказалось для Чингис-хана нео-

---

* Для большей ясности редакция этого приказа (заимствованная из "Сокровенного сказания") несколько приноровлена к современной терминологии.

жиданностью. Нападения врасплох ему удалось избежать только благодаря случайности: о приближении рати Ван-хана и его союзников он был предупрежден двумя пастухами. Это дало ему возможность построить свое войско к бою, но на стороне врагов оказалось численное превосходство, так как у Чингис-хана в строю имелось всего лишь 4600 воинов.

Ван-хан перед битвой спросил у состоявшего при нем Джамуги: "Кто главные бойцы у Темучина?" Тот ответил: "Два рода — урут и мангут у него добрые ратники: они не расстраиваются в нестройном (рассыпном) бою и с малолетства навыкли к копьям и мечам; знамена у них цветные или черные; когда они появятся, то надо остерегаться".*

Хотя Чингис-хану и удалось отбить нападение, но сам он оказался слишком слабым для нанесения Ван-хану решительного поражения. В этом бою, происшедшем в урочище Халанджик-Алате, сын Ван-хана — Сенгунь, один из наиболее рьяных врагов Чингис-хана, был ранен стрелой; на монгольской стороне были ранены: третий сын хана Угедей и двое из его верных сподвижников Боро-Кула и Богурчи.

Чингис-хан понял, что для решительной победы над Ван-ханом необходимо собрать больше сил; поэтому он после боя предпринял отступление, подкрепляя коней подножным кормом и давая отдых воинам; во время этого отхода войско его усиливалось подходившими подкреплениями. Чтобы выиграть еще больше времени, он пытался вступить с Ван-ханом в переговоры, притворно выражая ему свою сыновнюю покорность, напоминая о своих прежних услугах и предлагая заключить мир. Вот выдержки из его характерной "повестки".**

"Еще, о, хан, отец мой! Подобно солнцу, явясь из-за облаков, ты пришел ко мне, и, подобно огню, выйдя тихо наружу, ты появился передо мною; голод твой до половины дня я утолил вполне и насытил; месяца одного я не оставил тебя в наготе, все покрыл. Если же скажут: "Какой это имеет смысл?" Скажи: "Тот смысл, что я дал битву в месте, называемом Березовый Холм, и разбил племя меркит, а взятые у них табуны, стада и другую всю добычу я отдал тебе".

"Еще, о хан, отец мой! После того я полетел, подобно кречету, к горе Чорге, прошел Буир-нор: я взял для себя журавлей, у которых ноги синие и пепельно-цветные. Если ты скажешь: "Кто они?" — Племя дурбен и татар. В другой раз я стал лукогрудым кречетом молодым, прошел за Кула-нор и взял для тебя синеногих голубых журавлей и тебе дал. Если скажешь: "Кто они?" — Племена хатакин, салджиут и хонкорит. И теперь это они, помощью которых ты пугаешь меня. Это другое из прав моих на тебя".

"Еще, о, хан, отец мой! Ты какое право на меня утвердил за собой,

---

* Сокровенное сказание.

** По отсутствию письменности повестки-послания передавались устно, а для легкости запоминания составлялись образно и в рифмах: сам Чингис-хан был большим мастером в таком стихосложении. Выдержки взяты из Рашид-ад-Дина по переводу проф. Березина.

какую ты принес мне пользу? А я имею на тебя все эти права и несколько выгод тебе доставил. Зачем ты пугаешь меня? Зачем не сидишь спокойно и в отдыхе? Зачем не допускаешь невесток и сыновей своих спать спокойно? Я, сын твой, никогда не говорил, что доля моя мала, я хочу больше, или она дурна, я хочу лучше".

В повестке, которую одновременно послал Чингис-хан Алтану и Кучару (Худжару) говорится:

"Я употребил много старания и усилия (на Курултае) и сказал: "Будьте вы царем и ханом". Вы не согласились. Я был поставлен в крайность. Тебе, Худжар, я сказал: "Ты сын Котула-кагана, который был царем,— ты так же не стал. Когда вы гиперболически* сказали мне: "Будь ты ханом", я по вашему слову стал ханом и сказал: "Становище и жилище предков и дедов я не оставлю стертым, не утрачу и не испорчу пути и устава их. Я думал, что если я царь и стал начальником войска для множества стран, то необходимо это обязательно, с приверженцами; я брал (войною) много табунов, стад, кибиток и людей и давал вам; для вас я на степной охоте устраивал переход и гнал в вашу сторону горных зверей".**

На эти послания Ван-хану и Алтану с Худжаром ответил Чингис-хану от имени их Сенгунь: "Будем сражаться; кто из нас одержит верх, будет ханом", и приказал: "Выступить с войском, распустить знамена, бить в барабаны, вывести скакунов, чтобы сделать наступление и направиться на Чингис--хана".***

Получив такой ответ, Чингис-хан собрал совет, на котором большинство высказалось за продолжение борьбы с Ван-ханом. Тем временем ему удалось привлечь к себе нескольких новых союзников.

Итак, новый бой был неизбежен. Чтобы дать его в наиболее выгодных условиях, Чингис-хан пустился на хитрость. Вместе со своим войском он скрылся в лесах так искусно, что неприятель потерял его след. Для розыска Чингис-ханова войска Ван-хан послал — вероятно, как лучше знакомого с местностью — взятого им в плен брата Чингис-хана, Касара****, оставив у себя в качестве заложников для обеспечения исполнения данного поручения жену Касара с детьми. Касар действительно разыскал брата, который уговорил его, не возвращаясь лично к Ван-хану, послать к нему одного из своих людей с донесением, что монгольское войско нигде не найдено и с предложением послать к нему, Касару, доверенных людей для удостоверения, что в данной местности все пусто. Хитрость вполне удалась, доверенные люди прибыли, они были схвачены Чингис-ханом и, вероятно, по жестокому обычаю того времени, под пыткой или угрозой таковой открыли Чингис-хану во всех подробностях положение кереитской рати. Оказалось, что она пребыва-

* У монголов приняты самоунижающие формы выражений.

** Монголы выражались аллегорически и, так как не было в то время письменности, для легкости запоминания посыльному (повестки) излагались в форме стихов.

*** Березин И. Н. Указ. соч.

**** Имеется в виду Хасар. (Примеч. ред.).

ет в состоянии полной беспечности, а в ставке Ван-хана идут нескончаемые пиры.

Заручившись этими ценными сведениями, Чингис-хан быстро выводит свое войско из засады, форсированным маршем подходит ночью к неприятельскому лагерю, окружает его вместе со ставкой вождя и, несмотря на оказанное упорное сопротивление, наносит врагу на этот раз решительное поражение. Ван-хану с сыном, обоим раненным, удалось бежать с малой свитой, а большинство из его людей, оставшихся в живых, победитель забрал себе. Ван-хан спасся в стране найманов, но в скором времени был там убит; несколько времени спустя такая же судьба постигла его беспокойного сына Сенгуня. Это произошло по Санан-Сецену в 1196 году.

После этой победы произошел следующий случай, характеризующий отношение Чингис-хана к побежденным врагам и ярко рисующий степные нравы. Один бывший багатур Ван-хана сказал Чингис-хану: "Мне тяжело было дозволить вам схватить и убить моего законного господаря, поэтому я бился с вами три дня, чтобы дать хану время уйти дальше, теперь, велишь мне умереть, умру; а если даруешь мне жизнь, то поусердствую тебе". Чингис-хан ответил: "Кто не захотел покинуть своего господина и, чтобы дать ему время убежать дальше, один сражался со мною, тот молодец. Будь моим товарищем".*

Так Чингис-хан всегда и везде поддерживал аристократические начала: власть феодала над вассалом, господина над рабом, поощряя всегда верных слуг, и наказывал смертью изменников своему господину, хотя бы последний был его врагом. Властелин монголов этим выражал истинные чаяния и идеалы степной аристократии, которая потому и гордилась своим вождем и была ему слепо предана.

Победа над кереитами, приведшая под власть Чингис-хана это сильное когда-то племя, давшая, конечно, богатую добычу и способствовавшая еще большему распространению среди народов Монгольского плоскогорья громкой военной славы победителя, могла бы вполне удовлетворить честолюбие заурядного кочевого правителя. Но не из такого теста был сделан Чингис-хан и не в его духе было почивать на лаврах после одержанных успехов.

Упорно стремясь к своей цели — объединению родственных монгольских племен Центральной Азии — он принимает административные меры для обеспечения мирного сожительства покоренного племени кереитов с другими подвластными ему народами, но в то же время деятельно готовится к включению силою оружия в созданное объединение западных племен — найманов и уйгуров,— единственных еще оставшихся вне этого национального целого. "Достоинство каждого дела,— твердил он часто своим сыновьям,— заключается в том, чтобы оно было доведено до конца".

В течение трех лет, прошедших после побед над Ван-ханом, он со

* Сокровенное сказание. — Пленный багатур, вероятно, командовал арьергардом кереитского войска.

своими закаленными в боях воинами успел глубоко проникнуть в земли найманов и уйгуров — двух народов более высокой, сравнительно с монголами, культуры, из коих найманы к концу XII века достигли значительной степени могущества.*

Предлог для открытия похода против найманов (хотя Чингис-хан в предлогах обыкновенно не нуждался) доставил ему сам государь найманский Даян-хан, который, обеспокоенный растущим могуществом властелина монголов, надумал весной 1204 года заключить с государем племени онгутов, живших близ Великой Китайской стены, Ала-Кушем наступательный союз против Чингис-хана. По словам персидской летописи, приглашение к вступлению в союз было изложено в следующем послании: "Говорят, что в этих пределах явился новый царь по имени Чингис-хан. Мы знаем точно, что на небе есть двое: солнце и луна, но каким образом будут два государя царствовать на этой земле? Будь ты правою рукою моею и помоги мне войском, чтобы мы могли взять его колчан, т. е. его степень, ханство".**

Но Ала-Куш, веря больше в восходящую звезду Чингис-хана, чем в сомнительное счастье Даян-хана, счел за лучшее о полученном им предложении довести до сведения Чингис-хана. Последний собрал Курултай, на котором решено предупредить Даян-хана нападением. Для похода все уже было готово; рать Чингис-хана вторглась в страну найманов, занимавшую район Алтайских гор. 16 июня 1204 г. произошло генеральное сражение, в котором Чингис-хан лично руководил своим войском, поручив начальствование над его центром своему брату, силачу Джучи-Касару.*** Найманское войско было разбито наголову: Даян-хан погиб в сече.

В этом бою участвовал и неутомимый Джамуга, который после поражения Ван-хана нашел убежище у найманов и был именно подстрекателем Даян-хана к выступлению против Чингис-хана. "Сокровенное сказание", которое дает описание битвы монголов с найманами, эпически рисуя подвиги витязей Чингис-хана и его самого, повествует, что во время одного из эпизодов боя Даян спросил находившегося при нем Джамугу: "Кто эти, преследующие наших, как волки, когда они гонятся за стадом овец до самой овчарни?" Джамуга отвечал: "Это четыре пса моего Темучина, вскормленные человеческим мясом: он привязал их на железную цепь: у этих псов медные лбы, высеченные зубы, шилообразные языки, железные сердца. Вместо конской плетки у них кривые сабли. Они пьют росу, ездят по ветру, в боях пожирают человеческое мясо. Теперь они спущены с цепи: у них текут слюни, они радуются. Эти четыре пса: Джебе, Кубилай, Джельме, Субедей". Потом Даян опять спросил Джамугу: "Кто это позади, как голодный коршун, порывающийся вперед?" Джамуга отвечал: "Это мой Темучин-анда, одетый с ног до

---

* Лэм Г. Указ. соч. С. 68—69: Эрдман Ф. Указ. соч. С. 271.

** Березин И. Н. Указ. соч.

*** В "Сокровенном сказании" сказано, что руководство главными силами войска было поручено Хасару. (Примеч. ред.)

головы в железную броню: он прилетел сюда, словно голодный коршун. Видишь ли его? Вы говорили прежде, что только монгол появится, так от него, как от барашка, не останется и копыт с кожей. Посмотри же теперь"..*

Покончив с найманами, Чингис-хан послал отряды на север и на запад для покорения мелких племен. В 1205 г. Чингис-хан отправил на запад с войском Субедея. Кроме покорения мелких племен, он должен был поймать бежавших детей Тохта, поэтому и повелел ему (Субедею — *ред.):* "Они, потерпев поражение в битве с нами, вырвались у нас, как дикая лошадь с укрюками на шее или как подстреленные олени. Коли они на крыльях улетят на небо, ты будь соколом и поймай их. Коли они, как мыши, зароются в землю, ты будь железной лопаткой и откопай их. Коли они, как рыбы, скроются в море, ты будь сетью и вытащи их".** Из этого видна железная воля Чингис-хана в достижении цели. Мало разбить неприятеля, плоды победы у Чингис-хана выражаются или в полном покорении или в уничтожении неприятеля. Разбитый, но бежавший неприятель считается еще не побежденным, поэтому мы видим, как всегда упорно преследовал в своей жизни Чингис-хан бежавших. Эту тактику наследовали и ученики его военной школы.

Джамуге не к кому было больше бежать, почему этот народный вождь, всеми покинутый, стал атаманом шайки разбойников, но был выдан Чингис-хану своими же людьми. Верный себе Чингис-хан казнил предателей, а бывшего друга, как изложено в монгольском сказании, хотел было помиловать, но тот сам испросил себе как милости казни: "Пусть Темучин позволит ему умереть без пролития крови"... Желание его было исполнено, после чего Темучин устроил своему сопернику торжественные похороны.

После покорения западных племен Чингис-хан является бесспорным властелином всей страны от Алтая до Китайской стены. Объединение всех заключавшихся в ней земель в одно государство, несомненно, означало намерение восстановить древнюю монголо-тюркскую империю XI века.

Объединение отдельных, независимых доселе монгольских племен в один народ и организация их в одно государство было первой и ближайшей задачей Чингис-хана: приведение же задачи в жизнь не обошлось ему без больших трений. Надо заметить, что до сего времени в степи было принято у отдельных вассалов уходить со своим племенем к другому сюзерену или же становиться самостоятельным. Это многократно проделал Джамуга, по этому же обычаю ушли от 13-летнего Темучина подвластные покойному его отцу племена во главе с тайджиутами. Подобно этому однажды "отложился" и ушел с одним военачальником и "со своими людьми" Касар, брат Чингис-хана. Его заставило "отложиться" все более и более растущие

* Сокровенное сказание о Чингис-хане.

** Ibidem.

"самовластие" и авторитет Чингис-хана, его стройная организация, основанная на строгой соподчиненности как по административной, так и по военной части, полноте его власти, чувствующейся везде и всюду,— все это стушевывало, обезличивало такую сильную, своенравную натуру, каким был Касар.

Но, однако, власть начинает сознавать себя властью и не позволяет, как раньше, непокорным уходить безнаказанно, а посылает за ними карательный отряд вдогонку во главе с Субедей-багатуром и приводит их к покорности.

Распри же не ослабевали и далее: в эпическом былинном повествовании Санан-Сецена они ярко выплывают. Однажды Касар и Бельгутей, братья Чингис-хана, повели такую беседу: "Чингис-хан слишком несправедлив и жаден до власти. Ведь только твое искусство (стрелять), Касар, твои силы, (силач) Бельгутей, содержат в подчинении и смягчают непокорных".

Повелитель прознал про эти слова и, обратившись в старика, буквально повторил дело Одиссея и тем устыдил их. В 1190 году, по Санан-Сецену, Чингис-хан привел в покорность восставшее 31-е племя, одержав победу над ним. Вскоре же после этого во время охоты с орлом, подаренным бурятским племенем, на своем голубом коне Саид-Самуджи Чингис-хан получил известие о новом возмущении против него. Ванчик-хаган из племени джурджид "отложился" и ушел, за ним погнался сам Чингис-хан с своим войском и привел их в покорность, а кибитки их и все недвижимое [имущество] подверг сожжению в назидание другим.

В 1192 г. Чингис-хан пошел против племени солонгов (корейцев), где он пробыл 3 года; за это время не унимались покоренные и удерживаемые в повиновении властной рукой племена. По возвращении из этого похода Чингис-хан с его братьями однажды был приглашен князем Бюрке-Чилгир знакомого нам племени тайчиут на пир. Этот князь предварительно на почетном месте, где должен был сесть Чингис-хан с братьями, вырыл волчью яму и накрыл коврами. Предупрежденный своей матерью, Чингис-хан дал следующие предварительные распоряжения: "Касар — лук наготове! Бельгутей, ты останешься снаружи кибитки! Ты, Хаджикин, следи за конями! Ты, Ютсекен, будешь со мною. Вы, девять Орлеков, войдите со мною! А вы, триста телохранителей, расположитесь кругом!"

Дело окончилось тем, что Касар, знаменитый стрелок, стоя у дверей кибитки, расстрелял всех виновников покушения.

Чингис-хан заканчивал свои ближайшие завоевания на западе и юге: в 1195 г. покорено племя сартагол (сарты). 1206 год приносит покорение Тибета; затем покоряются три провинции Кара-Тибета. Тогда Чингис-хан устроил великие торжества, вернувшись с одного похода, учредил производство и раздачу наград своим военачальникам, раздавая народу сокровища, Чингис-хан, как повествует Санан-Сецен, заявил тогда народу:

"Согласно повелению высшего царя Тенгри Хурмузда, отца моего, я

подчинил 12 земных царств, я привел в покорность безграничное своеволие мелких князей, огромное количество людей, которые скитались в нужде и угнетении, я их собрал и соединил в одно, и так я выполнил большую часть того, что я должен был сделать. Теперь я хочу дать покой моему телу и душе".

Однако восстановление такой огромной империи могло быть по плечу только человеку необыкновенных способностей. Не надо забывать, что соединенные Чингис-ханом в один народ племена были разобщены между собой на сотни верст бесплодными и безводными пустынями, что как кочевники они страстно любили свободу и что они были вообще малочисленны. "Какую силу воли, какие военные, административные и политические способности должен был иметь человек,— говорит Иванин,* — чтобы подчинить своему владычеству эти народы... чтобы дать им устройство, необходимое для образования многочисленной армии и чтобы подчинить их стройной дисциплине".

Знаменитый Марко Поло отзывается так о Чингис-хане этого периода его жизни: "Завоевав какую-либо область, он не обижал населения, не нарушал его прав, собственности, а только сажал среди них нескольких своих людей, уходя с остальными на дальнейшие завоевания. И когда люди покоренной страны убеждались, что он надежно защищает их от всех соседей и что они не терпят никакого зла под его властью, а также, когда они видели его благородство как государя, они тогда становились преданными ему телом и душой и из бывших врагов становились его преданными слугами. Создав себе таким образом огромную массу верных людей,— массу, которая, казалось, могла бы покрыть все лицо земли, он стал думать о всемирном завоевании".**

VI. ТОРЖЕСТВЕННОЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ЧИНГИС-ХАНА ИМПЕРАТОРОМ. ОРГАНИЗАЦИЯ ЕГО ИМПЕРИИ

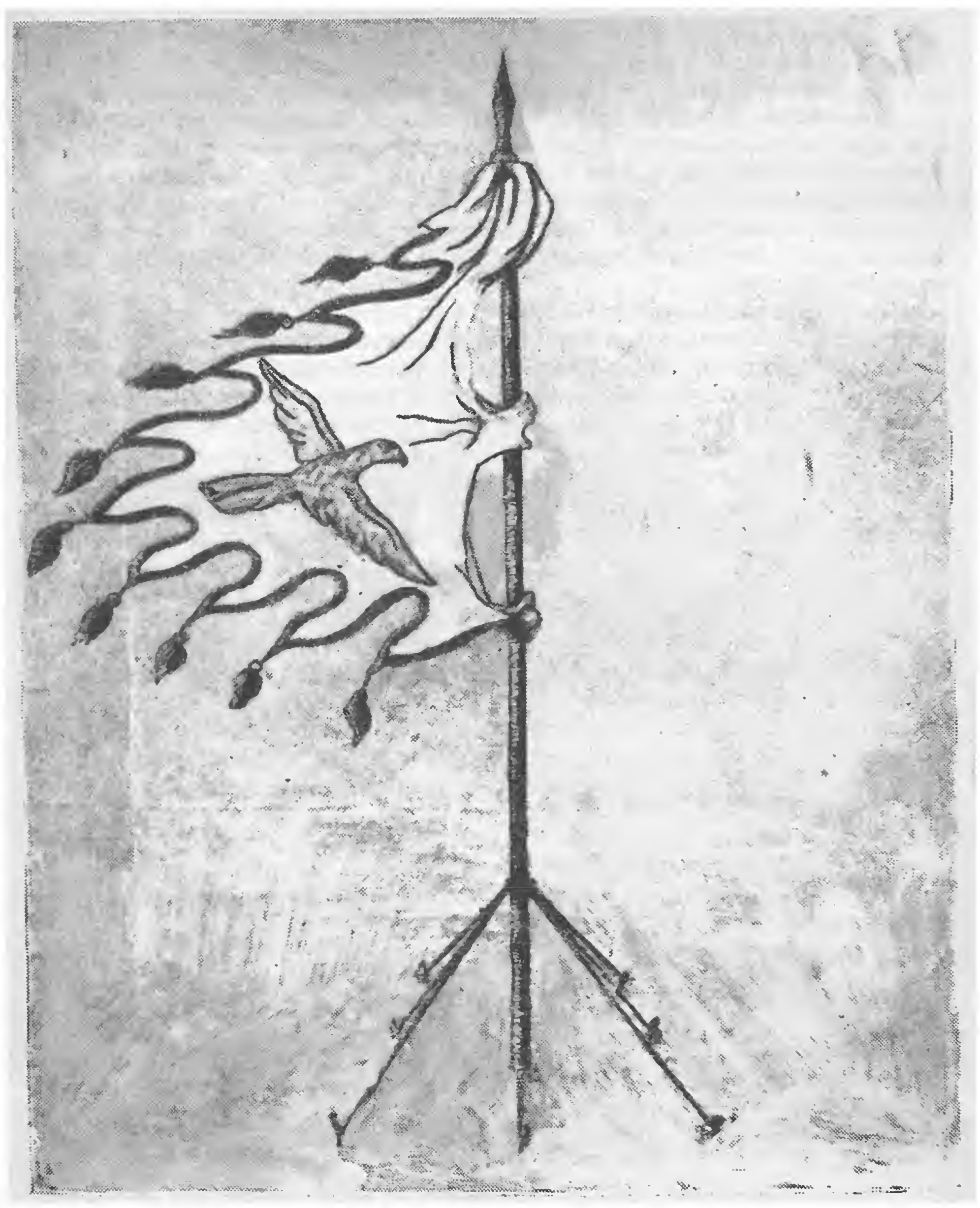
Так осуществилась на 52 году жизни Чингис-хана давно лелеемая им мечта. Под своей неограниченной властью он собрал все монгольские племена, живущие и поныне от Алтая до Аргуни и от Сибирской тайги до Китайской стены. Он имел право считать момент назревшим для торжественного облечения себя званием императора Чингис-хана, которое он, правда, носил уже несколько лет, но по-видимому без особенного подчеркивания этого громкого титула, когда-то предложенного ему группой знатных приверженцев как бы "в кредит" и келейно, без торжественной санкции всенародного провозглашения.

Педантически строгий приверженец законности, Чингис-хан повеле-

---

* Иванин М. И. Указ. соч. С. 6.

** Лэм Г. Указ.соч. С 69—70.

Родовое знамя Чингис-Хана.

Рисунок сделан по проекту автора, согласно описанию этого знамени в монгольских летописях "Сокровенное сказание", "Алтан-Тобчи". Серый кречет по сие время монголами (калмыками) считается благословенной птицей.

вает созвать к весне 1206 года ("год барса") в верховьях реки Онон большое собрание — Курултай из родичей, сподвижников, всех багатуров и нойонов (князей) — словом, всей монгольской аристократии при исключительно торжественной обстановке. К назначенному для собрания дню на видном месте было водружено девятихвостое белокошное бунчужное знамя, на древке о девяти ногах.* По предложению шамана Кэкчу, единогласно подхваченному всем собранием, Темучин был провозглашен Божественным Чингис-ханом,— по-монгольски Суту-Богдо Чингис-хан.** Вот как описывает монгольская летопись Рашид-ад-Дина великое событие:

"На Курултае Кэкчу-Теб-Тенгри, сын Мунлика, знаменитый волхв, славившийся своими чудесами и пользовавшийся большим авторитетом в Монголии, сказал: "Всевышний Бог дарует тебе царство лица земного. Теперь, когда побеждены твоей десницей государи этих земель, называемые каждый Гур-ханом и их области достались тебе, то пусть будет тебе прозвище Чингис. Ты стал Царем царей: Всевышний господь повелел, чтобы прозвание твое было Чингис-хан, Царь царей и Государь государей". — Все одобрили и утвердили это имя, и ему достались сила и могущество наисовершеннейшие, и он принадлежит к миродержцам".***

Значение слова "чингис" было объяснено нами в главе IV. Оно приблизительно соответствует китайскому титулу Гур-хан, который был присвоен государю Кара-Китайскому и означает "всенародный великий император". Кереитский же государь носил, как мы видели, китайский титул Ван-хана. В том, что Курултай вместо этих дискредитированных иностранных прозвищ предложил своему избраннику свой монгольский титул, можно усмотреть выражение некоторой националистической тенденции, основанной на том обаянии, которое уже успело приобрести имя народа монголов.

Чингис-хан, выслушав просьбу собрания, милостиво изъявил свое согласие на принятие предложенного ему титула, который впоследствии был дополнен следующей официальной формулой, вырезанной на государственной яшмовой печати.****

---

* 9 коленцев знамени с хвостами яка (символ силы) подобно ступеням лестницы висели один над другим. Белый цвет полотнища знаменовал почетный цвет: число 9 соответствует 9-ти знатнейшим сподвижникам Чингис-хана. Очевидно, знамя было только 9-хвостовое, но не 9-ножное, как толкует переводчик текста "Сокровенного сказания".

** Калмыки называют также: Делкян Езен Суту Богдо Чингис-хан — Владыка Человечества Божественный Чингис-хан.

*** Рашид-ад-Дин. Указ. соч.

**** Чингис-хан впоследствии сказал: "При рождении по велению Будды очутилась в моей правой руке яшмовая печать из царства драконов"... (Из "Алтан Тобчи").

Шаман Теб-тенгри (Кэкчу). Монгольский волхв.

"Бог — на Небе, Ха-хан — Могущество Божие на Земле, Печать Владыки Человечества".*

Из вышесказанного видна та роль, которую сыграл в избрании Чингис-хана Кэкчу, указавший Курултаю на Божественное предопределение в возвышении Темучина из скромного вождя племени до властелина объединенных народов монгольского корня. В это предопределение верил и сам избранник Курултая, что видно из произнесенной им вдохновенно и с присущим ему ораторским талантом ответной речи на предложение ему титула Чингис-хана. Вот его слова: "Вечно Синее Небо повелело мне править всеми народами. Покровительством и помощью Неба я сокрушил род кереитов и достиг великого сана. Моими устами говорит Мёнкэ-Кёкё-Тенгри (Вечно Синее Небо). В девятиножное белое знамя вселяется гений- хранитель рода Чингиса, это "сульде" — знамя будет оберегать его войска, водить их к победам, покорит все страны, потому что Вечное Небо повелело Чингис-хану править всеми народами. Чингис-

---

* По Лэму. — Ха-хан — это монгольская транскрипция китайского слова "Каган" — император. История не сохранила нам более подробного описания церемониала избрания Чингис-хана, но некоторое понятие о нем можно составить себе по церемонии избрания одного из его ближайших преемников — хана Гуюка, описанной личным свидетелем этого события папским посланцем Плано Карпини. Вот что он повествует по этому поводу: "Стоит пурпуровая кибитка (шатер), вместимостью на 2000 человек, вокруг нее разные статуи. Большая ассамблея вождей и князей конно стояли кругом на холмах и равнинах; на их седлах и сбруях было до 20 марок серебра. Много представителей вассалов: багдадского халифа, Грузии и русский великий князь. В первый день было воздвигнуто белое знамя западной части империи, Кипчак (отсюда "Белый царь", Кипчакский, потом русский); второй день — красное знамя восточной части (Китай), для центра (Монголии) — темно-фиолетовое знамя. Тогда синьоры, бароны собрались, взяли золотой трон и посадили Великого хана, говоря: "Мы желаем, мы просим, мы требуем, чтобы ты был во главе империи". Тот отвечает: "Если вы хотите, чтобы я был вашим ханом, то решится ли каждый из вас делать то, что я прикажу,— придти, когда я позову, идти, когда захочу послать и убить тех, кого я скажу?" Они отвечали: "Да!" Тогда он сказал им: "Во исполнение этих простых слов служите мне мечом!" Они подтвердили. Потом они постлали на землю кошму, на которую усадили его со словами: "Взгляни ввысь и узнай Бога и подумай внизу о кошме, на которой сидишь! Если ты будешь хорошо управлять своим царством, если ты будешь свободен и добродетелен, если ты будешь править справедливо, если ты будешь почитать баронов и князей по их достоинству и силе каждого — вся земля будет под твоей властью, и Бог даст тебе все, чего пожелает твое сердце. Но если будет наоборот, ты будешь несчастен и жалок и так беден, что у тебя не будет даже той кошмы, на которой ты сидишь". После этого бароны усадили на тот же войлок супругу хана рядом с ним и, подняв на воздух с громкими криками, объявили их императором и императрицей всех монголов и их империи".

хан царствует "Силою Вечного Неба" (Мёнке-тенгрин-кючин-дур).*

Таким образом, Чингис-ханом для своего возвышения было очень ловко использовано влияние, которое имел на монгольский народ,— в том числе в сильной степени и на его аристократию — волхв Кэкчу. Сомнительно, чтобы сам Чингис-хан верил в чудеса и вообще в оккультные дарования этого мнимого пророка (по крайней мере он не постеснялся впоследствии устранить его со своей дороги, когда влияние того настолько усилилось, что грозило ослабить авторитет самого хана), но пока Кэкчу признавался полезным для целей, преследуемых Чингисом, последний дорожил своим шаманом, скрепив его, между прочим, браком, в который вступила его мать, вдова Оелун-Эке, с отцом Кэкчу — Мунликом.**

Чингис-хан тогда же на Курултае раздал награды и назначил на должности своих сподвижников, потрудившихся с ним в созидании царства: пожаловал 95 военачальникам ханские ярлыки на звание темников, не дал лишь ярлык своему ближайшему сподвижнику Богурчи-нойону, сказав: "Степень его ниже ханов, но выше темников и харачудов, зачем ему ярлык?"***

Кроме веры в свою божественную миссию на земле, Чингис-хан верит и в великую будущность своего родного монгольского народа, который своими редкими качествами способствовал вознесению его, хана, на такую недосягаемую высоту. Он считает своим долгом всенародно засвидетельствовать о заслугах этого племени перед императором и государством. Монгольский историк Санан-Сецен приписывает ему следующие слова, сказанные на том же Курултае 1206 года:

"Этот народ биде (монголы), который, несмотря на все страдания и опасности, которым я подвергался, с храбростью, упорством и приверженностью примкнул ко мне, который, с равнодушием перенося радость и горе, умножал мои силы,— я хочу, чтобы этот, подобный благородному горному хрусталю народ биде, который во всякой опасности оказывал мне глубочайшую верность, вплоть до достижения цели моих стремлений,— носил имя "кеке-монгол" и был самым первым из всех, живущих на земле!"

— С этих пор,— прибавляет Санан-Сецен,— народ этот (численность которого при Чингис-хане достигала 400000 душ) получил название кеке-монгол".****

Санан-Сецен, один из первых монгольских историков, торжественно

---

* Владимирцов Б. Я. Чингис-хан. Петербург, 1922. С. 72. Монголы до наших дней хранят белое знамя Чингис-хана и верят, что в него вселился дух великого хана, так как он стал гением-хранителем своего славного рода, до сей поры правящего монголами.

** Бартольд В. Образование империи Чингис-хана. Спб. 1896. С. 116. Рашид-ад-Дин. Указ. соч.

*** Сокровенное сказание.

**** Коростовец И. Я. Указ. соч. С. 3; "Кеке" значит "голубое", как небо.

повествует: "Чингис-хан принялся учреждать порядок и законы для своего огромного народа, на твердые столбы ставил царство и державу, милостиво давал "рукам работать свое, а ногам свое", росло счастье и благополучие его народа и достигло такой степени, что никогда не пользовались таким счастьем и благополучием подданные кагана".

"Над всеми поколениями, живущими в войлочных кибитках,— говорит по этому же поводу "Сокровенное сказание",— Чингис-хан отселе провозгласил единое имя монголов; это имя было такое блестящее, что все с пробуждающимся национальным.чувством стали гордиться им. Все предводители родов и племен становятся вассалами монгольского хана и приобретают имя монголов".* Другими словами имя это распространено на все родственные собственно монголам племена, объединенные под скипетром Чингис-хана.

Что в своем родном монгольском племени его знаменитый отпрыск видел какую-то особую, необыкновенную породу людей, видно и из следующего, принадлежащего ему изречения, вошедшего под № 25 в общий свод его изречений, т. н. "Билик": "Всякий мальчик, родящийся в Бургуджи-Тукуме, на Ононе и Керулэне, будет умен, мужествен и богатырь, без руководства, наставления и опыта будет знающ и сметлив, всякая девушка, родящаяся там, будет и без причесывания и украшений прекрасна и красавица".**

Это, конечно, только лирика, лишенная практического значения. Гораздо существеннее привилегия, которая даруется монгольскому племени одной из статей Чингисова "Джасака": "Никто из подданных империи не имеет права иметь монгола слугой или рабом".***

В великих исторических личностях, подобных Чингис-хану, мы видим избранников Провидения, призванных на землю совершить то, что лежит в потребностях данной эпохи, в верованиях и желаниях данного времени, данного народа. Народ есть нечто собирательное, его собирательная мысль и воля должны для обнаружения себя претвориться в мысль и волю одного одаренного особым чутким нравственным слухом, особенно зорким умственным взглядом лица. Такие лица облекают в живое слово то, что до сих пор таилось в народной душе, и обращают в видимый подвиг неясные стремления и желания своих соотечественников или современников. Не всегда ясно нам место, принадлежащее великому мужу в цепи явлений, и задача его деятельности. Проходят века, а он остается кровавой и скорбной загадкой, и мы не знаем, зачем приходил он, зачем возмутил народы. Толки, им вызванные, до такой степени противоположны между собой, что нельзя даже с точностью определить влияния им обнаруженного. Но разве то, что непонятно нам сегодня, должно остаться непонятным и завтрашнему дню?

---

* Сокровенное сказание.

** Березин И. Н. Указ. соч.

*** Лэм Г. Указ. соч. С. 224—227.

Разве каждое новое событие не проливает света на события, по-видимому давно уже совершившиеся и замкнутые? Смысл отдельных явлений иногда раскрывается только по прошествии веков и тысячелетий. Наука в таких случаях не в состоянии определить самой жизни и должна ждать новых фактов, без которых был бы не полон круг известного развития.

Историческое значение Сократа оценено должным образом только в XIX в., спустся 22 века после приговора афинского народа.

При изучении человека вообще, а великого в особенности, надо обращать внимание на его личность, на почву, взрастившую его, и на время, в которое он действовал. Из этого тройного элемента слагается жизнь и деятельность Чингис-хана, и для того, чтобы понять его, надо изучить эти три элемента в его жизни. При внимательном созерцании великих людей они являются нам откровением целого народа и целой эпохи, поэтому совсем неуместен шаблонный вопрос: "Какой потребности удовлетворили великие завоеватели, подобные Чингис-хану, Тамерлану, Александру и др., зачем покрыли землю развалинами, зачем стерли с лица земли столько царств, столько прекрасных форм, успевших развиться из недр магометанской цивилизации?" Мы вправе ответить: "А разве у этих народов, выведенных на сцену истории Чингисханом или Тамерланом, дремавших дотоле в бесконечном и скучном однообразии кочевого быта, не было потребности проснуться однажды и изведать все наслаждения и все тревоги деятельной исторической жизни?"*

Выступление на историческую сцену Чингис-хана связано с таким пробуждением монголов.

История каждого народа начинается только тогда, когда глухие, таящиеся в глубинах душ народных стремления находят какого-нибудь гениального выразителя, крупную личность, героя из его среды. Только тогда "племя", "род" становятся *народом,* только тогда с памятью об этом герое пробуждается в умах народа сознание о своем единстве в пространстве и во времени; эта память делает историю. Таким героем монгольского народа был Чингис-хан: до его появления монгольского народа как единого целого, каковым узнала его всемирная история, не было. Были роды и племена: растительно свежа, буйственна и богата была их жизнь. Страсти были первобытны, не стеснены, ярки как цветы, покрывающие весною монгольскую степь. Личность не играла роли, жили все родовой жизнью. С момента появления Чингис-хана отдельные роды и племена монгольские, объединившись, стали *народом историческим,* а его герои пробудили у народов Азии и Европы,— у одних сочувственный, восхищенный отклик, у других — ужас и страдание, подобно тому, как клекот орлиный заставляет волноваться мирный птичий двор".**

* По Грановскому. — Характеристика великих людей: Тимура (также Чингисхана), Александра и др.

** Иванов Вс. Мы. Харбин. 1926.

Прочно утвердившись на престоле, Чингис-хан со свойственными ему энергией и организаторским талантом продолжал деятельно работать по устройству своей обширной кочевой державы.

В основу ее он положил родовой быт тогдашнего монгольского общества: та же соподчиненность лиц и классов, как в одном племени, возглавляемом степным аристократом, с той разницей, что в империи эта иерархия получала более грандиозное развитие.

Во главе каждого рода — его вождь, несколько родов составляли племя, возглавляемое лицом более высокого ранга, которое, в свою очередь, подчинялось аристократу еще высшей степени и так далее до хана. Родовой быт воздвигает идею личности, идею возглавления рода, подчиненности единоличному авторитету,— словом, начала, близкие к принципам военной организации, причем все это освящено глубокой религиозностью народной массы, религиозностью, отличающейся и по сие время той характерной особенностью, что веру исповедывают не только формально, но и претворяют ее в свою повседневную жизнь, так что религия вошла в быт и быт в религию. Это была одна из главных основ Чингисова государственного строительства.

Итак, Чингис-хан осуществлял свою власть в империи через посредство иерархии сотрудников из лучших сынов народа, являясь сам, по словам Б. Я. Владимирцова, главой примкнувшей к нему аристократии, а вовсе не главой народа, нации. В этом отношении любопытно, как говорит В. Бартольд, "сравнить приписанные Чингис-хану изречения с орхонскими надписями, в которых оставили свой завет народу каганы,* обязанные своим возвышением демократическим элементам. Автор надписей несколько раз повторяет, что при вступлении на престол кагана народ не имел пищи в желудке, не имел одежды на теле, что благодаря трудам и подвигам кагана бедный народ стал богатым, малочисленный народ — многочисленным. С другой стороны, Чингис-хан настаивает на том, что до него в степи не было никакого порядка: младшие не слушали старших, подчиненные не уважали начальников, начальники не исполняли своих обязанностей относительно подчиненных; Чингис-хан, вступив на престол, ввел строгий порядок и указал каждому свое место".**

Поэтому в своих словах, речах, указах, постановлениях Чингис-хан никогда не обращается, подобно тюркским каганам, к народу, а говорит только с царевичами, нойонами и багатурами.***

Но надо отдать справедливость великому монгольскому монарху, что, несмотря на свои строго аристократические воззрения, он при назначении на высшие должности по войску и по администрации никогда не руководствовался только происхождением, а принимал в серьезное внимание техническую годность данного лица и степень его

---

* Речь идет о каганах Тюркской империи, основанной в VI веке.

** Бартольд В. Указ. соч. С. 114. Указанное изречение Чингис-хана, приведенное Бартольдом в сокращении, составляет 1-ю статью "Билика".

*** Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 73.

соответствия известным *нравственным* требованиям, признававшимся им обязательными для всех своих подданных, начиная от вельможи и кончая простым воином. Огромную помощь в таком выборе сотрудников оказывало свойственное ему, как и большинству гениальных людей, глубокое знание человеческой души и умение распознавать людские характеры.

Добродетели, которые он ценил и поощрял, были: верность, преданность и стойкость; пороки, которые особенно преследовал у своих подчиненных: измена, предательство и трусость. По этим признакам Чингис-хан и делил людей на две категории.* Для одного типа людей их материальное благополучие и безопасность выше их личного достоинства и чести; поэтому они способны на трусость и измену. Такой человек подчиняется своему начальнику из-за его силы и мощи, посредством которых он может лишить его благополучия и жизни: поэтому он трепещет перед его силой. Он подчинен своему господину в порядке страха, т. е. он в сущности раб своего страха. Изменяя своему господину или предавая его, человек такого типа думает избавиться от источника страха. Это — низменные, рабские, подлые натуры, и Чингис-хан беспощадно уничтожал их на своем завоевательном пути, например, в тех случаях, когда они являлись к нему, предав своего господина — врага Чингис-хана — в надежде получить за это награду. Наоборот, после одержанных побед он осыпал наградами и приближал к себе тех, кто оставался верен своему бывшему властелину, хотя бы эта верность была им невыгодна и опасна Чингис-хану и его войскам.

Вот эти ценимые Чингисом люди ставят свою честь и достоинство выше своей безопасности и материального благополучия. Они боятся не человека, могущего отнять у них жизнь и жизненные блага, они боятся совершить поступок, который может обесчестить их или умалить их достоинство, не в глазах людей, а в своих собственных. В их сознании живет постоянно моральный кодекс, они им дорожат более всего, относясь к нему религиозно, так как такие люди в то же время и религиозны, понимая мир как установленный божественной волей порядок, в котором все имеет свое определенное место, связанное с долгом и обязанностью. Человек подобного психологического типа повинуется своему начальнику не как лицу, а как части известной божественно установленной иерархической лестницы, как ставленнику более высоко стоящего начальника, который, в свою очередь, повинуется поставленному над ним высшему начальнику и т. д. до Чингис-хана, который правит народом вселенной по велению Вечно Синего Неба.**

Вот на такой иерархической лестнице, с людьми такого психологического типа в качестве начальников и строил всю империю Чингис-хан, который, будучи сам типичным монголом и человеком этого типа, искал и черпал таких же людей среди кочевых народов. Кочевые народы, т. е. монголы, давали больше второго типа людей, так как они были религи-

---

* И. Р. Наследие Чингис-хана. Берлин 1925.

** И. Р. Наследие Чингис-хана.

ознее оседлых; в силу кочевого быта они не накапливали движимое имущество, а потому и не впадали в соблазн из-за страха потери его кривить совесть, изменять. Кочевник все, что было ему дорого, носил в душе, а горожанин все ему дорогое видел в материальном достатке.

Относя горожан к первым из двух очерченных психологических типов, Чингис-хан только в исключительных случаях ставил на высшие должности людей городской и оседлой культуры,* несмотря на то, что он завоевал столько царств с более высокой культурой, таких как Китай и Персия. По той же причине Чингис-хан презирал оседлые народы и дал завет своим потомкам и всему монгольскому народу сохранить свой кочевой быт и остерегаться становиться оседлым,— завет, который до сего времени соблюдается монголами.

Чингис-хана в оседлых народах отталкивала алчная приверженность к материальному богатству, не всегда честно приобретенному, высокомерное, оскорбительное обращение с низшими и униженное пресмыкание перед высшими. В их политической жизни он видел карьеризм, предательство и измену.

Из сказанного было бы, однако, ошибочно выводить такое заключение, что, относясь с пренебрежением к типу людей, испорченных цивилизацией, он из-за этого презирал цивилизацию саму по себе, как может представиться на первый взгляд, судя по тем разрушениям и тем избиениям людей, которые он производил в тогдашних культурных странах. Напротив, одной из важнейших политических задач, которые поставил себе великий монгольский завоеватель, было именно создание из всей азиатской державы посредницы между цивилизациями Востока и Запада, с тем чтобы подвластные ему народы могли воспользоваться благами той и другой, а особенно плодами материалистической культуры цивилизованных народов, которую от невысоко ценил вообще, кроме техники. Можно даже сказать, что подобно тому, как Чингис-хан разделял людей на два психологических типа, он и народы делил на две категории: на служащих делу цивилизации и на таких, которые являются исключительно хищниками, т. е. мешающими мирным международным сношениям. Такие разбойничьи народы он считал своими врагами, в отношении же к первым он, по выражению подполковника Рэнка, проявлял бесспорно благородные и возвышенные чувства. У этого гениального дикаря "бросались в глаза естественное величие духа, благородное обращение, рыцарство поступков, что приводило в изумление даже китайцев. Он был в душе аристократом и царем".**

Сам до конца жизни не знавший ни одного языка, кроме монгольского, он принял меры к тому, чтобы его преемники не находились в зависимости от иноземных чиновников; с этой целью он позаботился дать образование своим сыновьям и вообще юному поколению монгольской знати.***

* Например, Элюй-Чуцай (см. гл. VIII) и другие "спецы".

** Рэнк. Указ. соч. С. 40.

*** Бартольд В. Указ. соч. С. 117.

Что же касается разрушений и избиений, то производились они только во время войны и вызывались "военной необходимостью", как она в те времена понималась. К этому вопросу мы еще вернемся в главе IX.

Итак, управлялось государство монгольское преимущественно кочевниками; из городского населения Чингис-хан брал только нужных ему "спецов". При этом лица, привлекавшиеся к делу управления, избирались из людей второго типа по вышеупомянутой классификации. Они составляли тот слой или "отбор" населения, который управлял государством. В империи Чингис-хана не было ни одного так называемого "выборного" органа. Он сам отнюдь не считал себя избранным императором, а тем более избранным "народом". Мы видели, что на Курултае 1206 года никакого голосования не было, а следовательно не было и выбора в строгом смысле слова. Чингис-хан не был выбран, а "провозглашен" начальником родов и племен военными вождями, богатырями и князьями, т. е. тем же "правящим отбором". В монгольской империи не было и намека на "народоправство", а было "народоводительство" правящим слоем, составленным из второго психологического типа людей, во главе с Чингис-ханом.

В основу государства была положена также религия: сам Чингис-хан и его сотрудники по управлению были люди религиозные и должны были быть таковыми, но официального вероисповедания объявлено не было. Служащие принадлежали ко всем вероисповеданиям: среди них были шаманисты, буддисты, мусульмане и христиане (несториане). Государственно важно было для Чингис-хана, чтобы его верноподданные так или иначе живо ощущали бы свою подчиненность Высшему Существу, т. е. чтобы они были религиозны, независимо от исповедуемой ими религии. Первая статья Чингисова кодекса — "Джасака" — гласила: "Повелеваем всем веровать во Единого Бога, Творца неба и земли, единого подателя богатства и бедности, жизни и смерти по Его воле, обладающего всемогуществом во всех делах".

Впрочем, по утверждению Лэма, у которого мы заимствуем эти данные, приведенная замечательная статья не была опубликована для всеобщего сведения,— вероятно, по той причине, что император не желал вносить в среду своих подданных элементов религиозного раздора,* что нельзя не признать мудрым решением.

До столь широкой веротерпимости, которая господствовала в царстве Чингиса XIII века, Европа дошла, и то лишь относительно, в XVIII веке — после того, как она пережила крестовые походы для массового истребления "еретиков и язычников" и после нескольких столетий, в течение которых пылали костры инквизиции.

Одной из первых забот Чингис-хана после объединения всех монгольских племен в одну мощную державу было создание вооруженной силы, способной поддержать единство империи и осуществить те обширные политические замыслы, которыми теперь мог задаться мон-

---

* Лэм Г. Указ. соч. С. 75.

гольский самодержец. Принятые в этом отношении меры вследствие обширности их будут рассмотрены особо в следующей (VII) главе настоящего труда. Второй по важности после организации войска задачей являлось устройство гражданского управления империи, наладить которое было, быть может, еще труднее, так как монголы находились на первобытной ступени культуры, а сам Чингис-хан, как мы видели, не знал ни одного языка, кроме своего родного, который в ту эпоху даже не имел еще письменности. Первым учителем монголов по этой части явился уйгур Тотатунга, хранитель печати найманского государства Таян-хана, погибшего в битве с Чингис-ханом.

Чингис-хан своим гениальным умом оценил великое значение письменности и тотчас же воспользовался услугами того пленного сановника для удовлетворения нужд своего государства, а также для подъема культурного развития подвластных ему кочевых народов. Конечно, он мог бы воспользоваться для этой цели и другой древней цивилизацией, находившейся в пределах его досягаемости,— китайской, но он отдал предпочтение уйгурской, очевидно, потому, что она была по духу ближе кочевникам: среди уйгуров сохранялось много остатков кочевых преданий и степных обычаев. Усвоение монгольской знатью этой культуры не отрывало ее от своего народа и не подрывало в ней преданности степным обычаям.

Одним из наиболее восприимчивых к усвоению уйгурской письменности и образованности монголов оказался приемный брат Чингис-хана Шиги-Кутуку,* почему и был поставлен им главным судьей с получением от своего державного брата такого рода характерной инструкции:

"Теперь, когда я только что утвердил за собою все народы, будь ты моими ушами и очами. Никто да не противится тому, что ты скажешь. Тебе поручаю судить и карать по делам воровства и обманов: кто заслужит смерть, того казни смертью; кто заслужит наказание, с того взыскивай; дела по разделу имения у народа ты решай; решенные дела записывай на черные дщицы, дабы после другие не изменяли".

Выбор Чингис-хана был чрезвычайно удачен. Шиги-Кутуку образцово исполнял свои судейские обязанности и в некоторых отношениях оказался даже выше своего века: например, он не придавал никакого значения показаниям, вынужденным страхом.

Одним из важнейших приобретений, которое дала вновь введенная письменность, явилось то, что благодаря ей оказалось возможным закрепить и кодифицировать монгольское обычное право и народные обычаи и воззрения, разумеется, под сильным влиянием на эту кодификацию взглядов самого Чингис-хана. Это законодательство вылилось в форму "Большого Джасака", который делился на два крупные отдела:

---

* Когда Чингис-хан, разбив татар, возвращался домой, то на дороге он подобрал мальчика-татарина, имевшего золотое кольцо и набрюшник с золотыми кистями, подбитый соболем. Его отдали на воспитание матери хана, и она называла его своим шестым сыном ("Сокровенное сказание").

1) "Билик" — сборник "Изречений" самого Чингис-хана, который содержал в себе мысли, наставления и решения законодателя как общего, теоретического характера, так и высказанные по поводу различных конкретных случаев;

2) Собственно "Джасак" — это свод положительных законов, военных и гражданских, обыкновенно с установлением соответствующих кар за неисполнениие.

"Яса была для потомков Чингис-хана ненарушимым законом, от предписаний они ни в чем не отступали".*

В монгольской летописи "Чиндаманин Эрихэ" говорится: "По изгнании Алтан-хана китайского и подчинения своей власти большей части китайцев, тибетцев и монголов Чингис-хан, владея великим просветлением, так думал: законы и постановления китайцев тверды, тонки и непеременчивы, и при этой мысли, пригласив к себе из страны народа великого учителя письмен и 18 его умных учеников, Чингис-хан поручил им составить законы (йосон), из которых исходило бы спокойствие и благоденствие для всех его подданных, а особенно книгу законов (хули-йосони билик) для охранения правления его. Когда по составлении законы эти были просмотрены Чингис-ханом, то он нашел их соответствующими своим мыслям и составителей наградил титулами и похвалами".**

Большинство писателей-монголоведов отдают должное тому огромному значению, которое имело последовавшее на том же Курултае 1206 года обнародование "Великого Джасака",— в отношении установления в государстве твердого правопорядка, а также благотворного влияния на нравы кочевых племен и на развитие законодательства в последующие царствования, выразившееся, например, в издании уставов Юаньской (монгольской) династии в Китае.

И. Я. Коростовец дает следующее резюме сборнику законов Чингисхана: "Джасак" предписывает терпимость в вопросах религии, почтение к храмам, к духовным лицам и к старшим, а также милосердие к нищим; он устанавливает строгий контроль над семейной и домашней жизнью монгола... Своеобразная этика "Джасака" ясно выступает из перечня тех преступлений, которые наказываются смертью. Таковая, например, положена: за обращение князей к третьим лицам помимо хана, за неоказание помощи в бою, за оставление своего поста без разрешения начальника, за небрежность солдат и охотников (волонтеров) в исполнении обязанностей службы, за оказание милосердия пленным без ведома того, кем они были взяты, за невыдачу беглых рабов и пленных владельцу, за убийство, кражу, лжесвидетельство, измену, прелюбодеяние, заведомую ложь, волшебство, тайное подслушивание, поддержку третьим лицом одного из двух спорящих (или борющихся) и т. д."***

---

* Березин И. Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. Труды восточного отдела Арх. Общества. VIII. 1868.

** Чиндаманин Эрихе. 11.

*** Коростовец И. Я. Указ. соч. С. 98—99.

Влияние этого законодательства на народные нравы подтверждается свидетельством посторонних наблюдателей, например, Плано Карпини и Вильгельма Рубрука. Первый их них пишет (в 1246): "Между ними (монголами) не было ссор, драк и убийств; друг к другу они относились дружески и потому тяжбы между ними заводились редко; жены их были целомудренны; грабежи и воровство среди них неизвестны".

Это же подтверждает китайский генерал Мэн-хун, современник Чингис-хана, ездивший к нему в Монголию. Ибн-Батута, арабский историк, также пишет, что у монголов конокрадства (самое обычное явление теперь) не существовало благодаря строгости законов против воровства.*

Из этого можно заключить, что законы Чингис-хана не были одной теорией, что он умел дать им силу и заставить исполнять их. Этого он достиг строгостью и уменьем выбирать людей, так законность пускает в народе корни лишь тогда, когда он видит, что закон обязывает не только "меньшую братию", но и ее правителей. В этом отношении сам верховный правитель представлял живое воплощение безусловного подчинения изданным им самим законам:

"Этот не умевший ни читать, ни писать деспот,— говорит о нем подполковник Рэнк,— исповедывал культ писанного закона. Не было государя, который соблюдал бы более добросовестно договор, заключенный между ним и государством. Среди самых ужасных репрессий, к которым он прибегал, его самые заклятые враги не могли указать ни на малейший каприз с его стороны".**

Не подлежит сомнению, что такой пример, подаваемый самим ханом, должен был оказать благотворное влияние на нравы всей монгольской администрации и магистратуры, что, в свою очередь, воспитывало народ в духе строгой законности.

Сам Чингис-хан учреждению "Джасака" и строгому его соблюдению всеми придавал первенствующее значение. Среди его основных изречений мы встречаем, между прочим, следующие:

"Если государи, которые явятся после этого (т. е. Чингис-хана), вельможи, багатуры и нойоны... не будут крепко соблюдать "Джасака", то дело государства потрясется и прервется. Опять будут охотно искать Чингис-хана и не найдут... После этого до пятисот лет, до тысячи, до десяти тысяч лет, если потомки, которые родятся и займут мое место, сохранят и не изменят таковой закон и "Джасак" Чингис-хана... то от Неба придет им помощь благоденствия".***

Но, — по замечанию проф. Владимирцова,— все меняется, все проходит; кодекс Чингис-хана не только не действует теперь в мире, но даже неизвестен как таковой современным монголам; от собственно "Джасака" остались лишь жалкие остатки, по которым мы с трудом

---

* Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Ленинград. 1927.

** Рэнк. Указ. соч. С. 10.

*** Сокровенное сказание.

можем судить обо всем целом. "Несомненно тем не менее, что "Джасак" Чингис-хана сыграл огромную роль в жизни созданной им империи и долго служил монголам основным кодексом права, влияя на все стороны их жизни, а также на жизнь покоренных им народов".*

Что касается "Билика" Чингис-хана, то надо думать, что образовался он постепенно, по мере накопления еще с того времени, когда письменность не была введена. Сохранению его в изустной форме способствовало то, что Чингис-хан, подобно многим другим кочевникам, обладал замечательным даром свои наставления и изречения облекать в легкую стихотворную форму. Впоследствии с увеличением числа людей, овладевших письмом, такие ходячие изречения, а также новые поучения и наставления вносились в сборник, получивший название "Билик", причем, записывалось, конечно, только то, что было угодно самому Чингис-хану. "Билик" дошел до нас в отрывках у разных писателей, преимущественно Рашид-ад-Дина, который приводит довольно обширный текст его с подразделением на статьи. Этот текст, равно как и то немногое, что сохранилось из "Джасака", дается нами за некоторыми сокращениями в особом приложении к настоящей главе.

Итак, Монгольская держава в свете истории представляется совершенно отличной от тех восточных деспотий, в которых высшим законом является произвол верховного правителя и его ставленников. Империя Чингис-хана управлялась на строгом основании закона, обязательного для всех, начиная от главы государства и кончая последним подданным. Это осталось без изменения и тогда, когда империя, включив в свои пределы соседние культурные государства с оседлым населением, потеряла характер кочевой державы. Власть монгольских правителей в покоренных странах была ограничена; им не было предоставлено право предания смерти без предварительного суда. Взимание налогов производилось на основании строго определенной системы; особенными установлениями регулировалось несение государственной службы; всегда вводились казенная почта, административные реформы. Иногда во главе управления отдельных частей государства оставлялись свои, туземные, правители; так, например, по покорении Северного Китая он был разделен на десять провинций с китайскими чиновниками во главе.**

VII. ВОЕННОЕ УСТРОЙСТВО МОНГОЛЬСКОЙ АРМИИ

Ко времени восшествия Чингис-хана на императорский престол относится окончательное установление им основ организации своей армии. Организация эта явилась результатом обширного боевого опыта предыдущих десятилетий, прошедших, как мы видели, в почти непре-

* Значит, в том числе и Московской Руси.

** Грум-Гржимайло Г. Е. Указ. соч.

предыдущих десятилетий, прошедших, как мы видели, в почти непрерывных войнах, во время которых успели в полном блеске развернуться полководческий гений и организаторские способности великого монгольского завоевателя. Хотя военное искусство монголов продолжало развиваться и в последующее время царствования Чингис-хана, а также при его преемниках, особенно в отношении применения к военному делу техники, заимствованной у культурных врагов, и это развитие могло, конечно, повлиять на подробности военной организации, все же в главных своих чертах устройство монгольских вооруженных сил и выработанные Чингис-ханом и его сподвижниками приемы боевых действий сохранили в течение указанного периода свои характерные черты, на которых мы и остановимся, распространив свой обзор на весь этот период.

Прежде всего монгольский самодержец озаботился устройством своей гвардии. По этому предмету заимствуем у Б. Я. Владимирцова следующие данные:

"Чингис-хан хотел иметь не только надежную личную охрану, охрану своих кочевых ставок и отборный корпус войска, но и учреждение, которое под его личным руководством и постоянным наблюдением являлось бы школой, из которой бы могли выходить его верные сподвижники, лично ему известные, которых бы он мог назначать на разные должности и которым мог бы давать различные поручения сообразно индивидуальным особенностям каждого".

"Все гвардейцы (кэшиктэн) должны быть аристократического происхождения. Ныне, когда Небо повелело мне править всеми народами, для моей охранной стражи, кэшик, стрелков и других,— повелел Чингис-хан,— пусть наберут десять тысяч человек из тех тысяч и сотен. Этих людей, которые будут находиться при моей особе, должно набрать из детей чиновных и свободного состояния лиц и избрать ловких, статных и крепких... кто из тысячников, сотников и десятников и людей свободных воспротивится, тот как виновный подвергается наказанию". Эта аристократическая гвардия пользуется различными привилегиями и особым почетом. "Телохранитель моей охранной стражи (кэшик), — повелевает Чингис,— выше внешних (т. е. линейных, армейских) тысячников; домашние их выше внешних сотников и десятников. Если внешний тысячник, считая себя равным кэшику охранной стражи, заспорит и будет драться с ним, то подвергается наказанию". Все гвардейцы находятся под личным наблюдением монгольского императора, он сам разбирает все их дела. "Начальствующие над охранной стражей, не получив от меня словесного разрешения, не должны самовольно наказывать своих подчиненных. В случае преступления кого-либо из них непременно должно докладывать мне, и тогда, кому следует отрубить голову, тому отрубят; кого следует бить, того будут бить".*

В составе гвардии имелась еще особо отборная часть — "тысяча

* Сокровенное сказание.

храбрых" (багатуров). В битвах этот отряд употреблялся в решительные моменты, а в спокойное время составлял личную стражу хана.*

Привлекая степную аристократию к службе в гвардии и на командных постах в армии, Чингис-хан дал ей прочную организацию, заменившую прежнее хаотическое положение, когда ее представители были недисциплинированными предводителями нестройных и часто случайного состава ополчений. Отныне служба в войсках и обязанности начальников регулировались на основании твердого военного законодательства. В войсках установлена строжайшая дисциплина.

Вся монгольская армия по старому, идущему из дали веков обычаю была организована по десятичной системе, т. е. поделена на тысячи, сотни и десятки; во главе крупных подразделений ставились опытные и лично известные верховному вождю начальники.

До нас не дошло сведений, какою властью обладали монгольские начальники. Генерал Иванин полагает, что власть эта была ограничена. Например, орхоны (высшие войсковые начальники) могли производить в чины не выше, как тысячника, в войсках своего племени. В монгольской армии имелось учреждение вроде нашего генерального штаба; чины его носили название "юрт-джи", а главный начальник соответствовал современному генерал-квартирмейстеру. Главную обязанность их составляла разведка неприятеля в мирное и военное время. Кроме того, юрт-джи должны были распределять летние и зимние кочевки, при походных движениях войск исполнять обязанности колоновожатых, назначать места лагерей, выбирать места для юрт хана, старших начальников и войск. В землях оседлых они должны были лагери располагать вдали от засеянных полей, чтобы не травить хлеба.

Для поддержания порядка в тылу армии имелась особая стража с функциями, близкими к тем, которые исполняются нынешними полевыми жандармами.**

При войсках состояли особые чины по хозяйственной части — ("черби").

Устройство армии было органически связано с существующей структурой населения государства, в чем и заключался центр тяжести Чингисовой военной системы. В основание ее были положены начала территориальности и родового быта.

Каждому племени определено было пространство земли, на котором оно должно было кочевать. В каждом таком племени кибитки были соединены в десятки, сотни, а в многочисленных племенах и в тысячи под управлением особых военно-территориальных начальников. В случае набора войск делался наряд по одному, по два и т. д. с десятка. Последний обязан был снабдить набранных воинов положенным продо-

---

* Этой "тысячей храбрых" впоследствии командовал Цаган-нойон из тангутов, привезенный ханом пятнадцатилетним сиротой и воспитанный ханшей Борте как приемный сын. При Угедей-хане он командовал всеми войсками в Китае и был там же генерал-губернатором; ему же подчинялись и царевичи. ("Алтан-Тобчи").

** Иванин М. И. Указ. соч. С. 33—34, 106, 195.

вольствием и потребностями к походу.* Военно-территориальные начальники при мобилизации становились строевыми начальниками, оставляя на местах заместителей.

Роды и племена, смотря по их численности, выставляли строевые конные десятки, сотни и тысячи. Мелкие роды и племена, которые не могли укомплектовать целой строевой единицы, соединялись по несколько в одну родовую или одну племенную группу; в противоположном случае они разбивались на меньшие группы. Следующие по порядку войсковые единицы — десятки тысяч** — тьмы или "тюмени" (туманы) — лишь в редких случаях могли быть составлены из людей одного племени; обыкновенно они составлялись из разных племенных групп, выставлявших каждая по несколько тысяч, с тем чтобы в общей сложности была тьма. Иногда способ смешения племен в строевых единицах применялся намеренно с целью парализации племенных сепаратизмов. Так как Чингис-хан вел почти постоянно войну и войну успешную, доставлявшую войскам славу и значительную добычу, то естественно, что между племенами, служившими в одних сотнях или тысячах, подвергавшихся общей опасности, разделявших общие труды и славу, рождалось братство по оружию, которое мало-помалу ослабляло племенные антагонизмы. Благодаря этой политике, многие бывшие при Чингис-хане крупные племена растворились в общей массе, потеряв даже свои названия.*** Таким образом, часто враждовавшие между собою до Чингис-хана монгольские племена при нем в обстановке сплошных боевых успехов над внешними врагами сливались в одну *нацию*, проникнутую национальным самосознанием и народной гордостью.

Во главе войсковых подразделений ставились вообще начальники из того рода и того племени, которые комплектовали данную единицу, но выбирались они из числа испытанных в боях людей, подходящих ко второму из двух типов, на которые делил Чингис-хан все человечество.

При таком порядке комплектования монгольской армии сохранялся в неприкосновенности не только родовой строй, а обыкновенно и племенной состав населения, что создавало в частях войск, помимо внешней, механической связи, прочную внутреннюю, *органическую* спайку: военачальники были из среды своей же аристократии, представителей которой люди привыкли видеть у себя во главе и в гражданском быту; ратники одной и той же единицы являлись не случайным сборищем чужих между собой людей, а группой индивидуумов, связанных друг с другом родством, знакомством, общностью языка и т. п.

Всякого начальника десятка или другой единицы, который оказался бы непригодным для своей должности, старший над ним начальник обязан был немедленно устранить; относительно лиц старшего командного состава это обыкновенно делал сам Чингис-хан, которому в этом случае приходило на помощь его глубокое знание людей и отчетливое

---

* Там же. С. 27—28.

** По-монгольски значит десять тысяч.

*** Иванин М. И. Указ. соч. С. 252.

понимание тех требований, которым должен удовлетворять высокий военный начальник.

Положительно изумляешься, как в ту младенческую, с нашей точки зрения, эпоху, когда в воине, независимо от его ранга, ценились почти исключительно индивидуальные боевые качества — храбрость, удаль, отвага, выносливость, физическая сила — качества, которыми, помимо прав по рождению, обыкновенно вполне определялась годность того или другого воина на роль вождя (например, в среде европейского феодального рыцарства) — как в ту эпоху могла быть высказана мысль, положенная в основание следующего "изречения" Чингис-хана:

"Нет героя, подобного Есуге-Баю, нет искусней в делах подобного ему человека. Однако, так как он не знает усталости и тягости похода, не чувствует ни жажды, ни голода, он и других людей из нукеров* и воинов, которые будут вместе с ним, всех считает подобными себе в перенесении трудностей, а они не представляют силы и твердости перенесений. По этой причине не подобает ему начальствовать над войском. Подобает начальствовать тому, кто сам чувствует жажду и голод и соразмеряет с этим положением положение других и идет в дороге с расчетом и не допустит, чтобы войско испытывало голод и жажду и четвероногие (кони) отощали. — На этом смысл указывает: путь и работа по слабейшему из вас.**

Не связанный историческими традициями, руководствующийся только своим умом, здравым смыслом и опытом, Чингис-хан сам полагал историческую традицию. Не подлежит сомнению, что в создании вооруженной силы он вообще придерживался старинных обычаев, но организация той постоянной конной армии, которая победоносно прошла вдоль и поперек почти весь материк Старого Света, была делом его рук, его творческой энергии. Военные статьи "Большого Джасака" были тем основанием, на котором зиждилось ее устройство; непререкаемый и неумолимый авторитет ее верховного вождя придавал этому фундаменту непоколебимую прочность и устойчивость. По этой причине ни одна из знаменитых конниц древности или средних веков (парфянская, персидская, рыцарская) ни по своим боевым качествам, ни по своим достижениям, не может сравниться с кавалерией Чингисхана. Период средних веков, предшествовавший изобретению пороха, можно вообще назвать веком расцвета конницы и ее господства на полях битвы. В Европе такой "царицей полей сражения" была в то время тяжелая рыцарская кавалерия, но с приходом монголов она принуждена была на полях Лигницы в 1241 году уступить свое первенство коннице этого азиатского кочевого народа, которая по справедливости должна быть признана для своей эпохи первой в мире. Она была тем мощным орудием, при помощи которого монгольский завоеватель являл миру свою человеческую волю.

---

* Нукер — сослуживец, в данном случае — спутник.

** Березин И. Н. Указ. соч. С. 17.

Вот несколько изречений "Билика", заключающих в себе все наставления, данные Чингис-ханом военным начальникам:*

Ст. 3. Беки (начальники) тьмы, тысячи и сотни, приходящие слушать наши мысли в начале и конце года и возвращающиеся назад, могут начальствовать войском; состояние же тех, которые сидят в своей юрте и не слышат мысли, походит на камень, попавший в большую воду, или на стрелу, пущенную в тростниковое место: они исчезают. — Таким людям не подобает командовать.

Эта статья показывает, во-первых, что в армии Чингис-хана велась постоянная "военно-научная" подготовка командного состава, а во-вторых, что он придавал этой подготовке важное значение.

Ст. 4. Всякий, кто может вести верно дом свой, может вести и владение; всякий, кто может устроить десять человек согласно условию, прилично дать тому тысячу и тьму, и он может устроить хорошо.

Открывая младшим начальникам виды на повышение, ст. 4-я должна была служить поощрением к проявлению усердия к службе.

Ст. 6. Всякого бека, который не может устроить свой десяток, того мы делаем виновным с женой и детьми и выбираем в беки кого-нибудь из его же десятка. Так же поступаем с сотником, тысячником и темником беком.

Ст. 9. Всякая лошадь, бегущая хорошо в жирном теле, если она побежит также в полтеле и тощая: такую лошадь можно назвать хорошей.

Ст. 10. Старшие беки, которые будут начальствовать, и все воины должны, подобно тому, как занимаясь охотой, отличать имена свои, означать имя и славу свою, когда занимаются войной, должны всегда молить усердно Бога и с смиренным сердцем просить украшение имени своего с восьми сторон, дабы древний господь, пребывая в одном месте с силою, держал бы четыре стороны.

Поощряются честолюбие и религия, как два двигателя на воинские подвиги.

Ст. 11. Среди народа должно быть подобным теленку, маленьким и молчаливым, а во время войны — подобным голодному соколу, который является на охоту: должно приниматься за дело с криком.

Этой статьей подчеркивается то напряжение энергии, которое употреблено для войны и тот смелый, наступательный дух, которым, по мнению законодателя, должно быть проникнуто ее ведение.

Ст. 15. В смутах должно поступать так, как поступал Даргай-Уха. Он ехал в смутную пору от племени хатакин, с ним было два нукера (спутники, свита). Издали увидели двух всадников. Нукеры сказали: "Нас три человека, а их два: ударим на них". Он сказал: "Как мы их увидали, так точно и они нас завидели: не следует нападать". Ударив лошадь плетью, он ускакал. После оказалось точно и истинно, что один из тех двух был Тимук-Уха из племени татар; около пятисот человек своих людей он посадил в засаду, а сам показался, чтобы, когда те три

---

* Все приведенные статьи "Билика" по Рашид-ад-Дину.

всадника напали бы на него, обратиться в бегство, заманить их туда и с помощью нукеров своих схватить их. Так как он (Даргай) понял то значение, то бежал и соединился с двадцатью другими нукерами, которых имел в окрестности, и все видел. Искомое этого есть то, что в делах необходима осмотрительность.

В ведении войны полководцу и вообще воину надлежит храбрость и решительность сочетать с осторожностью.

Ст. 18. Подобно тому, как купцы наши, привозящие парчовые одежды и хорошие вещи, в надежде барыша становятся опытны в тех товарах и материях, и беки армейские так же должны обучать мальчиков пусканию стрел и езде на конях, упражнять их в этих делах и делать их столь же смелыми и храбрыми, как опытные купцы в искусствах, которыми владеют.

Подчеркивая значение опыта в военном деле, законодатель указывает обучение начинать с молодых лет. Из этой статьи видно также, что в мирное время на строевых начальниках лежала обязанность "допризывной подготовки" молодежи.

Ст. 20. Бек, жадный к вину и водке, не может держать в порядке дела тысячи, сотни и десятка, не может довести до конца. Простой воин, который будет жаден к питью вина, — этот человек подвергается весьма большому столкновению, т. е., его постигнет великая беда...

Пьянство понижает уровень энергии у начальника, а солдата может довести до антидисциплинарного поступка.

Ст. 24. Численники (т. е. заведующие числами 10, 100, 1000 и т. д. — командный состав): тысячники и сотники должны каждый так содержать в порядке свое войско и в готовности, чтобы во всякую пору, как придет указ и приказание, садились на коней, не ожидая, даже ночью.

Требование от войск под ответственностью начальников постоянной "мобилизационной" или боевой готовности.

Дополнением к этим статьям "Билика" могут быть следующие статьи собственно "Джасака"*:

Ст. 6. Правила подразделения войск на десятки, сотни, тысячи и тьмы должно быть сохранено. Этот порядок позволяет собрать армию в короткое время и формировать командные единицы.

Смысл этой статьи, вероятно, тот, что с роспуском армии по домам части войск не "расформировываются", а продолжают до новой войны существовать в "потенциальном" состоянии.

Ст. 7. Ко времени начала похода каждый воин должен получить оружие из рук начальника, которому он подчинен. Он обязан содержать его в исправности и перед сражением предъявлять на смотр своему начальнику.

Вероятно, речь здесь идет об оружии тяжелом и предохранительном, так как остальное оружие у монгольского воина, как у нашего казака, было собственное. Тяжелое оружие в мирное время хранилось в организованных казенных арсеналах.

---

* Нижеследующие статьи взяты из Г. Лэма

Ст. 9. Если кто-нибудь в битве, нападая или отступая обронит свой вьюк, лук или что-нибудь из багажа, находящийся сзади его должен сойти с коня и возвратить владельцу упавшее; если он не сойдет с коня и не возвратит упавшее, то предается смерти.*

*Ст. 20. Он обязал войска по возвращении их из похода (из битвы) некоторыми налогами на службу султану (хану), которые они должны исполнить.***

Ст. 22. Он поставил эмиров (беков) над войсками и учредил эмиров тысячи, эмиров сотни и эмиров десятка.

Ст. 24. Он запретил эмирам (военачальникам) обращаться к кому-нибудь, кроме государя, а если кто-нибудь обратится к кому-нибудь, кроме государя, того предавал смерти; кто без позволения переменит пост, того предавал смерти.

Из Мирховеда:

Ст. 27. Он предписал солдат наказывать за небрежность, охотников, упустивших зверей в облаве, подвергать наказанию палками, иногда и смертной казни.

*Ст. 18. Все воеводы обязаны делать лично осмотр войску и вооружению до выступления в поход, представлять им все, с чем воин совершает поход, и осматривать все до иголки и нитки. Если у воина не оказалось какой-либо нужной вещи, начальник должен наказать его. Вооружение (легкое!) и обмундирование воин должен делать за свой счет.****

Как видно, в таком устройстве много сходства с порядком несения службы казаками, которые, вероятно, и заимствовали свой порядок из Золотой Орды.

Интересны еще следующие статьи "Джасака" из Лэма:

Ст. 8. Запрещается под страхом смерти начинать грабеж неприятеля, пока не последует на то разрешение высшего командования, но по воспоследованию такового солдат должен быть поставлен в одинаковые условия и ему должно быть позволено взять, сколько он может унести при условии уплаты сборщику причитающейся императору доли.

Ст. 15. Каждый мужчина, за редкими исключениями, обязан службой в армии.

Ст. 17. Всякий, не участвующий лично в войне, обязан в течение некоторого времени поработать на пользу государства без вознаграждения.

Эта статья устанавливает "трудовую повинность" для всех, кто не несет личной службы в войсках в военное время, т. е. она провозглашает принцип, получивший в Европе практическое и юридическое осуществление только во время великой войны.

** Следующие статьи из Макризы.*

** Видимо, имеется в виду выдача десятой части военной добычи в ханскую казну каждым воином.

*** Все приведенные статьи "Джасака" под №№ 9, 20, 22, 24, 27, 18 заимствованы у Г. Лэма. Стр. 214 — 217. Нумерация их случайная.

Ст. 22. Должностные лица и начальники, нарушающие долг службы или не являющиеся по требованию хана, подлежат смерти.

Кроме приведенных статей "Билика" и "Джасака", было, наверное, еще много других, до нас не дошедших, которыми устанавливались различные обязанности военнослужащих. Но и приведенных достаточно для того, чтобы согласиться с мнением Плано Карпини, приписывающим Чингисову военному законодательству строжайшую дисциплину монгольского войска, выражавшуюся, между прочим, в том, что не бывало случаев оставления монгольскими воинами поля битвы, пока был поднят штандарт (значок) начальника. Железной дисциплине, заставлявшей людей отстаивать вверенное им дело иногда до последнего человека, Чингис-хан обязан был успехом во многих своих делах. "Введенным мною порядку и дисциплине, — говорил он, — обязан я тем, что могущество мое, подобно молодой луне, растет со дня на день и что я заслужил благословение Неба, уважение и покорность земли".*

Таким образом, у монгольской армии XIII века мы видим осуществление принципов "вооруженного народа" и "территориальной" организации войска, которые в Европе получают всеобщее признание не ранее XIX в. И надо сказать, что, быть может, никогда эти два начала не оказались так удачно примененными к фактической обстановке, как именно в кочевой державе Чингис-хана, жившей патриархальным родовым бытом. Впоследствии с покорением народов иной культуры принципы эти не могли получить всеобщего применения, так что в последние годы царствования Чингис-хана, а равно, и особенно, при его преемниках мы видим в монгольской армии вспомогательные контингенты, организованные на иных началах, например, путем принудительного взимания или поставки местной властью определенного числа физически годных рекрутов от покоренных народов, конечно, без соблюдения при этом территориального или родового принципа. Но составленное из кочевников ядро армии продолжало сохранять и далее основные начала своего устройства, являясь благодаря этому превосходным оружием войны в руках самого Чингис-хана и той плеяды талантливых полководцев, которых он сумел создать при жизни и передать своим преемникам на монгольском троне.

При существующей, благодаря территориальной системе параллельности в организации войска и народа, последний по старому монгольскому обычаю был разделен на три части, соответствующие наиболее крупным организационным подразделениям армии, а именно: 1 — центр (Кэль), во главе которого при Чингис-хане был поставлен Кая; 2 — левое крыло, или левая рука, (восточная сторона** — зюнгар) под начальством Мукали; 3 — правое крыло, или правая рука, (западная сторона — барун гар), командование которым было вверено Богурчи. Назначая его на эту ответственную должность, Чингис-хан сказал: "Избавляю тебя от наказаний за девять преступлений, будь темником и управляй этой западной

* Грум-Гржимайло Г. Е. Указ. соч.

** У монголов кибитки ставятся всегда входом на юг.

страной до золотых гор*. Будь темником левой руки, — сказал он тогда же Мукали, — и управляй восточной стороной до гор Карауны"**. Здесь слово "темник" должно пониматься не в буквальном смысле, как равнозначащее выражению "начальник тьмы", т. е., командир десятитысячного корпуса войск, так как таких корпусов в каждом крыле могло быть и по несколько, скорее "темник" означает здесь нечто вроде "чина", подобно тому, как в современных армиях "дивизионный генерал" может командовать не только дивизией, но и корпусом, и даже армией.

Эти темники в мирное время являлись как бы "военными генерал-губернаторами" над всем гражданским населением территорий левого, правого крыла и центра, будучи наделены административными функциями так же, как и сотники и тысячники. Во время же войны они выступали во главе своих частей, оставив на местах заместителей до окончания войны.

В монгольской армии тьма была, по-видимому, наивысшей единицей постоянного состава. Хотя в летописях упоминается и о единице "туг", соответствующей ста тысячам и могущей быть приравненной к "частной армии" по современной терминологии, но на практике "частные армии" у монголов составлялись из разного числа "тем", а следовательно не являлись единицами постоянного характера. Старшие вожди, на которых во время войны возлагалось командование такими крупными единицами, по Лэму назывались "орхонами", по-нашему — воеводы. При Чингис-хане их было одиннадцать человек***.

Если теперь провести параллель между организациями монгольской и современных армий, то монгольские сотни можно приблизительно приравнять к нашим эскадронам (казачьим сотням), тысячи — к десятиэскадронным полкам (такие полки имелись в России еще в царствование Николая I), тьмы — к кавалерийским корпусам, а такие подразделения, как центр и крылья, будут соответствовать конным армиям (например, конные массы в Северо-Американскую междоусобную войну, конная армия Буденного 1920 года и т. п.). В этой параллели отсутствует эшелон (дивизия) нашей современной организации. Б. Я. Владимирцов это название применяет к племенным единицам численностью в две, три или пять тысяч, на которые могли подразделяться "тьмы", составленные из разных племен, но если такое подразделение и существовало, то оно имело, вероятно, значение только административно-территориальное, так как в строевом отношении в монгольской армии, по-видимому, строго выдерживалась десятичная система.

Однако, установив такое, чисто внешнее сравнение между монгольской армией и конными массами, организованными, — если не по вполне современным, то по нормам не очень отдаленного прошлого, следует тотчас же оговориться, что из некоторого, — и притом далеко не полного

* Т. е. до Алтая — "Алтан" — золотой, по-монгольски (калмыцки).

** Сокровенное сказание.

*** Лэм Г. Указ. соч. С. 79.

— организационного сходства между этими двумя объектами сравнения вовсе не вытекает и необходимость совпадения приемов боевых действий. Конница, например, времен Наполеона в своих построениях для боя не могла не считаться с уже весьма действенным влиянием в то время огня в бою, особенно артиллерийского, сравнительно с которым действие метательного оружия эпохи Чингис-хана ничтожно. Нельзя также упускать из вида того обстоятельства, что европейские конные массы означенной эпохи составляли только часть вооруженной силы каждого государства и притом часть второстепенную, между тем вся боевая сила монгольской армии заключалась полностью в ее коннице, исполнявшей обязанности всех родов войск. При такой разнице в условиях мы видим в монгольском порядке компактные массы в *глубоких строях*, долженствовавших увеличить до возможных пределов силу удара (шока) с целью, например, прорыва центра противника, поражения одного из его крыльев и т. п.

Эта обязанность "тарана" лежала на тяжелой монгольской коннице, что и явилось, вероятно, причиной, по которой некоторые писатели монгольский боевой порядок сравнивали с македонской фалангой Александра. По мнению генерала Иванина, для проведения такой параллели нет оснований, и в самом деле сходство между этими двумя боевыми порядками, правда, основанными на глубоких построениях войск, можно заметить разве только во время последнего акта боя, когда уже фактически производится удар по неприятельскому боевому расположению. Дело в том, что фаланга, состоя из тяжеловооруженной пехоты с сариссами (пиками) до трех сажен длиной, была крайне грузна, неповоротлива и, следовательно, малоспособна к маневрированию на поле сражения. При этом условии она должна была быть заблаговременно нацелена в избранную точку неприятельского фронта. Об охватах флангов противника, который к тому же всегда во много раз превосходил армию Александра численностью, не могло быть и речи; наоборот, обеспечение своих собственных флангов в бою составляло всегдашнюю заботу македонского полководца. Эта задача лежала главным образом на легкой пехоте, которая, кроме того, обязана была прикрывать фалангу с фронта от метательного оружия и боевых колесниц неприятеля. Таким образом, легкая пехота во время боевого наступления фаланги исполняла задачи преимущественно пассивного характера.

В противоположность этому массы тяжелой конницы монголов обладали маневренной *способностью* в высокой степени, а их легкая конница исполняла в бою весьма *активную* и вовсе не второстепенную роль. Первые не только производили сокрушительный удар в тот или другой участок неприятельского фронта, но и могли отталкивать его во фланг, а также быть брошенными ему в тыл. Благодаря этой способности к маневру, точку для главного удара не было надобности намечать заблаговременно: она могла определиться и во время хода боя в зависимости от слагающейся обстановки. Легкая же конница не только разведывала и прикрывала, но исполняла главным образом задачу активной *подготовки* готовящегося решительного удара. Это и есть

знаменитая "*монгольская лава*". Она действовала на манер нашей казачьей лавы, являющейся, по всей вероятности, ее бледной копией, но не одной волной, как у казаков, а несколькими параллельными (до пяти) разомкнутыми волнами, причем, расстрелявшие свой запас стрел всадники первой шеренги, а также выбывшие из строя люди этой шеренги замещались из задних шеренг. С необычайной подвижностью маневрируя перед фронтом противника, заскакивая ему во фланги, а при удобном случае и в тыл, эти ловкие, вооруженные метательным оружием всадники, сидящие на своих выдрессированных, как собаки, конях, то размыкаясь, то собираясь в более или менее густые кучки, посылали в ряды неприятеля тучи метких стрел и дротиков, грозили ему то в одном, то в другом месте атакой и сами, обыкновенно не принимая его сомкнутой атаки, обращались в притворное бегство, заманивая его и наводя на засады.

Такими действиями они расстраивали, "изматывали" противника физически и морально настолько, что он иногда давал тыл еще до вступления в дело монгольской тяжелой кавалерии. Если же враг оказывался стойким, то действия легкой конницы во всяком случае позволяли определить его расположение, слабые места или наиболее выгодные для нанесения главного удара участки, куда быстро и скрытно с искусным применением к местности подводились в глубоких *сомкнутых* строях тяжелые конные массы, построенные подобно кавалерии Фридриха Великого и Наполеона в *несколько линий*. Благодаря своей высокой маневренной способности, эти массы имели перевес даже над доблестной рыцарской конницей Европы, славившейся своей могучей ударной силой и искусством в одиночном бою, но крайне неповоротливой.

Таким образом, резюмируя, можно сказать, что на легкой монгольской коннице лежали обязанности охранения и разведки в походе и в бою завязки, маскировки намеченного боевого маневра и подготовки главного удара, а также преследования разбитого неприятеля; тяжелая же кавалерия являлась "маневренным резервом", которым противнику наносился решительный удар.

Как особенность монгольской тактики можно еще отметить, что конница на поле сражения маневрировала обыкновенно "*в немую*", т. е. не по командам, а по условным знакам, подаваемым значком (флагом) начальника. В ночных боях они заменялись цветными фонарями. (Барабаны употреблялись для подачи сигналов только при лагерном расположении). В атаку монгольские воины бросались с диким, пронзительным криком.

Таковы были в общих чертах тактические приемы монгольской армии, насколько можно судить по дошедшим до нас, далеко не полным сведениям. Чингис-хан оставил своим потомкам наставления, как вести войну, осаждать и брать, обращаться с покоренными народами и проч. К сожалению, правила эти, которые у потомков его пользовались чрезвычайным уважением, до нас не дошли, и о них можно только догадываться по сохранившимся описаниям его походов и по

дошедшим до нас наставлениям и правилам другого великого завоевателя — Тамерлана, который, будучи потомком Чингис-хана по женской линии и монголом из племени берулас (родился в Коше), жил в эпоху, отстоящую от момента смерти Чингис-хана всего на сто лет с небольшим (1336—1405 гг.), имел армию из элементов, близких к тем, из которых составлялась армия Чингис-хана, и заведомо находился под сильным влиянием наставлений последнего для ведения войны. Генерал Иванин даже считает, что постановления и правила Тамерлана были не что иное, как возобновление постановлений и правил Чингис-хана, лишь с некоторыми изменениями и усовершенствованиями.

Ввиду такого значения военной организации и военного искусства Тамерлана для лучшего понимания состояния военного дела при Чингисхане мы в приложении к настоящей главе приводим вкратце некоторые данные из дошедших до нас соответствующих постановлений и наставлений первого.

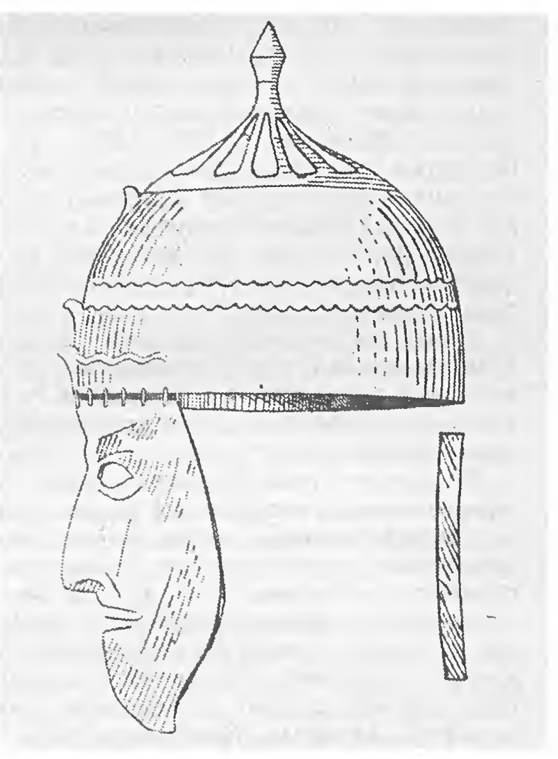
В соответствии с тактическими приемами монгольской армии определялось и вооружение ее двух главных "родов оружия" — легкой и тяжелой конницы, иначе называемых лучниками и мечниками. Как показывает само название, главным оружием первых был лук со стрелами; они сами и их лошади не имели вовсе или имели лишь самое легкое предохранительное вооружение. Большинство лучников имело по два лука и по два колчана, из последних один расходный, другой запасной. Запасной колчан был устроен так, чтобы предохранять стрелы от сырости. Стрелы отличались необычайной остротой. Монголы были мастерами в их изготовлении и отточке. Приучаясь к стрельбе из лука с трехлетнего возраста, монгол был также превосходным стрелком. Даже многие монгольские женщины учились стрельбе из лука, не говоря о том, что каждая умела ездить верхом так же, как и мужчины. Часть лучников была вооружена дротиками. Вероятно, всем всадникам легкой конницы были присвоены и сабли как оружие рукопашного боя, — может быть, более легкого образца, чем сабли мечников.

В тяжелой кавалерии люди имели кольчуги или кожаные латы; головной убор их состоял из легкого кожаного шлема с прочным назатыльником для предохранения шеи от сабельных ударов. В армии Батыя носили уже железные шлемы. На лошадях тяжелой конницы имелось защитное вооружение из толстой лакированной кожи. Главным нападательным оружием мечников были кривые сабли, которыми они владели в совершенстве, и пики; кроме того, у каждого имелась боевая секира или железная палица, которые подвешивались к поясу или к седлу. В рукопашном бою, а также при стычках в составе небольших партий монголы старались сбрасывать или стаскивать врагов с коней; для этой цели служили прикрепленные к пикам и дротикам крючья, а также арканы из конского волоса, которые накидывались на неприятеля с некоторого расстояния, подобно тому как кочевники и до сих пор ловят полудиких лошадей из своих табунов. Захваченный петлей аркана

неприятельский всадник стаскивался с коня и выволакивался по земле; тот же прием применялся и против пешего противника.*

Некоторые из всадников в числе положенных им предметов снаряжения имели постромки или лямки для припряжки лошадей к отбитым у неприятеля тяжелым метательным приборам, как-то: катапультам и проч.

Судя по некоторым данным, можно думать, что крупные или средние войсковые единицы, например, тысячи или сотни были посажены на лошадей одной масти. Это достоверно известно относительно гвардейской "тысячи багатуров", которая вся имела лошадей вороной масти, но, вероятно, правило одномастности лошадей соблюдалось и в других родах кавалерии. Иначе трудно объяснить, почему, например, Батый требовал от покоренных русских князей "поставки лошадей не по статьям, а по мастям".**

Монгольский шлем из Московского кремля.

Из предметов снаряжения каждый воин обязан был иметь при себе

---

* Любопытно отметить, что аркан как боевое средство применялся еще в эпоху Наполеоновских войн нашими калмыцкими полками (калмыки — потомки монголов-ойратов). С помощью этого примитивного оружия 2-й Калмыцкий полк атаковал в конном строю и взял в 1814 году один из парижских фортов, наведя на неприятеля сильную панику. Это паническое действие производилось особенно тем, что при накидывании аркана на шею и туловище неприятеля другой конец его особым способом заворачивается под стремя и ногу, и человек выволакивается из строя по земле, в то время как накинувший аркан всадник быстрым аллюром уходит от выстрелов. Паника в данном случае усиливалась еще тем, что в рядах французов был распространен нелепый слух, будто в русской армии есть полки "людоедов". За подвиги, оказанные в упомянутом деле, командир 2-го Калмыцкого полка майор нойон Сереб-Джаб-Тюмень был награжден орденом Белого Орла (из архива Главного Управления калмыцкого народа).

** Иванин М. И. Указ. соч.

пилку для острения стрел, шило, иголки, нитки, глиняный сосуд для варки пищи (хотя при нужде мясо елось и в сыром виде) и кожаную баклагу ("бортохо") вместимостью около двух литров для запаса кумыса, молока или воды. В двух небольших седельных сумках ("далинг") возился неприкосновенный запас пищевых продуктов и запасная смена белья. Неприкосновенный запас состоял из монгольских консервов — сушеного мяса и сушеного молока, — которые употребляются и до сего времени.*

Если этих запасов не хватало, то монгольский воин рассекал вену своей лошади и пил струю крови, потом перевязывал рану жильной ниткой. Полкилограмма крови достаточно для насыщения, а для лошади, тем более заводной, эта потеря не ощутительна и за короткое время восполняется в организме. Хлеб — тесто, завернутое в виде блинов, — пекли под мышкой у верблюда, который заменял в монгольских войсках обоз.** Надо иметь в виду, что у верблюда под мышкой и зимой температура нормальная очень высокая, затем имелись заводные, а также пришедшие в негодность лошади, которые могли быть убиты на мясо; конина считается лакомством.

Монгол, если нужно, может спать, оставаясь верхом на коне, который в это время может и идти походом, и пастись. Одеждой у монголов зимой служили меховая шапка с наушниками, в походах — шлем или железная каска и "доха" (это название перешло и в русский язык) — шуба из сложенного вдвое меха, шерстью наружу, откуда и пошла легенда, что будто бы монголы эпохи завоевания Европы "одевались в звериные шкуры". Доха шилась такой длины, чтобы закрывала ноги ниже колена, и подпоясывалась ремнем, украшенным серебром. На ногах — сапоги с войлочными чулками. Эти чулки из войлока у русских обратились в валенки, но монгольский способ удобнее, так как годится и при сырости, между тем как одни валенки промокают. Одетые таким образом монголы легко переносили зимнюю стужу и если иногда прерывали на время зимы свои операции, то не из-за холода, а из-за отсутствия подножного

---

* Монголы приготовляют из коровьего молока путем окисления арьян, из кобыльего — кумыс, причем, в них происходит молочно-кислое и молочно-спиртовое брожение; из них посредством варки-дестиляции через изогнутую трубку получают "арьку" — опьяняющий напиток с содержанием около 15% молочного спирта. И теперь каждый монгол раза три-четыре в неделю в летнее время курит "арьку", которую распивает со своими соседями. Продавать ее считается грехом. Это изобретение ведет свое начало со времен Чингис-хана. Кислое молоко после долгого кипячения сгущается, из этого сгустка процеживают воду и сушат, порезав кубиками. Это сухое молоко служит у монголов пищей зимой и по сие время. Мясо же режут тонкими ломтиками и сушат в тени; после сушки, порезав, хранят. Приготовленные таким образом впрок мясо и молоко никогда не портятся.

** Этим способом приходилось питаться калмыцким войскам при завоевании Кавказа в 1806 году.

корма.* Зато в странах с высокой летней температурой (например, в Южном Китае) им случалось прерывать военные действия из-за жары.

Снаряженная, как выше описано, монгольская армия была самая выносливая (и в то же время самая дисциплинированная) на свете и как таковая действительно могла завоевать мир. Мы видим монгола-кавалериста в походе, несущего с собой все необходимое; он мог с полным правом сказать:"Omnia mea mecum porto" ("Все мое несу с собой").

Марко Поло, много лет проживший в Монголии и Китае при Кубилай-хане, дает такую оценку монгольской армии: "Вооружение монголов превосходно: луки и стрелы, щиты и мечи; они самые лучшие лучники из всех народов". Наездники, выросшие на коне с малых лет. На диво дисциплинированные и стойкие в бою воины, причем в отличие от дисциплины, созданной страхом, которая в некоторые эпохи господствовала в европейских постоянных армиях, у них она основана на религиозном понимании соподчиненности власти и на родовом быте. Выносливость монгола и его коня изумительна. В походе их войска могли двигаться целые месяцы без возимых запасов продовольствия и фуража. Для коня — подножный корм; овса и конюшни он не знает. Передовой отряд силою в две-три сотни, предшествовавший армии на расстоянии двух переходов, и такие же боковые отряды, исполняли задачи не только охранения марша и разведки противника, но также и хозяйственной разведки, они давали знать, где подножный корм и водопой лучше.

Кочевники-скотоводы отличаются вообще глубоким знанием природы: где и в какое время травы достигают большого богатства и большей питательности, где лучше водные бассейны, на каких перегонах необходимо запастись провиантом и на сколько времени и т. д.

Сбор этих практических сведений составлял обязанность особой разведки, и без них считалось немыслимым приступать к операции. Кроме того, выдвигались особые отряды, имевшие задачей охранять кормовые места от непринимающих участие в войне кочевников.

Войска, если тому не мешали соображения стратегические, задерживались на местах, обильных кормами и водою, и проходили форсированным маршем районы, где этих условий налицо не было. Каждый конный воин вел от одного до четырех заводных коней, так что мог на походе менять лошадей, чем значительно увеличивалась длина переходов и сокращалась надобность в привалах и дневках. При этом условии походные движения продолжительностью в 10—12 дней без дневок считались нормальными,** а быстрота передвижений монгольских войск

---

* Впрочем, при нужде им можно было вести военные действия и зимою, так как монгольский конь обладает ценным свойством находить себе корм и зимою, разгребая снег копытом. Таким образом табуны и сейчас пасутся у монголов всю зиму.

** Так же "о дву-конь" выступили калмыки добровольно в поход в 1806 году при завоевании Кавказа, а равно в Отечественную войну. Два полка их участвовали во взятии Парижа. Этот способ позволяет суточный переход конницы довести до 150

была изумительна. Во время венгерской кампании 1241 года Субедей прошел однажды со своей армией 435 верст менее чем за трое суток.*

Роль артиллерии при монгольской армии играли тогдашние, крайне несовершенные метательные орудия. До китайского похода (1211—1215) число таких машин в армии было незначительно, и они были самого первобытного устройства, что, между прочим, ставило армию в довольно беспомощное положение в отношении встречаемых при наступлении укрепленных городов. Опыт упомянутого похода внес в это дело крупные улучшения, и в среднеазиатском походе мы уже видим в составе монгольской армии вспомогательую цзиньскую дивизию, обслуживающую разнообразные тяжелые боевые машины, употреблявшиеся преимущественно при осадах, в том числе и огнеметы. Последние метали в осажденные города разные горючие вещества, как-то: горящую нефть, так называемый греческий огонь и др. Есть некоторые намеки на то, что во время среднеазиатского похода монголы употребляли порох. Последний, как известно, был изобретен в Китае гораздо раньше появления его в Европе, но употреблялся он китайцами преимущественно в пиротехнике. Монголы могли заимствовать порох у китайцев, а также принести его в Европу, но, если и было так, то играть особенную роль в качестве боевого средства ему, по-видимому, не пришлось, так как собственно огнестрельного оружия ни у китайцев, ни подавно у монголов не было. В качестве источника энергии порох находил у них применение преимущественно в ракетах, которыми пользовались при осадах. Пушка была, несомненно, самостоятельным европейским изобретением. Что же касается собственно пороха, то высказываемое Г. Лэмом предположение, что он мог и не быть "изобретен" в Европе, а занесен туда монголами, не представляется невероятным.*

При осадах монголы пользовались не только тогдашней артиллерией, но прибегали также и к фортификации, и к минному искусству в его первобытной форме. Они умели производить наводнение, делали подкопы, подземные ходы и т. п.

Численность монгольской армии, конечно, колебалась в разные периоды царствования Чингис-хана и вообще не поддается точной

верст. Делая такие марши, калмыцкие ханы в XVIII в. по просьбе русских царей уничтожили сотни тысяч кубанских татар, создав на телах убитых врагов исторический "Курган победы". Аюка-хан таким же способом усмирил Некрасово-Булавинский бунт, внезапно появившись под Новочеркасском с 25000-м конным корпусом. На юго-востоке России калмыки, таким образом, являлись верными охранителями русской государственности, этого наследия Чингис-ханова. Кроме сказанных походов, калмыцкие ханы принимали добровольное участие в походах на берегах Черного, Азовского и Каспийского морей, также в Хиву и Персию. Одних больших походов было до 28.

* Лэм Г. Указ. соч. С. 237; английские мили переведены на версты.

** Лэм Г. Указ. соч. С. 224—227.

оценке. Персидские и китайские писатели, принадлежа к покоренным монголами нациям, имели понятную тенденцию сильно (в два, три, четыре раза) преувеличивать монгольские силы. То же замечание относится и к русским летописцам. Фантастические цифры и характеристики этих источников легко опровергаются тем простым соображением, что малочисленное население даже объединенной Монголии ни в каком случае не могло выставить более двухсот тысяч воинов. По исчислению компетентного английского исследователя, цитируемого Г. Лэмом, армия Чингис-хана выступила в среднеазиатский поход (против Хорезм-шаха) в следующем составе: гвардия — 1000 чел., центр 101 тысяча, правое крыло 17 тысяч, левое крыло — 52 тысячи, вспомогательные контингенты — 29 тысяч, итого 230 тысяч человек*.

Эта максимальная численность монгольской армии достигнута в царствование Чингис-хана. К моменту его смерти в рядах армии числилось всего около 130 тысяч. Это количество можно считать максимальным напряжением всего монгольского народа, который при Чингис-хане насчитывал не более одного миллиона душ, как определяют многие исследователи, и это нельзя считать неправдоподобным, если сейчас всех монголов в Азии около пяти миллионов душ.

Очертив вкратце организацию, тактические приемы, вооружение, снаряжение и численность монгольской армии, остановимся на ее стратегии.

Согласно сводке уже неоднократно цитированного английского писателя и по другим имеющимся сведениям**, война велась монголами обычно по следующей системе:

1. Собирался Курултай, на котором обсуждался вопрос о предстоящей войне и ее плане. Там же постановляли все, что необходимо было для составления армии, сколько с каждого десятка кибиток брать воинов и проч., а также определяли место и время сбора войск.

2. Высылались в неприятельскую страну шпионы и добывались "языки".

3. Военные действия начинались обыкновенно ранней весной (в зависимости от состояния подножного корма), а иногда и в зависимости от климатических условий и осенью, когда лошади и верблюды в хорошем теле. Перед открытием военных действий Чингис-хан собирал всех старших начальников для выслушивания его наставлений.

Верховное командование осуществлялось самим императором. Вторжение в страну противника производилось несколькими армиями в разных направлениях. От получающих такое отдельное командование полководцев Чингис-хан требует представления плана действий, который он обсуждает и обыкновенно утверждает, лишь в редких случаях внося в него свои поправки. После этого исполнителю предоставляется

---

* Лэм Г. Указ. соч. С. 218—219. Под гвардией подразумевается, очевидно, только "тысяча храбрых". Остальная гвардия — в составе крупных единиц.

** Лэм Г. Указ. соч. С. 221—223; Рэнк. Указ. соч. С. 11; Иванин М. И. Указ. соч. С. 36, 38.

в пределах данной ему задачи полная свобода действий при условии поддержания тесной связи со ставкой верховного вождя. Лично император присутствует лишь при первых операциях. Как только он убеждается, что дело хорошо налажено, он предоставляет молодым вождям всю славу блестящих триумфов на полях битвы и в стенах покоренных крепостей и столиц.

4. При подходе к значительным укрепленным городам частные армии оставляли для наблюдения за ними обсервационный корпус. В окрестностях собирались запасы и в случае надобности устраивалась временная база. Обыкновенно главные силы продолжали наступление, а обсервационный корпус, снабженный машинами, приступал к обложению и к осаде.*

5. Когда предвиделась встреча в поле с неприятельской армией, монголы обыкновенно придерживались одного из следующих двух способов: либо старались напасть на неприятеля врасплох, быстро сосредоточивая к полю сражения силы нескольких армий, либо, если противник оказывался бдительным и нельзя было рассчитывать на внезапность, направляли свои силы так, чтобы достигнуть обхода одного из неприятельских флангов. Такой маневр носил название "тулугма". Но чуждые шаблона монгольские вожди, кроме двух указанных способов, применяли и разные другие оперативные приемы. Например, производилось притворное бегство, и армия с большим искусством заметала свои следы, исчезнув из глаз противника, пока тот не раздробит своих сил и не ослабит мир охранения. Тогда монголы садились на свежих заводных лошадей, совершали быстрый налет, являясь как будто из-под земли перед ошеломленным врагом. Этим способом были разбиты в 1223 году на реке Калке русские князья. Случалось, что при таком демонстративном бегстве монгольские войска рассеивались так, чтобы охватить противника с разных сторон. Если оказывалось, что неприятель держится сосредоточенно и приготовился к отпору, они выпускали его из окружения, с тем чтобы потом напасть на него на марше. Таким способом была в 1220 году уничтожена одна из армий Хорезм-шаха-Мухамеда, которую монголы намеренно выпустили из Бухары.

Профессор Котвич в своей лекции по истории Монголии отмечает еще следующую военную "традицию" монголов: преследовать разбитого врага до полного уничтожения. Это правило, составлявшее у монголов традицию, является одним из бесспорных принципов современного военного искусства; но в те далекие времена принцип этот в Европе вовсе не пользовался всеобщим признанием. Например, рыцари средних веков считали ниже своего достоинства гнаться за очистившим поле сражения противником, и еще много веков спустя, в эпоху Людовика

---

* Впрочем, монголы не стеснялись иногда в случае встречи на своем пути крепости, не составлявшей прямого объекта данной операции и ответившей отказом на предложение сдаться, просто обойти ее и продолжать наступление, оставив крепость у себя в тылу (например, Оломоуц в 1241 г.)

XVI и пятипереходной системы, победитель готов был построить побежденному "золотой мост" для отступления. Из всего, что было сказано выше о тактическом и оперативном искусстве монголов, явствует, что в числе важнейших преимуществ монгольской армии, обеспечивавших ей победу над другими, должна быть отмечена ее изумительная *маневренная способность.*

В своем проявлении на поле сражений эта способность была результатом превосходной одиночной выучки монгольских всадников и подготовки целых частей войск к быстрым передвижениям и эволюциям при искусном применении к местности, а также соответствующей выездке и втянутости конского состава; на театре войны та же способность являлась выражением прежде всего *энергии и активности монгольского командования,* а затем такой организации и подготовки армии, при которых достигалась небывалая быстрота совершения маршей-маневров и почти полная независимость от тыла и подвоза. Про монгольскую армию можно сказать без натяжки, что в походах она имела *"базу при себе".* Она выступала на войну с немногочисленным и негромоздким, преимущественно выочным обозом верблюдов, иногда гнала с собою гурты скота. Дальнейшее довольствие было основано исключительно на местных средствах; если средства для продовольствия людей нельзя было собрать от населения, они добывались при помощи облавных охот. Монголия того времени, экономически небогатая и малонаселенная, никогда не была бы в состоянии выдержать напряжение сплошных великих войн Чингис-хана и его наследников, если бы страна кормила и снабжала свою армию. Монгол, воспитавший свою воинственность на звериной охоте, и на войну смотрит отчасти, как на охоту. Охотник, вернувшийся без добычи, и воин, за время войны требующий продовольствие и снабжение из дому, считались бы в понятии монголов "бабами".

Для возможности довольствия местными средствами часто было необходимо вести наступление широким фронтом; это требование было одной из причин (независимо от соображений стратегических), почему частные армии монголов обыкновенно вторгались в неприятельскую страну не сосредоточенной массой, а врозь. Заключающаяся в этом приеме опасность быть разбитым по частям компенсировалась быстротой маневрирования отдельных групп, способностью монголов уклоняться от боя, когда он не входил в их расчеты, а также превосходной организацией разведки и связи, составлявшей одну из характерных особенностей монгольской армии. При этом условии она могла без большого риска руководствоваться стратегическим принципом, который впоследствии был сформулирован Мольтке в афоризме: "Врозь двигаться, вместе драться".

Таким же способом, т. е. при помощи местных средств, наступающая армия могла удовлетворить свои нужды в одежде и в средствах передвижения. Тогдашнее оружие тоже легко ремонтировалось посредством местных ресурсов. Тяжелая "артиллерия" возилась за армией частью в разобранном виде, вероятно, имелись к ней и запасные части, но в случае недостатка таковых, конечно, не представлялось затрудне-

ний к изготовлению их из местных материалов своими плотниками, кузнецами. "Снаряды" артиллерии, изготовление и подвоз коих составляет одну из труднейших задач снабжения современных армий, в то время имелись на местах в виде готовых камней мельничных жерновов и т. п., или могли быть добыты из попутных каменоломен; при отсутствии тех и других каменные снаряды заменялись деревянными чурбанами из растительных древесных стволов; для увеличения их веса они пропитывались водой. Таким примитивным способом велось во время среднеазиатского похода бомбардирование города Хорезма.

Способность монгольской армии обходиться без коммуникаций обеспечивала крайняя выносливость людского и конского состава, их привычка к самым тяжким лишениям, а также царившая в армии железная дисциплина. При этих условиях отряды крупной численности проходили через безводные пустыни и переваливали через высочайшие горные хребты, считавшиеся у других народов непроходимыми. С большим искусством монголы преодолевали также серьезные водные преграды; переправы через большие и глубокие реки совершались вплавь: имущество складывалось на камышовые плоты, привязанные к хвостам лошадей, люди пользовались для переправы бурдюками (надутые воздухом бараньи кожи). Эта способность не стесняться естественными преградами и создала монгольским воинам репутацию каких-то сверхъестественных, дьявольских существ, к которым не приложимы применяемые к другим людям мерки.

Папский посланец при монгольском дворе Плано Карпини, не лишенный, по-видимому, наблюдательности и военных познаний, отмечает, что победы монголов не могут быть приписаны их физическому развитию, в отношении которого они уступают европейцам, многочисленности монгольского народа, который, напротив, довольно малочислен. Их победы зависят исключительно от их превосходной тактики, которая и рекомендуется им европейцам как образец, достойный подражания. "Нашими армиями, — пишет он, — следовало бы управлять по образцу татар (монголов) на основании тех же столь суровых военных законов.

...Армия никоим образом не должна вестись в одной массе, но отдельными отрядами. Во все стороны должны высылаться разведчики. Наши генералы должны держать свои войска днем и ночью в боевой готовности, так как татары всегда бдительны, как дьяволы". Далее Карпини преподает разные советы специального характера, рекомендуя монгольские способы и сноровки*. "Все военные принципы Чингис-хана, — говорит один из современных исследователей, — были новы не только в степи, но и в остальной Азии, где, по словам Джувеина, господствовали совершенно иные военные порядки, где самовластье и злоупотребления военачальников вошли в обычай и где мобилизация войск требовала несколько месяцев времени, так

---

* Лэм Г. Указ. соч. С. 237—238.

как командный состав никогда не содержал в готовности положенного по штату числа солдат"*.

Трудно вяжутся с нашими представлениями о кочевой рати, как о сборище иррегулярных банд, тот строжайший порядок и даже внешний лоск, которые господствовали в Чингисовой армии. Из приведенных статей "Джасака" мы уже видели, как строги были в ней требования в отношении постоянной боевой готовности, пунктуальности в исполнении приказаний и т. д. Выступление в поход заставало армию в состоянии безупречной готовности: ничто не упущено и каждая мелочь в порядке и на своем месте; металлические части оружия и седловки тщательно вычищены, баклаги наполнены, неприкосновенный запас продовольствия в комплекте. Все это подлежало строгой проверке начальников; упущения строжайше наказывались. Со времени среднеазиатского похода в армии имелись хирурги из китайцев. Монголы, когда выступали на войну, носили шелковое белье (китайская чесуча) — этот обычай сохранился до настоящего времени, ввиду свойства этого материала не пробиваться стрелой, а втягиваться в рану вместе с наконечником, задерживая его проникновение. Это имеет место при ранениях не только стрелой, но и пулей из огнестрельного оружия. Благодаря этому свойству шелка стрела или пуля без оболочки легко извлекалась из тела вместе с шелковой тканью. Так просто и легко совершали монголы операцию извлечения из раны пуль и стрел.

По сосредоточению армии или главной ее массы перед походом ей производился смотр самим верховным вождем. При этом он умел со свойственным ему ораторским талантом напутствовать войска в поход краткими, но энергичными словами. Вот одно из подобных напутствий, которое было произнесено им перед строем карательного отряда, однажды отправленного под начальством Субедея: "Вы мои воеводы, из вас каждый подобен мне во главе войска! Вы подобны драгоценным украшениям головы. Вы — собрание славы, вы — несокрушимы как камень! И ты, мое войско, окружающее меня, словно стеной, и выровненное, как борозды поля! Слушайте мои слова: во время мирной забавы живите одной мыслью, как пальцы одной руки; во время нападения будьте, как сокол, который бросается на грабителя; во время мирной игры и развлечений клубитесь, как комары, но во время битвы будьте, как орел на добыче!"**

Следует еще обратить внимание на то широкое применение, которое получала у монголов в области военного дела *тайная разведка*, посредством которой задолго до открытия враждебных действий изучаются до мельчайших подробностей местность и средства будущего театра войны, вооружение, организация, тактика, настроение неприятельской армии и т. д. Эта предварительная разведка вероятных противников, которая в Европе стала систематически применяться лишь в новейшие исторические времена в связи с учреждением в армиях специального корпуса

---

* Грум-Гржимайло Г. Е. Указ. соч.

** Иванов Вс. Указ. соч.

генерального штаба, Чингис-ханом была поставлена на необычайную высоту, напоминающую ту, на которой дело стоит в Японии в настоящее время. В результате такой постановки разведывательной службы, например, в войну против государства Цзинь монгольские вожди нередко проявляли лучшие знания местных географических условий, чем их противники, действовавшие в своей собственной стране. Такая осведомленность являлась для монголов крупным шансом на успех. Точно так же во время среднеевропейского похода Батыя монголы изумляли поляков, немцев и венгров своим знакомством с европейскими условиями, в то время как в европейских войсках о монголах не имели почти никакого представления.

Для целей разведки и попутно для разложения противника "все средства признавались пригодными: эмиссары объединяли недовольных, склоняли их к измене подкупом, вселяли взаимное недоверие среди союзников, создавали внутреннее осложнение в государстве. Применялся террор духовный (угрозы) и физический над отдельными личностями"*.

В производстве разведки кочевникам чрезвычайно помогала их способность прочно удерживать в памяти местные приметы. Тайная разведка, начатая заблаговременно, продолжалась непрерывно и в течение войны, для чего привлекались многочисленные лазутчики. Роль последних часто исполнялась торговцами, которые при вступлении армии в неприятельскую страну выпускались из монгольских штабов с запасом товаров с целью завязки сношений с местным населением.

Выше было упомянуто об облавных охотах, которые устраивались монгольскими войсками в продовольственных целях. Но значение этих охот далеко не исчерпывалось этой одной задачей. Они служили также важным средством для боевой подготовки армии, как и установлено одной из статей "Джасака", гласящей (ст. 9): "Чтобы поддерживать боевую подготовку армии, каждую зиму надлежит устраивать большую охоту. По этой причине воспрещается кому бы то ни было убивать от марта до октября оленей, козлов, косуль, зайцев, диких ослов и некоторые виды птиц".

Этот пример широкого применения у монголов охоты на зверя в качестве военно-воспитательного и учебного средства настолько интересен и поучителен, что мы считаем не лишним привести более подробное описание ведения монгольской армией такой охоты, заимствованное из труда Гарольда Лэма**.

"Монгольская облавная охота была той же регулярной кампанией, но только не против людей, а против животных. Участвовала в ней вся армия, и правила ее были установлены самим ханом, который признавал их нерушимыми. Воинам (загонщикам) запрещалось применять против животных оружие, а дать животному проскользнуть через цепь загонщиков считалось позором. Особенно тяжко приходилось по ночам.

---

* Грум-Гржимайло Г. Е. Указ. соч.

** Лэм Г. Указ. соч. С. 155—158.

Месяц спустя после начала охоты огромное количество животных оказывалось согнанным внутри полукруга загонщиков, группируясь около их цепи. Приходилось нести настоящую сторожевую службу: зажигать костры, выставлять часовых. Давался даже обычный "пропуск". Нелегко было поддерживать ночью целость линии аванпостов при наличии передней возбужденной массы представителей четвероногого царства, горящих глаз хищников, под аккомпанемент воя волков и рычания барсов. Чем дальше, тем труднее. Еще один месяц спустя, когда масса животных уже начинала чувствовать, что она преследуется врагами, необходимо было еще усилить бдительность. Если лисица забиралась в какую-нибудь нору, она во что бы то ни стало должна была быть выгнана оттуда; медведя, скрывавшегося в расщелине между скал, кто-нибудь из загонщиков должен был выгнать, и притом не нанося ему вреда. Понятно, насколько такая обстановка была благоприятна для проявления молодыми воинами молодечества и удали; например, когда одинокий, вооруженный страшными клыками кабан, а подавно, когда целое стадо таких разъяренных животных в исступлении бросалось на цепь загонщиков".

Иногда приходилось при этом совершать трудные переправы через реки, не нарушая непрерывности цепи. Нередко в цепи появлялся сам старый хан, наблюдая за поведением людей. Он до поры до времени хранил молчание, но ни одна мелочь не ускользала от его внимания и по окончании охоты вызывала похвалу или порицание. По окончании загона только хан имел право первый открыть охоту. Убив лично несколько животных, он выходил из круга и, сидя под балдахином, наблюдал за дальнейшим ходом охоты, в которой после него подвизались князья и воеводы. Это было нечто вроде гладиаторских состязаний Древнего Рима.

После знати и старших чинов борьба с животными переходила к младшим начальникам и простым воинам. Это иногда продолжалось в течение целого дня, пока, наконец, согласно обычаю внуки хана и малолетние княжата не являлись к нему просить *пощады* для оставшихся в живых животных. После этого кольцо размыкалось и приступали к сборищу туш.

В заключение своего очерка Лэм высказывает мнение, что такая охота была превосходной *школой* для воинов, а практиковавшееся во время хода ее постепенное сужение и смыкание кольца всадников могло находить применение и на войне против окруженного неприятеля.

Действительно, есть основание думать, что своей воинственностью и удалью монголы в значительной доле обязаны именно зверовой охоте, воспитавшей в них эти черты с малых лет в повседневном быту.

Сводя вместе все, что известно относительно военного устройства империи Чингис-хана и тех начал, на которых была устроена его армия, нельзя не прийти к заключению — даже совершенно независимо от оценки таланта его верховного вождя как полководца и организатора — о крайней ошибочности довольно распространенного взгляда, будто

походы монголов были не кампаниями организованной вооруженной системы, а хаотическими переселениями кочевых народных масс, которые при встречах с войсками культурных противников сокрушали их своим подавляющим многолюдством. Мы уже видели, что во время военных походов монголов "народные массы" оставались преспокойно на своих местах и что победы одерживались не этими массами, а регулярной армией, которая обыкновенно уступала своему противнику в численности. Можно с уверенностью сказать, что, например, в китайском (цзиньском) и среднеазиатском походах, которые будут подробнее рассмотрены в следующих главах, Чингис-хан имел против себя не менее чем двойные неприятельские силы.* Вообще монголов было чрезвычайно мало по отношению к населению завоеванных ими стран, — по современным данным пять миллионов первых на около 600 миллионов всех их бывших подданных в Азии. В армии, выступившей в поход в Европу, чистых монголов было около 1/3 общего состава как основное ядро.** Военное искусство в высших своих достижениях в XIII в. было на стороне монголов, почему в их победоносном шествии по Азии и Европе ни один народ не сумел остановить их, противопоставить им выше, чем имели они.

"Если сопоставить великий заход в глубь неприятельского расположения армий Наполеона и армий не менее великого полководца Субедея, — пишет г. Анисимов,*** — то мы должны признать за последним значительно большую проницательность и больший руководительский гений. И тот и другой, ведя в разное время свои армии, были поставлены перед правильным разрешением вопросов тыла, связи и снабжения своих полчищ. Но только Наполеон не сумел справиться с этой задачей и погиб в снегах России, а Субедей разрешал ее во всех случаях оторванности на тысячи верст от сердцевины тыла. В прошлом, покрытом столетиями, как и в значительно позднейшее время при затевавшихся больших и дальних войнах в первую голову ставился вопрос о продовольствии армий. Этот вопрос в конных армиях монголов (свыше 150 тысяч коней) осложнялся до крайности. Легкая монгольская кавалерия не могла тащить за собой громоздкие обозы, всегда стесняющие движение, и поневоле должна была изыскать выход из этого положения. Еще Юлий Цезарь, завоевывая Галлию, сказал, что "война должна питать войну" и что "захват богатой области не только не отягощает бюджета завоевателя, но и создает ему материальную базу для последующих войн".

Совершенно самостоятельно к такому же взгляду на войну пришли Чингис-хан и его полководцы; они смотрели на войну как на доходное дело, расширение базиса и накопление сил, — *в этом была основа их*

---

* Такое превосходство имелось у неприятеля Чингис-хана на всем театре войны; в отдельных сражениях, благодаря искусству полководца, соотношение сил могло быть более выгодным для монголов.

** Но старший командный состав был сплошь из монголов.

*** Монгольская конница.

стратегии. Китайский средневековый писатель указывает как на главный признак, определяющий хорошего полководца — *умение содержать армию за счет противника...* Монгольская стратегия в *длительности наступления и в захвате большого пространства видела элемент силы**, источник пополнения войск и запасов снабжения. Чем больше продвигался в Азию наступающий, тем больше захватывал он стад и других движимых богатств. Кроме того, побежденные вливались в ряды победителей, где быстро ассимилировались, увеличивая силу победителя.

Монгольское наступление представляло снежную лавину, нарастающую с каждым шагом движения. Около двух третей армии Батыя составляли тюркские племена, кочевавшие к востоку от Волги; при штурме крепостей и укрепленных городов монголы гнали перед собой пленных и мобилизованных неприятелей "как пушечное мясо". Монгольская стратегия при огромном масштабе расстояний и господстве преимущественно вьючного транспорта на "кораблях пустыни" — незаменимых для быстрых переходов за конницей через бездорожные степи, пустыни, реки без мостов и горы — не в силах была организовать правильный подвоз с тыла. Идея же *переноса базирования на области, лежавшие впереди,* являлась основной для Чингис-хана. Монгольская конница всегда имела базу "при себе"... Необходимость довольствоваться преимущественно местными средствами налагала определенный отпечаток на монгольскую стратегию... Сплошь да рядом быстрота, стремительность и исчезновение их армии объяснялись прямой необходимостью быстрее достичь благоприятных пастбищ, где могли бы нагулять тела ослабевшие после прохождения голодных районов кони. Безусловно, избегалась затяжка боев и операций в таких местах, где отсутствуют кормовые средства.

В заключение очерка о военном устройстве Монгольской империи остается еще сказать несколько слов об ее основателе как полководце. Что он обладал истинно творческим гением, ясно видно из того, что он сумел из ничего создать непобедимую армию, положив в основание ее создание идей, которые у культурного человечества получили признание лишь много веков спустя. Непрерывный же ряд торжеств на полях битв, покорение культурных государств, обладавших более многочисленными, сравнительно с монгольской армией, и хорошо организованными вооруженными силами, несомненно, требовали более чем организаторского таланта; для этого необходим был гений полководца. Такой гений представителями военной науки за Чингис-ханом признан в настоящее время единогласно. Это мнение разделяется, между прочим, и компетентным русским военным историком генералом М. И. Иваниным**, труд которого "О военном искусстве и завоеваниях монголотатар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане", издан-

---

* В противоположность учению некоторых европейских стратегов-теоретиков, считавших необходимым ограничивать размах наступления.

** Иванин М. И. Указ. соч. С. 7

ный в С. Петербурге в 1875 году, был принят как одно из руководств по истории военного искусства в нашей Императорской Военной академии.

Такую же оценку дает Чингис-хану и Гарольд Лэм, который высказывает, что его способ маневрирования большими массами без заметных трений и усилий, искусное приспособление им приемов ведения войны к разным театрам и различным условиям обстановки, отсутствие колебаний в решительные моменты операций или сражения, его успешные осады (при примитивности технических средств), его блестящие победы в открытом поле, — все это выдвигает его в ряды величайших полководцев.*

Даже величайший из военных гениев новых времен косвенно признал превосходство над собой монгольского завоевателя в своем изречении: "Я не был так счастлив, как Чингис-хан" (Наполеон).

Монгольский завоеватель не имел такого множества биографов и вообще такой восторженной литературы, какую имел Наполеон. О Чингис-хане написаны всего три-четыре работы и то главным образом его врагами, китайскими и персидскими учеными и современниками. В европейской литературе должное как полководцу стало отдаваться ему лишь в последние десятилетия, рассеявшие туман, который покрывал его в предшествующие века. Вот что говорит по этому поводу военный специалист, французский подполковник Рэнк:

"Следует окончательно отбросить ходячее мнение, по которому он (Чингис-хан) представляется как вождь кочующей орды, слепо сокрушающей на своем пути встречные народы. Ни один народный вождь не сознавал отчетливее то, чего он хочет, что он может. Огромный практический здравый смысл и верное суждение составляли лучшую часть его гения... Если они (монголы) всегда оказывались непобедимыми, то этим они были обязаны смелости своих стратегических замыслов и непогрешимой отчетливости своих тактических действий. Безусловно, в лице Чингис-хана и плеяды его полководцев военное искусство достигло одной из своих высочайших вершин"**.

Конечно, очень трудно производить сравнительную оценку дарований великих полководцев, а подавно при условии, что творили они в разные эпохи, при различных состояниях военного искусства и техники и при самых разнообразных условиях. Плоды достижений отдельных гениев — вот, казалось бы, единственный беспристрастный критерий для оценки. Во вступлении было приведено сделанное с этой точки зрения сравнение гения Чингис-хана с двумя общепризнанными величайшими полководцами — Наполеоном и Александром Великим, — и это сравнение совершенно справедливо решено не в пользу двух последних. Созданная Чингис-ханом империя не только во много раз превзошла пространством империи Наполеона и Александра, но сохранилась в течение долгого времени при его преемниках, достигнув при внуке его, Кубилае,

---

* Л э м Г. Указ. соч. С. 223.

** Р э н к. Указ. соч. С. 10—11.

необыкновенной, небывалой в мировой истории величины 4/5 Старого Света, и если она пала, то не под ударами внешних врагов, а вследствие внутреннего распада (см. схему Монгольского царства с обозначением завоеваний Чингис-хана, а также походов Александра Великого и Наполеона).

Нельзя не указать еще на одну особенность гения Чингис-хана, которою он превосходит других великих завоевателей: он создал *школу полководцев,* из которой вышла плеяда талантливых вождей — его сподвижников при жизни и продолжателей его дела после смерти. Полководцем его школы можно считать и Тамерлана. Такой школы, как известно, не сумел создать Наполеон; школа же Фридриха Великого произвела только слепых подражателей, без искры оригинального творчества. Как на один из приемов, употреблявшихся Чингис-ханом для развития в своих сотрудниках самостоятельного полководческого дара, можно указать на то, что он предоставлял им значительную долю *свободы* в избрании способов для выполнения данных им боевых и оперативных задач.

VIII. ПОХОД НА КИТАЙ

По выполнению задачи объединения в одно государство монгольских народностей, населяющих плоскогорье Центральной Азии, взоры Чингис-хана, естественно, обратились на Восток к богатому, культурному, населенному маловоинственным народом — Китаю, всегда представлявшему в глазах кочевников лакомый кусок. Земли собственно Китая делились на два государства — северное Цзинь (Золотое царство) и южное Сун — оба китайской национальности и китайской культуры, но второе с национальной же династией во главе, между тем как первым правила чужеземная династия завоевателей — джурдженей. Первым объектом действий Чингис-хана естественно являлся ближайший сосед — Цзиньская держава, с которой у него как наследника монгольских ханов XI и XII вв. были свои давнишние счеты.

В самом деле, не кто иной, как именно цзиньский император разрушил и не столько с помощью военной силы, как своей коварной политикой нарождавшееся еще при ханах Кабуле и Котуле сильное Монгольское государство, натравив на него завистливых и жадных соседей-кочевников. Один из монгольских ханов Анбагай был взят в плен и предан цзиньцами мучительной казни. Все это монголы хорошо помнили и глубоко затаили в сердцах жажду мести, только ждали случая, чтобы дать этому чувству выход. Выразителем таких народных чаяний, естественно, должен был явиться вновь народившийся народный герой — непобедимый Чингис-хан.

Однако как человек, одинаково обладавший и военным и политическим гением, монгольский самодержец отлично понимал, что война с Китаем не такое предприятие, в которое можно бы пуститься сломя голову; напротив, он знал, что к нему необходимо тщательно и всесто-

ронне подготовиться. Первым уже сделанным в этом направлении шагом было слияние кочевых племен Центральной Азии в одну державу с прочной военной и гражданской организацией. Чтобы усыпить бдительность и подозрение своего врага, Чингис-хан в течение этого периода накопления сил воздерживается от всего, что могло бы быть истолковано как враждебные намерения и до поры до времени не отказывается от признания себя номинально данником цзиньского императора*.

Такие мирные отношения способствуют установлению торговых и иных связей между Монгольским и Цзиньским государствами, и Чингис-хан с изумительным искусством пользуется этими сношениями для тщательного и всестороннего изучения будущего противника. Противник этот силен, он обладает армией, намного превосходящей числом те силы, которые могут быть выставлены против нее Чингис-ханом; армией хорошо вышколенной и богато обставленной в техническом отношении, опирающейся на многие десятки крепких городов и предводимой отлично образованными по своей специальности вождями.

Для того, чтобы сразиться с нею с надеждой на успех, необходимо выставить против нее по меньшей мере все вооруженные силы монгольской державы, оставив без войск ее северные, западные и южные границы. Чтобы это не представляло опасности, надо предварительно обеспечить их от возможных покушений других соседей в течение всего периода, пока монгольская армия будет занята борьбой со своим восточным противником, — другими словами, необходимо обеспечить свой тыл в обширном значении этого слова. С этой целью Чингис-хан предпринимает ряд походов, которые не имеют самостоятельного значения, а служат подготовкой к китайскому походу.

Главным объектом второстепенных операций является Тангутское государство, занимавшее обширные земли в верхнем и частью в среднем течении Желтой реки, успевшее приобщиться к китайской культуре, а потому разбогатевшее и достаточно прочно организованное. В 1207 году на него производится первый набег; когда оказывается, что этого мало для его полного обезвреживания, против него предпринимается поход в более крупном масштабе.

Этот поход, законченный в 1209 году, дает Чингис-хану полную победу и огромную добычу. Он же служит для монгольских войск хорошей школой перед предстоящим походом на Китай, так как тангутские войска были частью обучены китайскому строю. Обязав тангутского владетеля выплачивать ежегодную дань и ослабив его настолько, что в течение ближайших лет можно было не опасаться каких-либо серьезных враждебных действий, Чингис-хан может, наконец, приступить к осуществлению своей заветной мечты на востоке, так как к тому же

---

* По мнению ген. Иванина, допущение цзиньскими правителями образования сильного Монгольского государства м.б. объяснено только недальновидностью их политики и продажностью подчиненных им пограничных властей. Но несомненно, что немалую роль в этом отношении сыграло и политическое искусство Чингис-хана.

времени достигнута безопасность на западной и северной границах империи. Произошло это следующим образом; главной угрозой с запада и с севера являлся Кушлук, сын Таян-хана найманского, после гибели своего отца спасшийся бегством к соседним племенам. Этот типичный кочевой искатель приключений собрал около себя разноплеменные банды, главное ядро коих составляли заклятые враги монголов меркиты — суровое и воинственное племя, которое кочевало с широким размахом, нередко вступая в конфликты с соседними племенами, в земли коих оно вторгалось, а также нанимаясь на службу тому или другому из кочевых вождей, под предводительством которого можно было рассчитывать поживиться грабежом. Собравшиеся около Кушлука старые приверженцы из найманов и вновь примкнувшие к нему банды могли представлять угрозу для спокойствия во вновь присоединенных к монгольской державе западных областях, почему Чингис-хан в 1208 году отправил войско под начальством своих лучших воевод Джебе и Субедея с задачей уничтожить Кушлука.

В этом походе большую помощь монголам оказало племя ойратов, через земли которых пролегал путь монгольского войска. Вождь ойратов Хотуга-беки еще в 1207 году изъявил свою покорность Чингис-хану и в знак почета и подчинения послал ему в дар белого кречета. В настоящем походе ойраты служили проводниками для войск Джебе и Субедея, которые они провели незаметно для противника к его расположению. В происшедшем бою, окончившемся полной победой монголов, вождь меркитов Тукта-беки был убит, но главному врагу Кушлуку опять удалось избежать смерти в бою или плена и найти убежище у престарелого Гур-хана кара-китайского, владевшего землей, ныне носящей название Восточного или Китайского Туркестана.

Моральная подготовка к походу на Золотое царство заключается в том, что Чингис-хан старается придать ему в глазах монголов религиозный характер: "Вечно Синее Небо поведет его войска мстить за прежние, причиненные монголам обиды", — говорил он. Перед выступлением в поход Чингис-хан уединился в своей кибитке, вознося молитвы о даровании победы. "Предвечный Творец, — молил он, — я вооружился для отмщения крови моих дядей..., которых императоры цзиньцев умертвили бесчестным образом. Если Ты одобряешь мое предприятие, пошли свыше Твою помощь, а на земле повели, чтобы люди, добрые и злые духи соединились для одоления моих врагов".*

Окружавшие кибитку народ и войска все это время взывали: "Тенгри! Тенгри!" (Небо). На четвертый день Чингис-хан вышел и объявил, что Небо дарует ему победу.

Принятые меры по обеспечению северных, западных и южных пределов империи позволили Чингис-хану сосредоточить для предстоящего похода без малого почти все свои наличные силы. Однако еще для большей верности успеха он с целью отвлечения части цзиньских сил в другом направлении входит с непокорным вассалом Золотого царства

---

* Иванин М. И. Указ. соч. С. 84.

князем Ляодуна в соглашение об одновременном нападении на общего врага.

Весною 1211 года монгольская рать выступает в поход со своего сборного пункта у реки Керулэн; до Великой Китайской стены ей предстояло пройти путь длиною около 750 верст, на значительной части своего протяжения пролегающий через восточную часть пустыни Гоби, которая, впрочем, в это время года не лишена воды и подножного корма. Для продовольствия за армией гнались многочисленные стада.

Цзиньская армия обладала, кроме устаревших боевых колесниц запряжкой в 20 лошадей, серьезными по тогдашним понятиям военными орудиями, камнеметами, большими самострелами, для натяжения тетив которых требовалась на каждый экземпляр сила в 10 человек, катапультами, которые для приведения в действие требовали каждая работы 200 человек, кроме всего этого цзиньцы пользовались и порохом для военных целей, например, для устройства фугасов, воспламеняемых посредством привода, для снаряжения чугунных гранат, которые бросались в неприятеля катапультами, для метания ракет и т. п.

Гарольд Лэм в положении Чингис-хана в китайском походе усматривает сходство с положением Ганнибала в Италии. Такую аналогию можно действительно видеть в том, что обоим полководцам приходилось действовать вдали от источников своего пополнения в богатой ресурсами неприятельской стране против превосходных сил, которые могли быстро пополнять свои потери и были предводимы мастерами своего дела, так как военное искусство цзиньцев стояло, как и в Риме в эпоху Пунических войн, на большой высоте. Равным образом, подобно Ганнибалу, привлекавшему в Италии на свою сторону все элементы, еще слабо спаянные с римлянами или недовольные их владычеством, Чингис-хан мог извлечь (пользу) из имевшейся в войсках противника национальной розни, так как китайцы, составлявшие наиболее многочисленный, но подчиненный контингент в цзиньской армии, частью с неудовольствием сносили главенство над собой чуждых им по крови джурдженей, и одинаково враждебно к последним относились состоявшие в армии кидане, потомки народа, властвовавшего над Северным Китаем перед цзиньцами, т. е. теми же джурдженями.

При всем том обстановка обязывала Чингис-хана к осторожности: понесенное в Китае поражение могло развязать руки западным и южным врагам Монгольской империи. Даже решительный успех надо было стараться одержать с возможно малой потерей в людях и лошадях. Огромным плюсом монгольской армии являлась ее отличная осведомленность о неприятельской армии и о стране, достигнутая благодаря предварительной разведке; разведка эта не прерывалась и во время последующих военных действий, имея ближайшей целью выяснить наиболее удобный участок для форсирования Великой стены.

Эта стена на участке длиною около 500 верст от пересечения с Желтой рекой до местности к северу от Енкина (Пекина), т. е. на том ее участке, который, покрывая столицу с северо-запада, представляет собой две сильные параллельные преграды, — наружную и внутреннюю

Упражнение в стрельбе из лука.
Рисунок сделан по современной китайской гравюре,
дает точное впечатление о доспехах и оружии,
употреблявшихся против Чингис-хана.

стены, — отстоящие одна от другой в месте наибольшего удаления верст на двести. Справедливо рассчитывая, что наиболее сильное сопротивление он может встретить на кратчайшем пути к Енкину, Чингис-хан, демонстрируя в этом направлении, главными силами форсирует наружную стену на слабо защищенном участке верст на 150—200 к западу от этого кратчайшего направления. Более сильное сопротивление монгольская армия встречает, пройдя наружную стену, но победа, одержанная над цзиньским полководцем Даши, отдает в руки Чингис-хана всю территорию, лежащую между наружной и внутренней стенами, и позволяет ему обратить в свою пользу ее средства, из коих наиболее важными были пасшиеся здесь многочисленные императорские табуны лошадей.

После этого поход через внутреннюю стену на горном перевале Цзюй-юнь-гуань (по-монгольски Хаб-чал) был захвачен авангардом армии "мангнай", который в составе трех тюменей под начальством лучших вождей — Мукали, Джебе и Субедея, предшествовал главным силам, поддерживая с ними самую тесную связь и имея, в свою очередь, впереди себя завесу из разведывательных отрядов легкой конницы. Общее начальство над войсками авангарда принадлежало, по-видимому, Джебе-нойону.

Чингис-хана сопровождали в походе его четыре сына: Джучи, Чагатай, Угедей и Тулуй (он же Ике-нойон, т. е. Великий князь). Трое старших занимали в армии командные посты, а младший состоял при отце, который непосредственно начальствовал над центром армии, состоявшей из 100000 человек лучших монгольских войск.

Пройдя Великую стену, отдельные группы, составлявшие главные силы, разошлись по принятой системе в разных направлениях для лучшего использования средств страны. В первом же крупном сражении после перехода стены Джебе нанес цзиньцам, разбросавшим свои силы, тяжкое поражение, зайдя им в тыл. В этом бою именно оказалось, что монголы с местностью знакомы гораздо лучше своего противника. Тем временем старшие царевичи, получившие от отца задачу овладеть округами и городами, лежащими на севере провинции Шанси в большой излучине Желтой реки, с успехом выполнили это поручение. После еще одной победы, одержанной в поле, главные силы монгольской армии подступили к Средней столице Цзиньского гоударства городу Енкину (Пекин), в котором пребывал двор.*

Таким образом, с поразительной быстротой в течение нескольких месяцев было сломлено сопротивление цзиньской полевой армии и захвачена обширная территория с десятком укрепленных городов.

* По овладении впоследствии Енкином монголы переименовали его в Хан-балу. При внуке Чингиса, Кубилай-хане, он под этим названием стал столицей мировой Монгольской империи.

Успех этот вызывает тем большее удивление, что противник нападением Чингис-хана вовсе не был захвачен врасплох. Осведомленные о намерениях монгольского кагана, цзиньцы к весне 1211 года успели приготовиться к отпору. Тем не менее немного месяцев спустя вся надежда их, — впредь до сбора новых сил в южных областях государства, — покоилась только на неприступности стен Енкина.

В самом деле Чингис-хан не рассчитывал одолеть эту твердыню своими первобытными осадными орудиями и, не имея пока данных для заключения об упадке духа у ее защитников, чтобы идти на риск штурма, осенью 1211 года отводит свою армию обратно за Великую стену.

В следующем, 1212 году, он снова подступает главными силами к Средней столице, справедливо глядя на нее как на приманку для привлечения к ней в целях выручки полевых армий неприятеля, которые он и рассчитывал бить по частям. Расчет этот оправдался, и цзиньские армии понесли от Чингис-хана новые поражения в поле. Через несколько месяцев в его руках оказались почти все земли, лежащие к северу от нижнего течения Желтой реки. Но Енкин и с десяток наиболее крепких городов продолжали держаться, так как монголы все еще не были подготовлены к действиям осадной войны. Не столь сильно укрепленные города брались ими либо открытой силой, либо путем различных хитростей, например, притворным бегством из-под крепости с оставлением на месте части обоза с имуществом для того, чтобы перспективой добычи выманить гарнизон в поле и повлиять на ослабление мер охранения: если эта хитрость удавалась, город или лишенный защиты крепостных стен гарнизон подвергались внезапному нападению. Таким способом Джебе овладел городом Ляо-яном в тылу цзиньской армии, действовавшей против ляодунского князя. Иные города принуждались к сдаче угрозами и террором.

В одном из боевых столкновений под стенами Енкина осенью 1212 года Чингис-хан был ранен. Армия сняла блокаду столицы и была снова отведена за Великую стену. Такие перерывы в кампании были совершенно неизбежны для поправления и ремонта изнуренного конского состава армии. Некоторую роль в этом отношении играли и политические соображения, а именно необходимость держать в страхе других соседей государства.

Подобным же образом прошел и следующий 1213 год. Война принимала, очевидно, затяжной характер. По этому поводу Г. Лэм высказывает следующие соображения:

"Чингис-хан не мог, подобно Ганнибалу, оставлять гарнизоны во взятых городах. Монголы, еще не привыкшие к тому времени защищаться в крепостях, были бы уничтожены цзиньцами в течение зимы. Ряд побед в поле, одержанных благодаря скрытности маршей монгольских колонн и умению быстро сосредоточить их к предстоящему бою..., имел в результате только то, что уцелевшие полевые войска были загнаны в укрепленные города. Подход к Енкину имел целью добраться до императора, но взять его мешали неприступные стены крепости. В то же

время цзиньцы имели успех над ляодунцами и тангутами, обеспечивавшими фланги хана... При этих условиях заурядный вождь кочевников удовлетворился бы взятой добычей предыдущих кампаний и престижем победителя над могущественной Цзиньской империей и остался бы в своих кочевьях вне Великой стены. Но Чингис-хан, хотя и раненный, но по-прежнему непреклонный, обогащался опытом войны в новых условиях и старался использовать его для последующих походов, в то время как мрачные предчувствия уже начинали точить душу властелина Золотого царства".*

Весною 1214 года три монгольские армии снова вторгаются в цзиньские пределы. На этот раз они действуют по новой системе, выработанной на основании опыта предыдущих кампаний. При подходе к укрепленным городам монголы сгоняют народ из окрестностей и затем идут на штурм, гоня густые массы населения перед собой на крепостные валы. В большинстве подобных случаев цзиньцы штурма не принимали и сдавали город. Терроризованные таким жестоким образом ведения войны и видя, кроме того, по всему, что они имеют дело не с нестройными кочевыми полчищами, а с регулярной армией, определенно идущей на полное покорение страны, для возведения на ее престол своего вождя, многие цзиньские военачальники, и не только из киданей, но и из джурдженей, стали передаваться монголам вместе со своими отрядами. Чингис-хан как дальновидный политик принимал их подчинение и услуги, утилизируя их пока для содержания гарнизонов во взятых городах.

В течение кампании 1214 г. армии Чингис-хана пришлось встретиться с новым, страшным врагом — моровой язвой, которая стала косить ее ряды. Обессилел также от неимоверных трудов и конский состав. Но монголы уже успели внушить вражескому командованию такое к себе почтение, что в его среде не нашлось вождя, который решился бы атаковать ослабевшую монгольскую армию, стоявшую лагерем под Енкином. Император предложил Чингис-хану перемирие на условии уплаты ему богатого выкупа и отдачи ему в жены принцессы императорского дома. На это последовало согласие, и по выполнении условий перемирия монгольская рать, нагруженная несметными богатствами, потянулась в родные края.

Одной из причин проявленного в данном случае миролюбия Чингисхана было полученное им сведение, что непримиримый враг его Кушлук-хан завладел Кара-Китайской империей, в которой он нашел приют после своего бегства в 1208 году. В этом обстоятельстве Чингис-хан с полным основанием усмотрел угрозу для безопасности своей империи со стороны ее юго-западной границы.

Что касается цзиньского императора, то он, избавившись в силу заключенного перемирия на некоторое время от присутствия смертельного врага, решает ради безопасности в будущем покинуть Среднюю столицу, перенеся резиденцию в один из городов южной части своей

---

* Лэм Г. Указ. соч. С. 94—95.

империи. В качестве своего наместника он оставляет в Енкине своего сына и наследника. В числе приближенных к последнему лиц оказалось несколько человек пылких патриотов, которые подбивают молодого царевича на то, чтобы возглавить национальное движение, имеющее целью восстановление блеска цзиньского оружия, помраченного в неслыханных поражениях, понесенных от презренных кочевников. Царевич присваивает себе верховную власть, что в населении северной части империи, сильно пострадавшем от монгольского нашествия и настроенном враждебно к Алтан-хану, вызывает взрыв фанатического энтузиазма, под влиянием которого оставленные Чингис-ханом в главнейших пунктах покоренных областей малочисленные монгольские гарнизоны избиваются. Морально оправившаяся армия вновь обретает былую боеспособность и переходит в победоносное наступление против союзника монголов — ляодунского князя*. Все это происходит так быстро, что отходящая монгольская армия еще далеко не успела достигнуть своих степей, когда к Чингис-хану поступает донесение о происшедших событиях.

Он немедленно приостанавливает отход армии и, несмотря на наступившее зимнее время, снаряжает несколько сильных отрядов, — один на юг в погоню за Алтан-ханом, остальные для восстановления положения на севере. Главные силы располагаются на зимовку поблизости от Великой стены в готовности поддерживать действующие отряды.

Надобности в такой поддержке не оказывается, так как поставленные во главе отрядов орхоны блестяще выполняют возложенные на них задачи. На севере Субедей не только восстанавливает прежнее положение, но, продолжая свое победоносное наступление, "мимоходом" завоевывает Корею. Мукали и ляодунский князь Минга бьют неприятеля в поле и подступают к Енкину, где недавний энтузиазм войск и населения сменяется полнейшей деморализацией. Эта сильнейшая крепость, которую в течение трех кампаний не решился атаковать открытой силой сам верховный вождь монголов, и теперь еще обороняемая многочисленным гарнизоном сдается под угрозой штурма орхону Мукали. Это произошло летом 1215 года.

К тому же времени успели прибыть на театр военных действий и главные монгольские силы, зимовавшие близ Великой стены. С ними Чингис-хан разбил армию, высланную с юга на выручку Енкина Алтан-ханом, настигнуть которого посланному за ним в погоню отряду не удалось. Посчастливилось также спастись бегством и узурпатору-наследнику. При этих условиях даже падение Енкина не привело к миру. Опираясь на огромные ресурсы остававшихся еще в его руках южных областей империи, Алтан-хан решил продолжать борьбу.

Обогащенный огромной добычей, взятой в Енкине, и во время последнего похода восстановив свою власть в завоеванной части Цзинь-

* Так изложены события 1214 г. после ухода монголов в книге Лэма (стр. 88—100). Другие историки излагают их в несколько иной версии (например, Иванин, Владимирцов и др.).

ской империи, Чингис-хан вернулся в Каракорум, оставив Мукали своим наместником в покоренных областях (с титулом "Го-ван", что по-китайски значит: "старший", "почтенный", "государь одного округа") и поручив ему закончить покорение Золотого царства силами оставленного в его распоряжении небольшого отряда.

В китайском походе опять проявился в полном блеске военный и политический гений Чингис-хана и незаурядные дарования большинства орхонов — дарования, выражавшиеся особенно в их умении всегда выгодно использовать складывающуюся бесконечно разнообразную обстановку. Отдельные операции в эту войну были не простыми набегами без плана и системы, а являлись глубоко обдуманными предприятиями, успех которых зиждился на рациональных стратегических и тактических методах в связи, конечно, с боевым опытом командного состава и воинственным духом массы монгольского войска.

"Итак, — говорит генерал Иванин, — ни многолюдность, ни китайские стены, ни отчаянная оборона крепостей, ни крутые горы — ничто не спасло империи цзиней* от меча монголов. Цзиньцы не потеряли еще воинственности и упорно отстаивали свою независимость более 20 лет**. Но Чингис-хан... отогнав императорские табуны и потом заграбив весь скот и лошадей по северную сторону реки Хаон-хэ (Желтой), лишил цзиньцев возможности иметь многочисленную конницу и, употребляя постоянно систему набегов, нападал на них, когда хотел, даже и с малыми частями конницы разорял их землю и лишал способов восстановить равновесие сил. Цзиньцы должны были ограничиться обороною городов и крепостей; но монголы, продолжая стеснять, опустошать, тревожить эту империю, наконец, взяли почти все крепости, частью руками китайцев, частью голодом. Это показывает, какую выгоду имела в то время степная конница, хорошо устроенная, перед пехотой и какую пользу можно было извлекать искусным употреблением ее. Но к этому надобно присовокупить, что Чингис-хан умел подготовлять войну, разделять неприятеля, привлекать союзников и делать из них могущественное пособие для облегчения успехов своему оружию, например, подготовленным союзом с унгутами*** он облегчил первые военные действия против цзиньцев, потом, дав пособие киданям (ляодунский князь) развлек силы неприятеля и отрезал его от севера, набирал из киданей и природных китайцев войска, отвлекал от цзиньцев собственных их подданных, потом получил пособие (войсками) из Тангута и, наконец, дал совет своим преемникам воспользоваться союзом с империей

---

* Ген. Иванин цзиньцев называет "гинами" или "нючжами". Слова эти нами везде заменены названием "цзинь" и его производными.

** Имеется в виду весь период монголо-цзиньской борьбы до окончательного падения Северной Китайской империи.

*** Унгуты, или онгуты — кочевое племя, жившее около Великой стены и имевшее обязанность пасти цзиньские табуны.

дома Сун — словом, умел действовать так же искусно политикой, как и оружием"...*

Несмотря на это пятилетние усилия Чингис-хана и подчиненных ему вождей все-таки не привели к полному покорению Северного Китая. Эта задача, несмотря на то, что Мукали-Го-ван явился достойным продолжателем дела своего государя**, не была еще достигнута и ко времени смерти Чингис-хана, т. е. к 1227 году. К покорению же Южного Китая — державы Сунов — при жизни его не было даже и приступлено.

Эта трудность приобщения Китая к монгольской державе зависела не от военных неудач, не от непривычного для кочевников климата китайской низменности или наличия каких-либо трудно одолимых естественных преград (каковых на ней не встречается), а главным образом от пассивного сопротивления той компактной людской массы, которую представляет население собственно Китая, уже тогда исчислявшееся сотнями миллионов. При этих условиях продвижение на юг могло совершаться лишь с большими усилиями и шаг за шагом, но еще большого труда стоило завоевателям закрепление за собой пройденного пространства, в результате чего завоеванные территории впоследствии часто утрачивались.

В самом деле оставлять в покоренной стране сильные гарнизоны не позволяла малочисленность оперирующих монгольских армий, выделять же для службы в тылу слабые отряды было опасно в том отношении, что они рисковали быть как бы захлестнутыми и утонуть в том человеческом море, которое представляло густое население страны.

Когда, наконец, после многочисленных усилий монголов в 1234 году бесповоротно пала самостоятельность Цзиньской державы — после того, как Субедеем в результате невероятно тяжелой и кровопролитной осады был взят город Вянь — южная столица цзиньского императора — предстояло решить ту же задачу относительно сильного государства Сун, которое во время войны в Северном Китае иногда выступало в роли союзника монголов. Решение этой новой задачи, завещанной Чингисханом на смертном одре его преемникам, потребовало опять нескольких десятков лет и было закончено лишь во второй половине XIII века.

Завоевание Южного Китая сопровождалось одним эпизодом, который даже среди множества легендарных достижений монгольских войск в отношении преодоления естественных преград, заслуживает быть особо отмеченным. Этот эпизод и предшествовавшая ему обстановка по дошедшим до нас сведениям рисуется в следующем виде.

После долгих тщетных усилий по покорению Сунской державы, несмотря на все одержанные над ее войсками победы, Монгольский Великий хан Мёнкэ заключил с нею мир, который по существу являлся лишь временным перемирием. Монгольскими войсками в последнюю войну сначала с успехом предводительствовал брат хана Кубилай,

---

* Иванин М. И. Указ. соч. С. 103.

** Со смертью Мукали, последовавшей в 1223 г., в завоевании Северного Китая наступил некоторый застой и даже регресс.

проявивший при этом незаурядный полководческий талант, но подозрительный Мёнкэ, опасаясь растущей популярности брата, к концу войны заменил его не менее даровитым молодым воеводой Урянг-Кадаем (Уренгатай, Юран-Хадаго), сыном знаменитого Субедея-багатура*.

Наступившей передышкой монголы воспользовались для подготовки нового военного предприятия, которое должно было нанести окончательный удар династии, а вместе с нею и империи Сунов. Дело в том, что в азиатских войнах всегда играл большую роль захват в плен или уничтожение главы враждебного государства, так как, пока лицо это находилось на свободе, трудно было добиться покорности от населения, в массе обыкновенно лояльного в отношении своего законного монарха. Мы видели это еще на примере цзиньского императора, хотя и принадлежавшего к чужеземной династии; тем более обстоятельство это должно было получать значение в войне против Южно-Китайского государства, которое возглавлялось национальной династией. Для захвата сунского императора необходимо было, ведя главную операцию с севера, в то же время попытаться отрезать ему пути отступления на юг, для чего перебросить отряд достаточной силы в район южных границ враждебного государства.

Трудность этой операции при огромном расстоянии азиатского материка усугублялась тем, что она могла обещать успех лишь при условии полной скрытности движения для того, чтобы не возбуждать у противника преждевременных подозрений. Таким образом, маршрут отряда, предназначенного для этой цели, надлежало проложить вне пределов Сунской империи и притом по местам, сравнительно пустынным и малолюдным, для чего ему предстояло пересечь безводные пустыни Восточного Тибета и труднодоступные отроги могучего горного хребта Гималаев, двигаясь в среде малоизвестного и, несомненно, враждебного населения.

Этот кажущийся невероятным по трудности поход был совершен под начальством Урянг-Кадая, потребовав для своего исполнения несколько лет. Скрытность, помимо строгого соблюдения тайны в своей собственной среде, достигалась до поры до времени тем, что все встречное живое, что могло бы послужить "языком" для неприятеля, без жалости и без остатка уничтожалось. При преодолении пустынь и гор отряд нес огромные потери в людском и конском составах, но это не ослабляло железной энергии его вождя и самоотверженности младших начальников и простых воинов.

Отряд проходит через Восточный Тибет и через Юннань, вступает в пределы Индо-Китая, доходит до Ханоя, покоряет страну Тонкин, мстя за оскорбление своих послов, налагает дань на Аннамское царство..., но в результате непрерывных походов, боев, эпидемии и непривычной монголам жары отряд теряет за четыре года 4/5 своего первоначального состава, растаяв до цифры всего 20000 человек. Впрочем, со свойствен-

---

*Урянг-Кадай командовал 10-ю тьмами (100000), из которых после завоевания Китая через 7 лет вернулись только 2 тьмы ("Алтан—тобчи").

ным монголам уменьем пользоваться для своих надобностей местными элементами населения Урянг-Кадай перед вступлением в сунские пределы значительно усиливает свой отряд людьми из покоренных племен Индо-Китая, сохраняя за своими 20000 монголов значение надежного ядра этой импровизированной армии.

Однако рассчитывать на верный успех всего предприятия можно было только при поддержании связи с главными силами монгольской армии, с тем чтобы вторжение во вражеские пределы севера и юга было выполнено одновременно или, во всяком случае, согласованно. Каким способом было выполнено это условие за 650 лет до изобретения беспроволочного телеграфа, когда единственным средством сношения была посылка конных курьеров, — это представляется почти непостижимым для современного понимания.

Тем не менее это было сделано, и результат отвечал приложенным энергии и искусству: Сунская держава, атакованная одновременно двумя монгольскими армиями, идущими с севера и с юга навстречу одна другой, перестала существовать. В состав империи Кубилай-хана, преемника Мёнкэ, умершего в 1259 году еще до окончания сунской войны, входит весь Китай в его современных границах и значительная часть Индо-Китая. Дальнейшему распространению владычества монголов в направлении к экватору помешал только непривычный для кочевников тропический климат Юго-Восточной Азии.

После этого небольшого отступления от хронологического порядка повествования — отступления, которое мы считали необходимым сделать в интересах цельности темы и чтобы дать краткое понятие о наследии Чингис-хана в Азии, вернемся к нему самому, пока еще здравствующему и полному сил, размышляющему в своей столице Каракоруме об использовании опыта своего, только что законченного пятилетнего китайского похода.

Опыт этот был во всех отношениях плодотворен. Военное искусство монголов сделало большие успехи главным образом в смысле заимствования у противника идей о применении к военному делу техники. В следующих походах мы уже видим в монгольской армии наиболее совершенные из имевшихся в ту эпоху военных машин, и монголы не являются перед неприятельской фортификацией в таком беспомощном положении, в каком они часто оказывались перед китайскими крепостями. Кроме того, сам Чингис-хан и старшие вожди его армии, люди исключительно практического опыта, но в то же время в большинстве своем даровитые и любознательные, могли путем сопоставления данных своего конкретного опыта с выводами хорошо разработанной у китайцев их военными писателями Сун-дзы, У-дзы и Си-Ма теории военного искусства обобщить и привести в систему свои идеи о ведении войны и боя, создавая свою собственную, конечно, ненаписанную теорию стратегии и тактики.

Еще значительнее, быть может, чем в военной области, были приобретения монголов в отношении общей культуры и задач гражданского управления. После взятия в 1215 году Енкина Чингис-хану был предс-

тавлен взятый в плен знаменитый философ, поэт и астролог того времени Элюй-Чуцай, которого называли "совершеннейшим из людей". Он был потомком дома киданей, царствовавшего в Северном Китае до цзиньской (джурдженской) династии и ею свергнутой. Чингис-хан, приняв его, сказал:

— Дома Ляо и Цзинь всегда были во вражде, я отомстил за тебя.

— Отец мой, дед и я, — возразил Элюй-Чуцай, — были подданными цзиней; я был бы виноват в криводушии, если бы питал враждебные чувства к прежнему государю и отцу.

Благородство ответа и наружность Элюй-Чуцая понравились Чингисхану*. Свободный от национальных предрассудков, что особенно поражает в человеке его эпохи и его среды, Чингис-хан своим гениальным умом тотчас же постиг всю пользу, которую можно извлечь из этого чужеземца привлечением его высокой умственной культуры на службу государству. Не особенно доверяя способностям своих героев-сподвижников в области гражданского управления, он поручает это дело пленному философу. Элюй-Чуцай стал непременным советником по соответствующим вопросам у монгольского монарха, который ценил его за выдающийся ум и держал всегда в своей ставке. Элюй-Чуцаю приписывается следующее изречение, откровенно высказанное Чингисхану: "На коне можно завоевать мир, но править миром с коня нельзя".

Этот государственный муж организовал административную и финансовую части империи и сумел даже провести некоторые военные реформы, вероятно, из имеющих отношение к технической и военно-административным специальностям, по образцу китайской армии; Элюй-Чуцай оказывал также благотворное личное влияние на Чингис-хана, сумев приохотить его к работе мирного характера и умеряя иногда вспышки его необузданного темперамента природного кочевника без школы. Между прочим, по его докладу был учрежден государственный архив Монгольской империи.

Плодотворная работа китайского философа продолжалась и при первых преемниках Чингис-хана.

Вообще монгольские монархи не чуждались сношений с выдающимися иностранцами, а Чингис-хан нередко даже нарочно искал встреч с такими людьми с намерением использовать их знания и советы для своих государственных целей или собственного самообразования.

Так, услыхав однажды про знаменитого таосского монаха Чан-Чуна**, занимавшегося отысканием философского камня, он выписал его из Пекина в Среднюю Азию, где вел в то время войну с Хорезмшахом, и спросил у него "лекарство для вечной жизни".

— Небо отвергло Китай за его чрезмерную роскошь и гордость. Я же, обитая в северных степях, не имею в себе распутных наклонностей, люблю чистоту и строгость нравов, отвергаю роскошь и следую умерен-

---

* Иванин М. И. Указ. соч. С. 90; Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 112.

** Путешествие на запад таосского манаха Чан-Чуна. Вместо "даосский" пишем "таосский", как производное от "тао".

ности. У меня одно платье, одна пища, я в тех же тряпках и то же ем, что едят коровьи и конские пастухи... В семь лет я совершил великое дело — утвердил единодержавие во всех странах света... Ты, учитель, сроднился с истиной и шествуешь по правилам... Твоя святость прославилась и доблести проявились... Поэтому я прошу тебя подвигнуть святые твои стопы; не думай о дали песчаных степей, или пожалей о народе, или по милости ко мне сообщи мне средство сохранения жизни.

Чан-Чун ответил грозному повелителю, что средства для получения бессмертия не существует, но есть средство для продления жизни. На это Чингис-хан не рассердился, а поблагодарил за правдивость и чистосердечие.

IX. ПОХОД В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

Вернувшись из Китая, Чингис-хан должен был обратить внимание на ближайший к нему Запад, где, как было отмечено в предыдущей главе, у него оставался еще сильный враг Кушлук-хан, который коварством успел завладеть Кара-Китайской державой. Не были еще покорены некоторые народы к западу от Алтая, до реки Урала.

Как бы ни сложились дальнейшие отношения с могущественным государем мусульманской Средней Азии султаном Мухаммедом, называемым также Хорезм-шахом, который владел Туркестаном, Афганистаном и Персией, во всяком случае, должны были быть предварительно ликвидированы ближайшие враги, которые могли быть опасны для мирных сношений с мусульманской державой, а в случае войны — усилить собою врагов монгольской монархии.

Эту задачу он возлагает на своих лучших полководцев Субедея и Джебе, которые легко с нею справляются. Первый в 1216 году быстро покоряет земли между Алтаем и Уралом, причем племя меркитов, непримиримых врагов Чингис-хана, истребляется до последнего человека*; второй уничтожает империю узурпатора Кушлука, искусно использовав неудовольствие против него мусульманских подданных, преследуемых им за религиозные убеждения. Объявив полную веротерпимость, Джебе-нойон привлекает к монголам симпатии их, а также части чинов войска, обеспечивая себе таким путем военные успехи. Разбитый наголову и преследуемый по пятам монголами, Кушлук лишается царства и бесславно гибнет в дебрях Гиндукуша. Кара-Китайская держава, охватывающая Восточный Туркестан со столицей Кашгаром и часть Семиречья с некоторыми прилегающими землями, присоединяется к

* Эрдман Ф. Указ. соч. С. 332: По другим сведениям меркиты были истреблены раньше, а именно после поражения, нанесенного их вождю Тухта-беки, союзнику Кушлука. (С. 177).

империи Чингис-хана, которая таким образом приходит в непосредственное соприкосновение с обширными владениями Хорезм-шаха.

Последний еще во время китайского похода снарядил к монгольскому монарху посольство с официальной целью завязки мирных сношений, но, конечно, не без тайной миссии проверить дошедшие до Мухаммеда слухи о возрастающем могуществе Чингис-хана. Посольство это застало его уже по возвращении его из Енкина в Каракоруме, где и было весьма милостиво принято.

Чингис-хан поручил чинам посольства передать их государю, что считает его повелителем Запада, как признает себя владыкою Востока, и что он будет рад установлению между ними дружеских отношений и завязке торговых сношений между их народами.

В ответ на это посольство, с которым прибыли в Монголию и мусульманские купцы с товарами, Чингис-хан снарядил к Мухаммеду своих послов и многолюдный торговый караван. Послы должны были отвезти султану богатые подарки и передать предложение о взаимном обеспечении безопасности торговых сношений между обоими государствами. Послы Чингис-хана и сопровождавшие их купцы — преимущественно мусульмане — в 1218 году по пути в султанскую столицу прибыли в город Отрар, который по одним сведениям находился несколько севернее нынешнего Ташкента, а по другим — к северо-западу от него, на реке Сырдарье. Но здесь послов и торговцев ждал совсем не тот прием, на который они рассчитывали.

Наместник султана в Отраре, неизвестно, по тайным ли инструкциям своего повелителя или по собственному почину, снаряженный Чингисханом караван предал разграблению, личный же состав его, а также ханских послов приказал перебить. Возможно, что тайным мотивом этого варварского поступка был тот, что Мухаммед, не веря искренности Чингис-хана, задетый за живое тем, что в своем послании к султану Чингис-хан назвал его своим "любимым сыном", и убежденный в неминуемости разрыва, нарочно старался ускорить момент неизбежной развязки; подтверждением этому предположению может служить то, что, когда Чингис-хан в ярости за участь, постигшую его послов, личность которых у монголов почиталась неприкосновенной, снарядил к Хорезм-шаху второе посольство с требованием выдачи ему виновника избиения — отрарского наместника, — Мухаммед опять приказал умертвить главного посла, а спутников его выгнал от себя с поруганием.

Война стала неизбежной. Чингис-хан готовился к ней с особой тщательностью, так как вполне считался с военным могуществом своего нового противника, одна полевая армия которого, — правда, менее дисциплинированная и не столь прочно спаянная, как монгольская, была составлена преимущественно из контингентов воинственных турецких (тюркских) народов, обладала отличным вооружением и насчитывала в своих рядах 400000 большею частью конных воинов. Кроме всевозможных военных машин, в армии имелись и боевые слоны, род оружия, с которым монголам не приходилось иметь дела в предыдущие войны. Помимо таких внушительных полевых сил, империя Хорезм-шаха слави-

лась крепостью своих городов и искусством своих инженеров, а доступ извне к ее жизненным центрам был прикрыт труднопроходимыми естественными преградами — горными хребтами и безводными пустынями. С другой стороны, внутренняя спайка этого государства, только недавно расширившегося завоеваниями разноплеменного по составу населения и подтачиваемого непримиримой враждой между приверженцами различных мусульманских вероучений (суниты, шииты и множество фанатичных сект), далеко не была крепкой.

Для грандиозного предприятия покорения Средней Азии Чингис-хан к весне 1219 года собирает в верховьях Иртыша конную армию, численностью в 230000 человек. Хотя после покорения северных областей Цзиньской империи население Монгольской державы значительно возросло, повелитель ее не считает целесообразным увеличивать свою кочевую армию ненадежными в политическом отношении, маловоинственными и непривычными к естественным условиям западного театра войны элементами оседлого населения вновь завоеванных земель. Великий полководец слишком хорошо знает, что *качество важнее количества.* Поэтому китайцы (кидани, джурджени) входят в его армию лишь в небольшой пропорции, составляя ее технические войска, соединенные в особый корпус с общей численностью около 30000 человек, из коих китайцев и прочих чужеземцев собственно только 10000, а остальные из вполне надежных элементов.

Кроме этого корпуса, в котором все старшие командные должности замещены монголами, в составе монгольской армии имеются вспомогательные отряды, выставленные вассалами империи — в том числе и десятитысячный уйгурский корпус, который несколько месяцев спустя после начала кампании был отпущен домой и заменен отрядом туркмен такой же численности. Принимая этих мусульман на службу, Чингис-хан искусно использовал племенную и религиозную вражду среди подданного султану Мухаммеду населения.

Требование о выставлении вспомогательного контингента, обращенное, между прочим, к правителю Тангута, встретило отказ, а именно через посла Чингис-хана он передал своему суверену следующий дерзкий ответ: "Если у тебя не хватает войска, то не будь и царем". Не желая мелкими побочными операциями отвлекаться от своего главного предприятия, Чингис-хан оставляет пока этот вызов безнаказанным, предоставляя себе право отомстить его автору впоследствии.

Ядро армии и ее главную массу составляют по-прежнему несравненные ветераны-кочевники из монголов и слившихся с ними в военном братстве родственных племен. Около 20000 человек таких же войск имеется у Мукали в Китае и столько же у Джебе в Кара-Китае; небольшой отряд дан в распоряжение младшего брата Чингиса, оставленного на время войны его наместником в Монголии.

Несколько лет тому назад Мухаммед удачно воевал с Багдадским халифом из рода Абассидов, который в рассматриваемую эпоху представлял лишь тень былого могущества своих предков. Теснимый своим сильным соседом, халиф предлагал союз Чингис-хану, но последний,

рассчитывая тогда еще на установление с Хорезм-шахом мирных и торговых сношений, предложение халифа оставил без последствий. Хотя легкие успехи Мухаммеда над войсками халифа, а также его предыдущие военные предприятия придворными льстецами были раздуты как подвиги некоего нового Александра Македонского, однако, в действительности султан был совершенно лишен полководческого дарования; равным образом, несмотря на наличие в числе членов его семьи и начальников его войска значительного числа доблестных витязей, среди которых особенно выделяется его сын и наследник Джелал-ад-Дин, ни один из них не обладал данными для искусного водительства войск в бою и на войне. Таким образом, в этом отношении монголы в лице своего командного состава имели над противником неоспоримое преимущество.

Другим обстоятельством, которое должно было вредно отразиться на военных операциях Хорезм-шаха, была подозрительность его характера, под влиянием которой он опасался соединить свои войска в крупные массы во избежание восстаний. При этом условии он рисковал свои превосходные силы подставлять по частям под удар монголов, которые, как мы видели, всегда умело применяли на войне принцип держать свои силы сосредоточенными.

Наконец, не оказалось у бездарного мусульманского монарха и самых главных качеств, необходимых для того, чтобы в годину испытаний твердо держать в руках бразды правления государством и власть над войском: твердости воли и решимости.

Все эти обстоятельства, равно как и репутация веротерпимости монголов, только что подтвержденная образом действий Джебе-нойона в Кара-Китае, сослужили Чингис-хану немалую службу в борьбе с мусульманским властелином в Средней Азии — в борьбе, которая при всем том оказалась далеко не легкой, как будет видно дальше.

Армия Чингис-хана к предстоящему походу была вооружена и снаряжена лучше, чем когда-либо. Между прочим, на каждого всадника приходилось от 4-х до 5-ти заводных лошадей. В район сбора армии сгонялись огромные стада, часть которых должна была откормиться здесь в течение лета. Через отделяющие монгольское плоскогорье от среднеазиатских степей горные хребты Чингис-хан еще до формального разрыва с Мухаммедом перебросил свои щупальцы. Задача эта с одной стороны была выполнена на юге Джебе-нойоном; с другой стороны ее выполнял старший сын хана — Джучи, который, покорив племя киргизов после их восстания, к 1219 году проник с отрядом в Кипчакские степи. Работа этих щупальцев носила преимущественно мирный характер; под видом торговых сношений производилась тщательная разведка страны с ее населением, а также вооруженных сил будущего противника.

Составленный план кампании заключался в нападении на Мухаммеда главными силами с севера, обойдя озеро Балхаш с западной стороны; Джебе-нойону, который во время преследования Кушлука, давая волю предприимчивости и своему темпераменту игрока, надолго углубился в предгорья пограничных тибетских гор, где он покоряет хану новые

земли и набирает воинов для своего отряда, поручается производство энергичной диверсии с востока в Фергану для отвлечения на себя части сил противника.

Таким образом, главные силы и второстепенные операции разделены между собою мощным горным хребтом Тянь-Шаня и его продолжением на запад в пределы Туркестана, что должно представить затруднение для их согласования между собою. Главным силам предстояла задача пройти расстояние более двух тысяч верст через горные хребты и безводные пустыни (Голодная степь), имея в своем составе до 200000 человек и миллион лошадей, — задача совершенно неразрешимая для современных армий такой численности. Справедливо придавая крупное значение диверсии с востока, возложенной на Джебе, Чингис-хан усиливает его несколькими тысячами легкой конницы, которые отправляет к нему под начальством вернувшегося из Кипчака Джучи, доведя этим силы Джебе до 20000 человек. Эта небольшая армия глубокой зимой 1218—1219 гг. переходит Алтайский хребет по перевалам Кизиль-Арт и Терек-Даван высотою более 12000 футов над уровнем моря — подвиг неслыханной смелости, намного превосходящий по отваге переходы через Альпы Ганнибала и Бонапарта*. Несмотря на огромные расстояния между Джебе и ханской ставкой и разделяющие их исполинские преграды, связь между ними действует исправно — одна из загадок для современного поколения.

Главная армия выступает в поход весною 1219 года. Переход через пограничные горы по обледенелым перевалам представляет огромные трудности, которые преодолеваются благодаря дисциплине монгольского войска и выносливости его людского и конского состава. Но колонны растянулись при этом до крайности. Спустившись к озеру Балхаш, головы остановились, армия подтянулась, лошади подкормились. Восстановилась тесная связь между отдельными колоннами. Разведка двинута вперед. После некоторого отдыха армия выступила широким фронтом, направляясь к среднему течению Сырдарьи**.

Диверсия, произведенная наступлением Джебе и Джучи в Фергану, еще раньше, чем обнаружилось для противника наступление главной армии, оказала то действие, которое от нее ожидалось, т. е. отвлекла на себя значительную часть сил Мухаммеда. В то же время в происшедшем там сражении монголы, хотя и не одержали решительной победы и после боя по своему обыкновению бесследно исчезли, однако нанесли мусульманским войскам крупные потери и сбили с них спесь превосходства,

---

* Рэнк. Указ. соч. С. 19—20.

** Каждая из армий прокладывала себе дорогу через горные хребты, густые леса и реки. Так, таосский монах Чан-Чун описывает в своем путешествии в 1221 году к Чингис-хану в Среднюю Азию, что он ехал по дороге, проложенной армией 2-го царевича и переехал 48 мостов. Из этого можно заключить, что монголы через малые реки переправлялись мостами, а через большие реки, как Амударья, Урал, Волга, переплывали по монгольскому способу: на камышовых плотах и на надутых воздухом бараньих бурдюках (шкурах).

которым те кичились перед своим, презираемым дотоле противником. Сам Мухаммед растерялся и в панике поспешил на свой северный фронт для организации отпора, ввиду обнаруженного тем временем наступления главной Чингисовой армии. При этом он сделал ошибку, свойственную слабым духом полководцам, разбросав свои превосходные силы на широком фронте и по многочисленным укрепленным городам. Чингис-хан, получив донесение от Джучи, наступавшего через Коканд, одобрил его действия, послал ему в подкрепление еще пять тысяч человек и приказал преследовать Мухаммеда. Это преследование задержалось, однако, на несколько месяцев вследствие геройского сопротивления, оказанного попутною крепостью Ходжентом под начальством оставленного там Хорезм-шахом воеводою Тимура-Малика. Монголам пришлось здесь впервые применить свои тяжелые осадные орудия (в том числе и огнеметы), обслуживаемые цзиньскими артиллеристами.

Еще до осады Ходжента Джебе отделился от Джучи, уклоняясь на юг. Совершая невероятные по трудности марши через высочайшие горные хребты и Памирское плато, он появился в верховьях Амударьи, угрожая в случае продолжения наступления вниз по реке отрезать султана, поджидавшего Чингис-хана на Сырдарье, от его промежуточной амударьинской базы с ее главными опорными пунктами — Самаркандом и Бухарой. Это побудило Мухаммеда выделить туда значительные силы, еще более разбросав свою армию и ослабив оборону линии реки Сырдарьи, в долине которой он готовил решительное сражение Чингисхану.

Между тем последний, выделив часть своих сил для овладения городами Отраром и Ташкентом, сам с главными силами со свойственным монголам искусством бесследно исчезает из поля зрения и разведки противника, ловко обманывает султана, уклонившись вправо к низовьям Сырдарьи и переправившись там через реку, совершив кажущийся теперь невероятным переход с многочисленной армией через пустыню Кизиль-Кум, прикрывающую хивинский оазис с востока, он совершенно неожиданно появляется перед Бухарой, подойдя к этому крепкому оплоту султана с *запада.* По поводу этого маневра подполковник Рэнк высказывает следующее суждение:

"Мы не имеем подробностей, относящихся к необычайному маршу-маневру Чингис-хана через пустыню Кизиль-Кум, но факт налицо: в течение месяца армия численностью не менее пятидесяти тысяч человек с 60-ю с лишком тысяч лошадей проходит 600 километров по пустыне, считавшейся непроходимой. $6^1/2$ веков спустя русские, оперируя во время своего похода на Хиву... в том же районе, теряли лошадей тысячами. Операцию такого размаха и такой смелости мы снова встречаем в истории только 600 лет спустя; да и то операция Бонапарта 1800-го года, которая наиболее подходит к Сырдарьинской операции Чингисхана, уступает ей в отношении грандиозности преодоленных естественных преград"*.

---

* Рэнк. Указ. соч. С. 21—23.

"Этим маневром, — говорит Гарольд Лэм, — не только был обойден фланг Мухаммеда, но он отрезывается от своих южных армий, от своего сына* и ожидаемых с ним подкреплений, от богатых областей Хорасана и Персии"**.

"В то время, как Джебе наступал с востока, Чингис-хан шел с запада, и шах в своей ставке в Самарканде мог предвидеть, что челюсти отверстой пасти, в которой он очутился, вот-вот сомкнутся у него в тылу... Мухаммед-Воитель, прославленный своим народом как второй Александр, оказался грубо обманутым своим неприятелем. Монгольские отряды, предводимые сыновьями Чингис-хана и предававшие огню и мечу долину Сырдарьи, оказались не более как маской, предназначенной для сокрытия направления главного удара, наносимого армиями Джебе и самого Чингис-хана"***.

Ввиду таких перспектив Мухаммед бросает армию, которая ищет спасения за крепостными валами Самарканда, и бежит на юг под предлогом ускорения формирования собирающихся там ополчений. Тем временем крепость Бухара была позорно брошена своим гарнизоном под предлогом недостатка в ней запасов продовольствия для выдерживания продолжительной осады. Пользуясь лазейкой, оставленной ему в линии обложения и не подозревая в этом ловушки, поставленной ему монгольским командованием, очевидно, хорошо осведомленным о господствующих в городе и гарнизоне настроениях, последний темной ночью бесшумно выступает из крепости, вытягиваясь в походную колонну. Но этот акт трусости только ускоряет его гибель. На походе в чистом поле он подвергается внезапной атаке монголов и уничтожается почти до последнего человека.

После этого жители Бухары решили сдаться; только небольшой отряд, засевший в цитадели, продолжал оказывать сопротивление, которое, конечно, не могло быть продолжительно. Через несколько дней цитадель была взята. Богатый город подвергся разграблению и уничтожен пожаром.

Так пал этот крепкий оплот владычества Хорезм-шаха в Средней Азии, вполне оправдав на себе глубоко верное изречение Чингис-хана, что "сила крепостных стен никогда не бывает ни более и ни менее мужества их защитников"****.

То же самое подтвердилось и на примере другого, еще более крепкого оплота амударьинской линии — города Самарканда, который был укреплен по последнему слову науки и техники того времени. Гарнизон его представлял внушительную силу в 110000 воинов при 20-ти боевых слонах — силу, которая превосходила числом подошедшую к крепости монгольскую армию, состоявшую, по-видимому, из соединенных сил, приведенных Чингис-ханом из-под Бухары и подошедших с

---

* Сын султана был занят формированием новых сил на юге.

** Эти области являлись главной базой Мухаммеда.

*** Лэм Г. Указ. соч. С. 139.

**** Лэм Г. Указ. соч. С. 140.

востока под начальством Джебе. Но после первой же неудачной вылазки гарнизон пал духом. Огромные толпы пленных, находившиеся при монгольских войсках и употреблявшиеся ими для осадных работ, принимались защитниками крепости за неприятельские войска ("У страха глаза велики"), 30000 человек гарнизона еще до вылазки перешли на сторону монголов; они сначала были любезно приняты, но затем все перебиты как изменники своему государю. Таков был обычай Чингис-хана: он ни во что не ставил жизнь людей, не соответствовавших его идеальному типу, т. е. тому психологическому типу, из которого им составлялся правящий отбор лучших людей. Остальной гарнизон Самарканда и крепость сдались монголам на пятый день от начала осады.

Около этого времени мы уже видим в действиях монголов под крепостями широкое применение не только физического труда военнопленных и мобилизованных молодых мужчин из местного населения, но и использование их в качестве "пушечного мяса" при штурмах, как это практиковалось и в китайском походе. Этот способ позволял уменьшать до минимума потери своих собственных войск, а потому при всей его жестокости должен быть признан вполне целесообразным.

Покончив с Самаркандом и удостоверившись из полученных донесений, что вражеские оборонительные линии Сырдарьи* и Амударьи окончательно перешли в руки монголов, Чингис-хан для преследования Хорезм-шаха отправляет в апреле 1220 года отряд из трех тем (тюменей) под начальством Джебе, Субедея и своего зятя Тогучара (Тукаджара). Первая тьма составляла авангард отряда, вторая — его главные силы, третья — арьергард**. Данный этим орхонам приказ гласил:

"Силою Бога Великого, пока не возьмете его в руки, не возвращайтесь. Если он ослабеет от вас, с несколькими людьми будет искать убежища в крепких горах и мрачных пещерах или скроется от глаз людей, как пери (невидимые духи), то вы должны, подобно ветру летучему, устремиться через его области; всякому, кто выйдет с покорностью, окажите ласку, учреждайте управление и правителя; всякого, кто будет попирать дорогу и становиться в оппозицию, насилуйте..."

---

* В числе взятых городов сырдарьинской линии был и Отрар, в котором было перебито первое монгольское посольство. После продолжительной осады этот крепкий город пал под ударами Чингисовых сыновей Джагатая и Угедея, а взятый в плен шахов наместник Гаир-хан, главный виновник избиения послов, подвергнут лютой казни.

** Кому из этих трех лиц было вверено общее начальствование над отрядом — неизвестно. Вообще у Чингис-хана мы встречаем множество таких случаев назначения нескольких военачальников для выполнения одной и той же задачи, без указания их взаимных отношений. Надо полагать, что в подобных случаях начальствование и подчиненность участников определялись автоматически на основании какого-нибудь общего законоположения или обычая, оставшихся нам неизвестными.

Из ярлыка Чингис-хана, данного Субедею уйгурским письмом с алой "тамгой" (печатью), видно следующее: "Эмиры, старшие и многий народ да ведают, что я дал тебе все лицо земное от восхода солнца до запада. Всякий, кто покорится, пусть будет помилован, а всякий, кто не покорится и выйдет с оппозицией и распрей, да погибнет"*.

Таким образом, на названных трех воевод, кроме овладения особой Мухаммеда, возлагалась еще задача привести в покорность неприятельские области вдоль пути своего следования и, разумеется, внести расстройство в формирование противником новых армий.

Но султан ничего не успел или не сумел сделать в этом направлении, несмотря на богатые ресурсы своей империи; зато в заботах о своей личной безопасности он успел избежать поимки и плена, ловко сбил преследователей со своего следа тем, что неожиданно для них круто повернул в свои западные области, где и нашел на некоторое время укрытие.

Тогучар со своей тьмой вскоре после начала операции отделился от остальных двух орхонов и вслед за тем чуть не поплатился головой за то, что ослушался ханского приказа и подверг жестокой расправе население одного из городов, изъявивших покорность Джебе и Субедею. Успокоясь после первой вспышки гнева, Чингис-хан заменил ему смертную казнь разжалованием в рядовые**.

Впоследствии Тогучар был убит при осаде Нишапура. Как видно, Чингис-хан одинаково строго карал своих подчиненных как за оказание врагам неуместного милосердия, так и за бесцельную жестокость. Этот случай подтверждает не только строгость, но и справедливость Чингисхана, так как Тогучар был зятем его, женатым на дочери.

Джебе и Субедей, в течение трех недель тщетно искавшие Мухаммеда там, где его не было, наконец, снова нападают на его след и почти настигают его у Хамадана, но султану и на этот раз удается ускользнуть. Почти всеми покинутый и больной он спасается бегством на один из островов Каспийского моря, но здесь естественная смерть кладет предел тревогам последних месяцев его жизни.

Во время преследования Мухаммеда неутомимые Джебе и Субедей, имея всего 20000 всадников (с несколькими заводными конями у каждого), бессменно рыская за ним в течение многих месяцев, делая при этом 120-верстные переходы, без дневок, по десять-двенадцать дней подряд, успели побывать под стенами Мерва и Нишапура (Нишабур), нанести под Тегераном поражение 30-тысячному корпусу, разбить под Казвином еще одну персидскую армию, подошедшую на выручку своему монарху, и, толькоополучив достоверное известие о смерти Мухаммеда, они расположились со своим отрядом на отдых и на зимовку на берегах Аракса в Муганской степи.

Здесь по идее, данной Субедеем, они решили двинуться на север с тем, чтобы обойти Каспийское море и таким кружным путем вернуться

---

* Березин И. Н. Указ. соч.

* Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 169. — отрешением от командования.

к главной армии Чингис-хана. Последний, зимуя с армией в окрестностях Самарканда, дал свое согласие на этот набег. Выступая в новый поход, Джебе и Субедей усилили свой отряд несколькими тысячами курдов и туркмен.

Совершенный ими в последующий, менее чем в двухлетний срок набег или рейд принадлежит к числу замечательнейших военных предприятий этого рода. Не имея, разумеется, никаких карт тех стран, по которым им предстояло пройти, монгольские вожди через Тебриз, который изъявляет им покорность, и Диарбекир снова проникают в Закавказье, где выдерживают упорную борьбу с грузинами; в последней решительной битве с ними одерживают победу, благодаря применению одного из своих обычных тактических приемов. В данном случае прием этот состоял в том, что Джебе с 5-ю тысячами человек засел в засаду, а Субедей с остальными силами, обратившись в притворное бегство, наводит неприятеля на эту засаду, которая его внезапно атакует одновременно с перешедшим в наступление Субедеем. В этом бою грузин было перебито до 30000.

После победы над грузинами монгольский отряд углубляется в дебри Кавказского хребта, где среди непрестанных боев с горцами прокладывает себе путь через Дербентский проход и, наконец, дебуширует на равнины Северного Кавказа.

"Когда Джебе и Субедей вошли в долину низовий Терека, им противостали соединенные силы кипчаков, черкесов, лезгин и аланов. Видя невозможность сопротивляться этим массам, монголы подослали к кипчакам опытных искусителей и путем подкупа склонили их отделиться от остальных союзников, а затем порознь разбили и тех и других*. Таким способом Субедей и Джебе достигают привольных южно-русских степей.

Субедей во время похода ведет самую тщательную разведку с помощью имеющихся при отряде специалистов. О пройденных и о соседних странах собираются возможно точные статистические сведения. Вдоль пройденного пути устанавливаются почтовые станции для связи с главной ставкой. Разведка дает первые определенные сведения о Русском великом княжестве. Монгольские вожди не считают возможным вернуться к своему повелителю, не выяснив с точностью, чего можно ожидать в будущем от этой страны и населяющего ее народа. Поэтому они с Северного Кавказа сворачивают не на восток, согласно первоначальному предположению, а на запад, пересекают низовья Дона, наносят жестокое поражение кочующим в южно-русских степях половцам и гонят их перед собою, направляясь к нижнему течению Днепра.

Мимоходом они "заглядывают" в Крымский полуостров, где берут у генуэзцев штурмом крепость Судак и входят в сношение с напуганными местными представителями администрации и купечества генуэзской республики. В то же время они свою кружную и небезопасную

---

*Грум-Гржимайло Г. Е. Указ. соч.

коммуникационную линию через Кавказский перешеек, заменяют новой, проходящей через низовья Волги и недавно покоренные урало-каспийские степи в Туркестан; по этой линии налаживается с Чингисханом вполне удовлетворительная связь.

Тем временем русские князья, обеспокоенные появлением у южных границ государства нового, неведомого врага, о котором половцы с своим кн. Котяном, тестем русского князя Мстислава Галицкого, передают ужасы, собирают сильное ополчение, с которым и выступают против монголов, присоединив к себе оправившихся после поражения половцев. Когда русская рать совершает переправу через Днепр в районе острова Варягов, к князьям прибывает монгольское посольство в составе десяти человек с предложением дружбы и с просьбой не оказывать покровительства половцам, а напротив, в союзе с монголами отомстить этому всегдашнему своему врагу и отобрать у него все награбленное им у русского народа добро. Русские князья, вероятно, не поверив искренности монгольского предложения, допустили тяжкое нарушение международных обычаев: по их приказанию монгольские послы были перебиты. В то же время русская рать, достигшая силы до 80000 воинов, выступила монголам навстречу.

Монголы выслали второе посольство русским князьям, которое заявило: "Итак, вы, слушаясь половцев, умертвили наших послов и хотите битвы? Да будет! Мы вам не сделали зла. Бог един для всех народов: он нас рассудит!" На этот раз русские князья, удивленные великодушием монголов, отпустили послов, не изменив, однако, своего решения*.

Джебе и Субедей, ввиду такого превосходства сил у противника, прибегли к своему обычному приему: не принимая боя, они стали отступать в глубь степи на восток, завлекая неприятеля мнимыми мелкими успехами его оружия и побуждая его при преследовании растягиваться в глубину и разбрасывать свои войска. Достигнув таким образом в течение восьмидневного отступления некоторого равновесия сил, они, наконец, остановились на берегах р. Калки, сумев, вероятно, предварительно поколебать путем тайных переговоров верность половцев их союзу с русскими князьями. После такой подготовки они внезапно ударили на княжеские войска, и в происшедшем 31 мая 1223 года (по нашим летописям ошибочно — 1224 года) бою русские, благодаря превосходству монгольской тактики, а также происшедшей во время боя измене половцев, понесли, как известно, тягчайшее поражение. Арабский писатель Ибн-аль-Асир повествует, что спаслась лишь десятая часть русского ополчения, на поле сражения легли 6 князей и 70 бояр.

По поводу этого исторического события доктор С. А. Федоров сообщает следующие любопытные сведения:

"В битве... на стороне монгол... сражались обитатели Подонья — бродники, из которых образовалось потом Донское казачество. Монго-

---

* По Карамзину.

лы, как всегда, умело использовали недовольство между ними и русскими князьями, подчиняться которым не хотели предки донцов, тем более, что связь между ними была очень слаба. Кроме того, монголы объявили по прибытии на юг России невмешательство во внутренние их дела и полную веротерпимость, а в то время в Европе господствовал принцип: cuius regio, eius religio: (чья власть, того и вера). Кроме жителей Подонья, с монголами были и аланы (дагестанцы); всего в войске было 20000 своих и 5000 чужих против 80000 русских. Битва на Калке не входила в задачу этого кавалерийского рейда монгол, они были к тому спровоцированы (умерщвлением их послов)... Несмотря на тройной количественный перевес*, русские войска были разбиты преимуществом монгольского искусства, дисциплины монгольских войск; это, видимо, сразу увидели предки донцов, знатоков у себя военного дела, и решили перейти на сторону монгол, несмотря на их громадное меньшинство"**

Разбитого противника монголы, вопреки своему обычаю, преследовали лишь на короткое расстояние. Считая свою задачу на юге России выполненной и обстановку достаточно разъясненной, а также в силу поступившего из ханской ставки приказа, Джебе и Субедей приступают к обратному движению в Среднюю Азию в обход с севера Каспийского моря — кружным путем через земли Камских болгар, переплыв Идиль (Волгу) и Чжаяк (Яик-Урал). Рашид-ад-Дин приводит следующий перечень народов, покоренных Джебе-нойоном и Субедей-багатуром монгольскому оружию: кипчак (тюркские народы), у-рус***, черкес, асы (аланы), маджала (маджар), келар, пула (болгары), башкурт, ибир, сибир****. "Сокровенное сказание" добавляет, что монголы тогда доходили до Кивямян (Киева) и Кермен***** (Черкассы).

Не подлежит никакому сомнению, что описанный рейд мог быть приведен к благополучному окончанию только при условии исключительной выносливости и дисциплине монгольских войск, а также уверенности их в своей необходимости и их слепой преданности своим вождям. Этот поход способствовал установлению новых международных сношений. Через Таврический полуостров монголы вошли в контакт с генуэзцами, а также с соперниками последних — венецианцами.

Пока происходил набег в Южную Россию, в главной армии Чингисхана военные события развивались в намеченном духе постепенного покорения обширных владений Хорезм-шаха с севера на юг. В то же время монгольский император принимал меры для восстановления мирной жизни в завоеванных краях. Осенью 1220 года он подошел с армией к Тармизу (Термез), который и взял штурмом. Подготовка к

---

* Собственно на поле сражения русские такого перевеса, вероятно, не имели, так как при предыдущем преследовании монголов разбросались.

** Вольное казачество. № 11// Донцы в наследии Чингис-хана.

*** Русский.

**** Березин И. И. Указ. соч.

***** Черкассы — Новочеркасск и теперь по-калмыцки называется Кермен.

этому штурму была произведена методически с помощью катапульт, под прикрытием снарядов которых штурмующие колонны подведены к крепостным стенам. Катапультами же было произведено предварительно засыпание рва земляными мешками. (В других случаях при отсутствии или недостатке катапульт эта опасная операция производилась руками пленных).

Зиму 1220—1221 г. Чингис-хан провел на удобной для зимовки армии местности к югу от Самарканда, откуда еще поздней осенью отправил сильный отряд под начальством трех царевичей и Богурчи-нойона для овладения цветущим Хорезмским (ныне Хивинским) оазисом, чтобы не оставлять у себя на фланге эту удобную для вражеских предприятий базу... После продолжительной осады г. Хорезм (Гургандж, ныне Ургенч) был взят. Во время осады его монголы с целью затопления города произвели огромные работы для отвода Амударьи в другое русло. Затопление не удалось, но географическая карта бассейна нижней Амударьи понесла изменения, которые впоследствии ставили в тупик ученых географов. Взятие Хорезма, как и других городов, попавших в руки монголов после сильного сопротивления, сопровождалось страшным кровопролитием.

Во время осады Хорезма отношения между старшими сыновьями Чингис-хана — Джучи и Чагатаем — настолько обострились, что грозили перейти в открытую борьбу, разумеется с крайним ущербом для успеха порученного им дела и для поддержания дисциплины в войсках осадного корпуса. Узнав об этом, Чингис-хан назначил своего третьего сына Угедея главным начальником осады, подчинив ему старших братьев, к крайнему неудовольствию последних. Тем не менее обладавший большим умом и тонким тактом Угедей сумел помирить братьев между собою, успокоить их самолюбие и восстановить дисциплину. После этого Хорезм был взят штурмом.

Переправившись весною 1221 года через Амударью, Чингис-хан занял Балх и подошел к Талькану: царевич Тулуй послан на Хорасан для завоевания этой области.

Несмотря на все одержанные до тех пор успехи, монгольский самодержец отлично сознавал, что борьба еще далеко не окончена. Даже смерть Мухаммеда делу не помогла, так как заместивший его сын Джелал-ад-Дин оказался обладающим энергией и решительностью в гораздо большей степени, чем покойный султан. Мусульманский мир, считая Чингис-хана бичом Божьим и исчадием ада, деятельно вооружался против него и мог выставить еще многие сотни тысяч воинов, в то время как монгольская армия сильно таяла от неизбежных потерь на войне. Лучшие из орхонов отсутствовали: Джебе и Субедей — в дальнем набеге, Мукали — в Китае, Тилик и Тогучар убиты в сражениях. Чингис-хан чувствовал потребность в советах своего любимца Субедея и послал ему приказ о прибытии в ставку. Субедей явился в Балх и, проведя несколько дней с ханом, вернулся к своему отряду, проскакав в общей сложности несколько тысяч верст.

Против Джелал-ад-Дина, формировавшего армию в Газни (в Афга-

нистане), Чингис-хан отрядил своего приемного брата воеводу Шиги-Кутуку, но он потерпел от своего храброго противника у г. Бамиана поражение, явившееся первой крупной неудачей монголов в эту войну. Шиги-Кутуку с остатками своего отряда возвратился к своему повелителю, который с полным спокойствием принял известие о поражении, ничем не выразив своего неудовольствия побежденному вождю. По этому поводу он высказал лишь следующую глубокую истину:

"Шиги-Кутуку знал только победы, поэтому ему полезно испытать горечь поражения, чтобы тем горячее стремиться в будущем к победе".

Впоследствии, проезжая вместе с Шиги-Кутуку по полю неудачного для монголов боя и расспросив его о подробностях дела, он указал ему на ошибку в его распоряжениях, сводившуюся к неправильной оценке местности, которая была кочковатая, мешавшая маневрам конницы в бою.

В своем неудачном сражении с Джелал-ад-Дином Шиги-Кутуку уступал ему числом войск более чем вдвое (30 тысяч против 70-ти). Интересен употребленный им прием для введения противника в заблуждение относительно силы своего отряда. Он приказал наделать из соломы чучел, одеть их в запасную одежду и привязать в виде всадников на спины заводных лошадей. Окружавшие Джелал-ад-Дина военачальники чуть было не поддались этому обману и советовали молодому султану отступить, но он не внял этим советам и одержал победу.

Чингис-хан, который во время неудачной операции Шиги-Кутуку был связан осадой Талькана, вскоре после Бамианского боя овладел крепким городом и мог сам с главными силами выступить против Джелал-ад-Дина; тыл его обеспечивался отрядом Тулуя и в Хорасане. На берегах Инда произошел в 1221 году решительный бой, в котором мусульмане, несмотря на чудеса храбрости, оказанные их султаном, и на численное превосходство, понесли тяжелое поражение, сломившее вконец их способность к сопротивлению.

Этой победой монголы были обязаны искусной стратегии Чингисхана. Одна из его колонн была еще издалека направлена в обход левого фланга Джелал-ад-Дина и притом по такой гористой местности, которую противник считал непроходимой. При прохождении ее монголами многие из них действительно погибли в диких горных ущельях и глубоких пропастях, но задача была выполнена, и в исходе сражения не могло быть сомнения. Тем не менее мусульманские войска продолжали оказывать на фронте отчаянное сопротивление. Чтобы окончательно сломить его, Чингис-хану, лично руководившему боем, пришлось в решительный момент бросить в сечу свою отборную "тысячу багатуров", которая и решила победу. Джелал-ад-Дину, который сам с группой уцелевших храбрецов, в том числе и знаменитым героем Ходжента — Тимур-Маликом, прикрывая отход своих войск за Инд, не оставалось другого выхода, как броситься в реку для переправы вплавь, что ему и удалось. Чингис-хан, который ценил и уважал доблесть и в своих врагах, тут же указал своим сыновьям на молодого султана, как на достойный подражания образец.

К этому же времени было покончено и с Хорасаном, где Тулуй в короткое время овладел тремя вражескими твердынями: Мервом, Нишапуром и Гератом.

Как раз в это время, когда Чингис-хан закончил успешно войну, прогнав Джелал-ад-Дина в Индию, приехал к нему в походную ставку из Шандуна (на берегу Желтого моря) через Пекин и Монголию за 10000 ли* приглашенный ханом знаменитый таосский монах престарелый Чан-Чун с целой свитой своих учеников, последователей учения "тао", занимавшихся, между прочим, "алхимией" и "отыскиванием философского камня". Чингис-хан его тогда спросил, есть ли средство для бессмертия. Монах ответил, что такого средства нет, а есть средства и способы для продления жизни. Чингис-хан не имел гордыни других завоевателей, он в походной обстановке возил с собой ученого мужа и вечерами через переводчика брал советы для духовного совершенствования вместе с некоторыми своими сподвижниками и, не будучи грамотным, велел своим секретарям записывать советы учителя, который, возможно, в душе лелеял мысль о распространении своего учения тао через Чингис-хана, повелителя столь обширной империи.**

Чтобы дать понятие об осадных средствах монголов, приводим следующие, заимствованные у М. И. Иванина цифры, показывающие количество машин, введенных ими в дело при осаде Нишапура: 3000 баллист (машины для прицельного действия) метали преимущественно большие стрелы, 300 катапульт (машины навесного действия), 700 машин для метания горшков с зажженной нефтью. Для штурма было заготовлено 4000 лестниц и 2500 вьюков камня (для засыпки крепостного рва).***

Почти каждый город приходилось брать после отчаянного сопротивления, почему все эти победы монголов сопровождались избиениями людей десятками и сотнями тысяч, т. е. в масштабе, приближающемся к гекатомбам последней европейской войны. Такова была система Чингис-хана.

"Я запрещаю вам,— объявил он своим воеводам,— выказывать милосердие к моим врагам без особого на то с моей стороны распоряжения. Только суровость удерживает таких людей в повиновении. Когда враг завоеван, это еще не значит, что покорен и будет всегда ненавидеть своего нового властелина". Он не прибегал к таким жестоким мерам ни в степях Монголии, ни в такой крайней степени в Китае. Здесь, в мире ислама, он показал себя истинным бичом. Он жестоко упрекал Тулуя за пощаду, данную населению Герата, за исключением перебитых 10000 приверженцев султана Джелал-ад-Дина. И в самом деле Герат впоследствии восстал против монгольского ига, умертвив поставленного ханом губернатора.****

---

* Ли — 1/2 версты.

** Путешествие таосского монаха Чан-Чуна на Запад.

*** Иванин М. И. Указ. соч. С. 71.

**** Лэм Г. Указ. соч. С. 167.

Говоря о жестокости монголов, европейцам следовало бы постараться понять их психологию, так как понятие "жестокость" в Европе и Азии имеет, по-видимому, разное значение. Так, монголу кажется бессмысленной и ненужной жестокость в Европе, выражавшаяся в форме костров инквизиции и крестовых походов, потому что монголы — приверженцы абсолютной свободы совести. На воинственность характера народа влияет род его повседневных занятий. Из монгола-охотника только и мог создаться монгол-завоеватель. С малых лет занимаясь охотой на зверя с луком и борзыми и на птиц с соколами, он развил в себе страсть к ней, приучил себя к преодолению препятствий, к достижению цели путем выдержки и знания природы. Чем больше он на охоте убьет крупных зверей, тем больше у него проявляется радость победы; эта радость по поводу своей победы над зверем у монгола-охотника у монгола-воина переходит в торжество при виде победы над врагом-человеком. Раз вкусивши эту сладость победы, монгол-охотник или монгол-воин всеми фибрами своей души, всем напряжением своих упругих мускулов стремится к большим победам, к большим радостям.*

Как его борзые, впервые вкусившие крови травленного ими зверя, становятся злобными на зверя, без чего не могут считаться хорошо натасканными для охоты, так у монгола как природного воина с девственными, ничем не прикрытыми чувствами есть злобность, которая при победе требует удовлетворения, без чего нет стимула, нет пафоса победы. Чингис-хан как сын своего народа с этой точки зрения понятен, и его жестокость простительна тем более, что она, как видно из вышеприведенных слов его, входила у него в систему ведения войны. Мы видим у него неистовую волю к победе и жизни. Для него на первом плане — сила, следовательно — военное дело.

Для характеристики его может служить следующий дошедший до нас разговор, который он вел со своими сподвижниками. Однажды он спросил Богурчи-нойона, в чем тот видит высшее наслаждение человека. Богурчи ответил, что высшим удовольствием он считает охоту, когда можно ехать весною верхом на хорошем коне, держа на руке ловчего сокола. Чингис спросил затем Борогула и других полководцев: все они дали ответы, приблизительно схожие с ответом Богурчи.

— Нет,— сказал тогда Чингис-хан,— наслаждение и блаженство человека состоит в том, чтобы подавить возмутившегося, победить врага, вырвать его с корнем, гнать побежденных перед собой, отнять у них то, чем они владели, видеть в слезах лица тех, которые им дороги, ездить на их приятно идущих жирных конях, сжимать в объятиях их дочерей и жен...

Эти знаменательные слова показывают, что привлекало к жизни

---

* Вот почему у монголов после победы всегда бывает общий пир. Так, например, на берегу р. Кубани и по сие время находится исторический "Курган победы" калмыков над кубанскими татарами. Курган был насыпан над телами павших в бою. Рядом же справлялся пир — пир победы.

Чингис-хана. Его больше удовлетворяли результаты победы; его манят не удалые забавы, "потехи богатырские", не слава, даже не власть, а обладание плодами победы над врагами, когда удовлетворяется жажда мести и обретаются новые блага жизни. Чингис-хан является перед нами воплощенным идеалом степного воителя с его хищническими, практическими инстинктами,* которые своей огромной силой воли он умел сдерживать и которыми он умел управлять, чтобы добиться высших результатов, в чем нас убеждает много случаев из его жизни. При этом он вовсе не практиковал жестокость ради жестокости и в приказах запрещал бесцельные избиения мирного населения. За нарушение этого приказа во время войны в Персии один из лучших его воевод Тогучар подвергся, как выше упоминалось, строгому наказанию. Население добровольно сдававшихся городов обыкновенно щадилось и только облагалось умеренной данью. Крупные контрибуции взыскивались лишь с богачей. Духовенство освобождалось от каких бы то ни было налогов и натуральных повинностей. Напротив, население городов, оказывавших монголам сопротивление, обыкновенно избивалось поголовно, за исключением женщин и детей, а также художников, ремесленников и вообще людей, обладавших техническими познаниями, которые могли быть полезны монголькому войску.

"Трудно представить себе,— пишет арабский историк Ибн-аль-Асир,— тот панический ужас, который овладел тогда всеми сердцами. Рассказывают, что однажды один монгол ворвался в большое селение и стал избивать жителей его, не встречая ни в ком попытки к сопротивлению; в другой раз безоружный монгол приказал своему пленнику лечь на землю, пока он не принесет свое оружие, и тот повиновался этому приказанию, хотя знал, что оружие понадобилось монголу лишь для того, чтобы отсечь ему голову".**

Таким террором Чингис-хан создавал возможность, расходуя лишь ничтожные силы, удерживать в повиновении миллионы покоренного населения, а также подготовлял психологическую почву для дальнейших завоеваний и будущих войн. "Как перед лесным пожаром бежит впереди удушающий дым, так и перед наступающей монгольской конницей далеко вперед стелется удушающий, обессиливающий страх, дававший всегда плодотворные результаты."***

Равным образом террор, как мы видели со слов самого Чингис-хана, применялся с беспощадной строгостью к населению восставших городов и областей в тыловой зоне, так как без этого нельзя было бы обеспечить спокойствие в тылу армии, слишком малочисленной для выделения крупных гарнизонов в завоеванные города. Такой образ действия вызывался "военной необходимостью", которую европейцы, производя разрушения и практикуя жестокости в еще более грандиозных размерах, чем Чингис-хан, не располагающий совершенными ору-

---

* Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 166.

** Грум-Гржимайло Г. Е. Указ. соч.

*** Иванов Вс. Указ. соч.

диями разрушения и уничтожения, почему-то склонны считать своей монополией, отказывая другим в праве пользоваться ею на равных с ними началах.

В оценке приписываемых Чингис-хану и монголам жестокостей необходимо принимать во внимание еще два существенных обстоятельства. Первое — это то, что он жил не в XIX и не в XX веке, а в XII и XIII. Поэтому судить о нем надлежит по масштабу его эпохи, которая, равно как последующие за ней столетия, не была идиллическим веком человечества: об этом свидетельствуют такие исторические факты, как поголовное истребление населения города Льежа (Лютиха) Карлом Смелым, чудовищная расправа Ивана Грозного с Новгородом и ужасы 30-летней войны, превратившей Среднюю Европу в пустыню. Второе обстоятельство, которое невольно заставляет относиться с сомнением к колоссальным цифрам приписываемых Чингис-хану человеческих жертв (полмиллиона, даже миллион для одного места), это то, что историки Чингисхана, которые их приводят, принадлежали к покоренным им и пострадавшим от него народам. Цифры эти, несомненно, сильно преувеличены. Но и то, что остается от них, если уменьшить их вдвое, втрое, вчетверо, все-таки весьма внушительно и должно быть отнесено, помимо вышеупомянутой "военной необходимости", к тому пренебрежению, с которым монгольский завоеватель относился к человеческой жизни вообще, а в частности, к жизни городских людей, в большинстве причислявшихся им к "первому психологическому типу".

Способ управления террором впредь до успокоения поднятых войной народных страстей был не только дешевым (в смысле экономии своих людей), но и единственно возможным при том огромном перевесе в числе, который имели покоренные над завоевателями. Террор был в то время общепринятым средством управления и единственно понятным для тогдашних народов. Что система не вполне чужда и нравам "просвещенной" Европы, видно из того, что не далее как десять-четырнадцать лет тому назад она практиковалась немцами в оккупированной Бельгии, австро-болгаро-германцами — в Сербии и Румынии, большевиками во время гражданской войны. Например, в Сербии в период оккупации ее с 1915 по 1918 год мы видим систему продовольствия армии на счет населения оккупированных областей, взимание контрибуции и заложников, бессудные расстрелы и т. п.

Но зато, может быть, скажут нам, что европейцы не предавались таким грабежам, как монголы. Так ли это? Всем еще памятно обвинение, которое навлекли на себя немецкие войска, нередко в лице своих довольно высокопоставленных представителей, в присвоении частного имущества в оккупированных областях Бельгии, Франции и Сербии. То же самое, несомненно, произошло бы, если бы во время войны французы заняли часть германской территории. Что "культурные" европейцы не отстают в этом отношении от азиатских "варваров", можно судить по следующим, зафиксированным историей эпизодам:

В 1858 году англичане и французы нашли пустяковый предлог и затеяли войну с Китаем. По Тяньцзиньскому мирному договору европей-

цам было торжественно предоставлено право распространения христианства через миссионеров и ввоза опиума — этого сильнейшего яда для организма. Кроме того, § 7-й этого договора воспрещал китайцам называть европейских капиталистов тем, чем были они, — "варварами".*

Тогда в Китае бушевало восстание тайпингов, которое подавляли англо-французские войска. Последние, чтобы доказать всему миру, что они не варвары, сожгли 200 буддийских храмов и замков. Хороший пример показал осенью 1860 года ген. Кузэн, разграбив императорский Летний дворец близ Пекина. Лорд Эльджин, желая затмить славу этого французского генерала, приказал сжечь этот дворец, который Расселем по художественной ценности ставится рядом с собором Св. Марка в Венеции. Тогда китайцы поняли, кто такие носители европейской "общечеловеческой" культуры".

Сорок лет спустя, во время так называемой Боксерской войны 1900 года они удостоверились в этом окончательно по тем грандиозным грабежам и бесчинствам, которые производились в Печилийской провинции регулярными экспедиционными отрядами, принадлежавшими почти ко всем европейским национальностям.

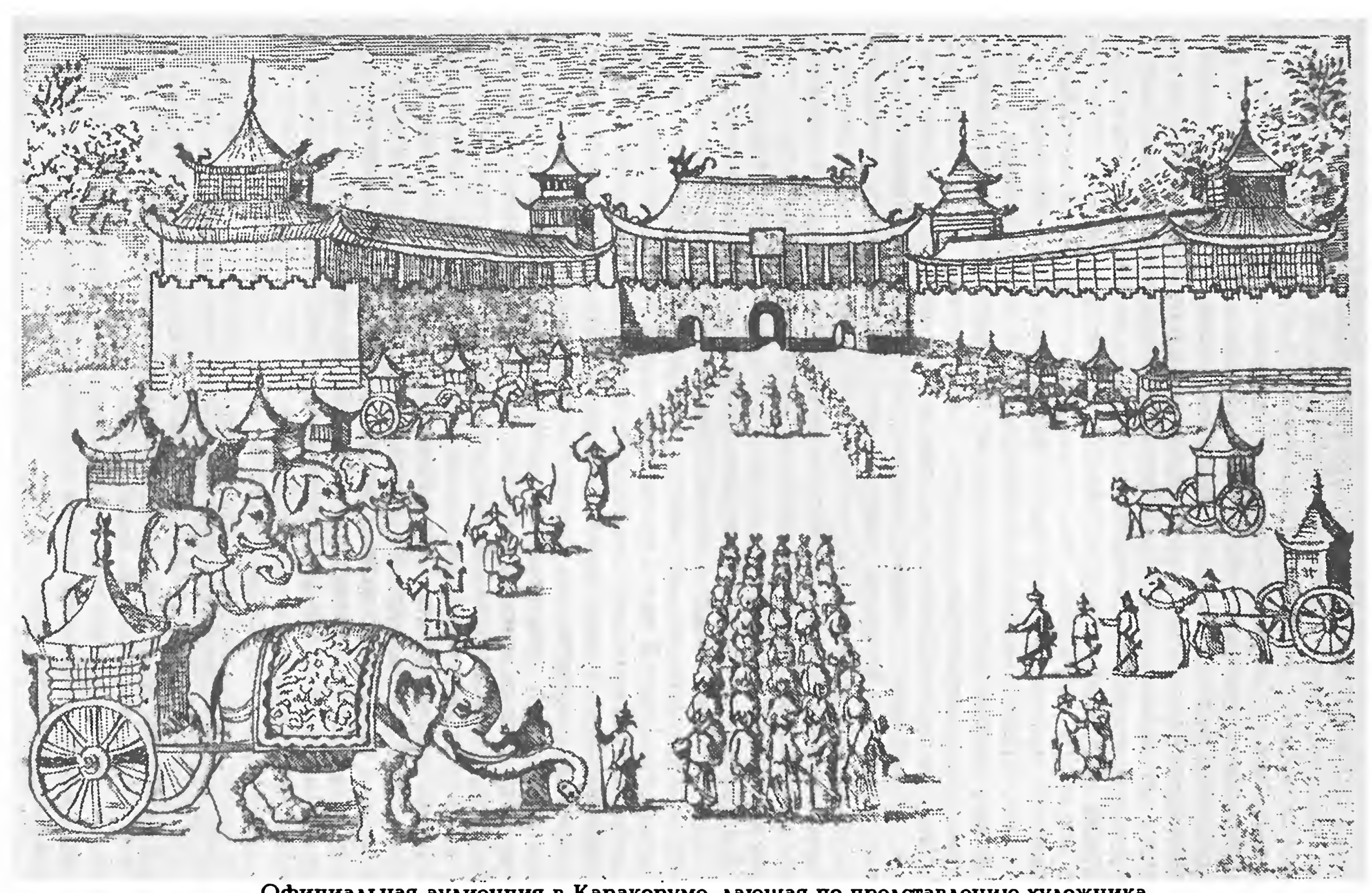
Победой, одержанной над Джелал-ад-Дином на р. Инд, завершилось в главных чертах покорение обширной среднеазиатской мусульманской империи, а так как Чингис-хан, всегда осторожный в своих военных предприятиях, отлично понимал, что для завоевания Индии, куда бежал султан, еще не наступило время, то ему оставалось только по принятии мер для закрепления за собой завоеванной территории вернуться с большею частью армии в Монголию. Во время этого триумфального возвращения на родину были еще попутно покорены некоторые, лежавшие в стороне горные крепости Северного Афганистана. Лето 1222 г. Чингис-хан провел с армией в прохладных местах в горном районе Гиндукуша, в следующую зиму он стоял под Самаркандом, а весна 1223 г. застала его на берегах реки Чирчик, близ Ташкента.

В том же году состоялся на берегах Сырдарьи созванный монгольским самодержцем большой Курултай из вельмож и сановников империи. На этом торжественном и многолюдном собрании правящего отбора лучших "второго психологического типа" людей Чингис-хан восседал на Мухаммедовом золотом троне, доставленном из Самарканда. На Курултай прибыл и Субедей, возвратившийся из южно-русских степей со своим отрядом. Летописец рассказывает, что Чингис-хан был так заинтересован его докладом о совершенном набеге, что выслушивал его ежедневно в течение нескольких часов, решив тогда же завещать своим наследникам задачу покорения Европы. Отныне Чингис-хан чувствовал себя повелителем 5-ти цветов народов, говорящих на 720-ти разных языках, населяющих мир (Замба тюбе).**

---

* Шюллер. Очерк новейшей истории Китая. С. 173.

** Алтан-тобчи.

Официальная аудиенция в Каракоруме, дающая по представлению художника XVII века понятие о монгольских палаточных повозках.

В свою столицу Каракорум* Чингис-хан прибыл только в 1225 г. Он был на вершине своей славы. Когда-то бедный и всеми покинутый Темучин стоял теперь во главе организованной и огромной империи, ему беспрекословно повиновалось верное и прославленное победами войско, он имел сподвижников — талантливых полководцев, которые не были раболепными царедворцами и не боялись говорить ему правду в глаза. Завоевание мусульманской Азии открыло новые пути между Востоком и Западом: ядро Монгольской империи лежало в узле этих путей. Линии летучей почты, созданные военными потребностями, обращались в пути культурных сношений между нациями в мирное время.

Не подлежит сомнению, что такие гигантские результаты были достижением полководческого гения Чингис-хана. Его действия в первый период Среднеазиатской войны (до бегства Мухаммеда из-под Самарканда) не требуют комментариев; не надо быть специалистом, чтобы дать им надлежащую оценку с точки зрения теории военного искусства. Менее понятными представляются операции монгольских войск во второй период войны: подчас кажется, что верховный вождь их грешил слишком большой разброской своих сил. Но если хорошо вдуматься в стратегическую обстановку этого периода, то окажется, что и в данном случае деятельность Чингис-хана, строго соответствовавшая этой обстановке, должна быть признана безукоризненной.

Дело в том, что регулярные силы противника уничтожены, но он занят формированием новых, которые собираются в нескольких пунктах.** Эти очаги необходимо ликвидировать flagrante delicto; отсюда вытекает необходимость действий не сосредоточенными силами, а отдельными отрядами. В то же время надо лишить неприятеля опорных точек для развития его вооруженных сил: это положение имеет следствием многочисленные осады крепких городов. Наконец, важно не дать вражеской силе нарасти около главы государства; почему в погоню за бежавшим султаном направляются двое из наиболее талантливых и наиболее энергичных вождей, которые, хотя и не настигают венценосного беглеца, но своей погоней доводят его до естественного конца.

В многочисленных осадах, которые ведут монгольские войска, они могли бы быстро растратить свою драгоценную живую силу, источники пополнения которой находятся в расстоянии нескольких тысяч верст от театра войны, если бы их полководец не дошел до гениальной (хотя и жестокой) идеи брать крепости руками побежденных.

Все это с очевидностью указывает на несравненный военный гений Чингис-хана.

---

* Каракорум был основан Чингис-ханом в 1220 г., а закончен при Угедее в 1234 г. Его посетил Плано Карпини в 1246 г., В. Рубрук в 1254 г., и Марко Поло в 1275 г. В настоящее время на его развалинах стоит старейший буддийский монастырь Эрдни-цзу. (Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия).

** Положение, аналогичное тому, которое создалось в Франко-прусскую войну 1870—1871 гг. после обложения Меца и пленения немцами в Седане последней французской регулярной армии.

X. ВТОРОЙ ПОХОД НА ТАНГУТ И СМЕРТЬ ЧИНГИС-ХАНА

Оставался у Чингис-хана еще враг — его данник, тангутский царь, несколько лет тому назад отказавший в посылке вспомогательного корпуса против Хорезм-шаха. Этого вероломства старый хан, конечно, не забыл, тем более, что с того дня ему ежедневно по установленному им церемониалу докладывалось перед обедом и ужином, что Тангутское царство еще не перестало существовать,* что как нельзя лучше характеризует свойственное ему упорство в преследовании намеченных целей.

После непродолжительного отдыха среди своего народа и в семье своей главной жены Борте неутомимый монгольский каган в конце 1225 г. выступает в новый поход для наказания непокорного вассала. Конечно, не одно только упрямство и не простая жажда мести руководили им в этом новом военном предприятии. Чингис-хан умел в случае надобности сдерживать свои личные порывы и был слишком тонким политиком, чтобы основывать на них одних дела государственного значения. Он отлично понимал, что без окончательного подчинения Тангута нельзя рассчитывать на прочные успехи в деле покорения китайских государств Цзинь и Сун, особенно последнего, так как враждебное тангутское войско всегда могло явиться угрозой для фланга и тыла оперирующих на китайской равнине монгольских армий.

Во время приготовления к этому походу Чингис-хан, рассчитывая воспользоваться богатыми средствами завоеванных цзиньских областей, особенно хлебом и тканями, был удивлен, когда ему доложили, что ничего этого в запасах не имеется. По этому поводу старшие военачальники представили, что ввиду отсутствия пользы для государства от оседлого китайского населения его следовало бы поголовно истребить и его земли обратить в пастбища для кочевников. Против этого восстал Елюй-Чуцай, объяснив все выгоды, которые можно извлечь из трудолюбивого оседлого населения при умелом обложении его прямыми и косвенными налогами, и представив тут же краткий проект такого обложения. Чингис-хан согласился с ним и поручил привести проект в исполнение.

В феврале 1226 г. Чингис-хан вступил на тангутскую землю, предав ее огню и мечу. Поход увенчался полным успехом. Тангутский царь был разбит в поле, столица его Нин-ся осаждена. Открывалась возможность, продолжая осаду одной частью войска, другою — вторгнуться с востока в земли, еще оставшиеся под властью цзиньского императора и, таким образом, дать энергичный толчок затянувшейся после смерти Мукали китайской кампании. Это и была, вероятно, одна из причин, почему престарелый монгольский монарх принял лично начальство над назначенной в тангутскую экспедицию армией и почему эта последняя была

---

* Летопись Юань-чао-би-ши. С. 152 по Грум-Гржимайло ("Сокровенное сказание").

доведена до внушительной цифры 130000 человек. Однако смерть положила предел дальнейшим начинаниям Чингис-хана.

Еще зимой 1226—1227 г. на облавной охоте на диких лошадей он упал с коня, который, чего-то испугавшись, шарахнулся, и уже после этого случая старый хан почувствовал себя плохо. Созванный военный совет решил приостановить поход до выздоровления императора, распустив армию по домам. В качестве мотива этого решения было приведено то, что тангуты как народ оседлый никуда укочевать не могут, так что всегда будет возможно снова приняться за них. Но Чингис-хан с этим решением не согласился, справедливо указывая, что такой отход армии неприятелем может быть приписан слабости монголов, а это придаст ему новые силы для продолжения борьбы.

— Клянусь Вечно Синим Небом,— воскликнул он,— лучше я умру, но потребую отчета от тангутского царя!

Таким образом, война продолжалась.

Между тем здоровье Чингис-хана клонилось все более к упадку. Летом 1227 г. к нему прибыли послы от цзиньского императора с просьбой о мире. Чувствуя, что ему уже не суждено лично повести свое войско против этого заклятого врага и предвидя неизбежные трения, которые на первое время после его смерти должны были возникнуть в верховном управлении, он согласился на заключение просимого мира, решив в своих мыслях, что это будет лишь временное перемирие, впредь до восстановления в государстве нормального порядка.

В то же время неутомимый ум его работал в направлении изыскания наилучших путей для нанесения в будущем смертельного удара врагу, которому он только что даровал мир. Находясь уже на смертном одре, он дает следующее наставление своим сыновьям и воеводам:

"Лучшие цзиньские войска находятся у Тункуана (крепость на Желтой реке, со всех сторон прикрытая труднодоступной местностью). Там трудно будет уничтожить их посредством внезапного нападения. Если просить у государства Сун о свободном проходе наших войск (через его территорию), то ввиду постоянно враждебных отношений между государствами Сун и Цзинь на это, наверное, последует согласие. В таком случае мы должны армию послать через Танг и Тенг (в Южном Хонане), а оттуда ломить прямо на Та-лиан (иначе Бянь-лянь, южная столица Цзиньской империи). Государь Цзиня тогда будет принужден поспешно притянуть войска из Тункуана. Когда они в числе нескольких десятков тысяч прибудут на выручку, люди и лошади после марша в 1000 ли будут настолько истощены, что не будут боеспособны. Тогда можно будет истребить их наверняка".

Тут же умирающий в предвидении еще более далеких событий дал окружающим ясные директивы о способах ведения войны со следующим противником — Сунской державой. "Не забывайте

---

* Краузе Ф. Указ. соч. С. 40—41. По Иванину, близкий к этому завещанию план монголами был приведен в исполнение в 1232 г. и имел в результате окончательное падение в 1234 г. Цзиньской империи.

никогда,— прибавил он по этому поводу,— что душой всякого дела является то, чтобы оно было доведено до конца".**

В это время осажденная тангутская столица была доведена до крайности; укрывшийся в ней глава государства предложил Чингис-хану сдать город, обещав по прошествии месяца лично явиться для изъявления покорности. Чингис-хан сделал вид, что принимает условия, для усыпления бдительности врага назвав его своим сыном. Однако в то же время, чувствуя приближение конца, он запретил известие о его смерти предавать огласке до окончания расправы над тангутским царем. Когда же последний явится, то его захватить и со всей свитой умертвить.

Вскоре после этих последних распоряжений грозный повелитель испустил дух 72 лет от роду. Перед самой смертью, последовавшей в 1227 году в полнолуние месяца "свиньи" и в год "свиньи",* он в последний раз призвал к своему ложу сыновей Угедея и Тулуя, а также внука Исунке-Ака, сына недавно умершего Джучи,** и изъявил им свою последнюю волю в следующих словах:

"О, дети! Знайте вопреки ожиданиям, что приблизилось время последнего похода и перехода моего, силою Господнею и помощью Небесною. Я завоевал и покончил (укрепил) для вас, детки, царство такой пространной ширины, что до центра его в каждую сторону будет один год пути. Теперь мое завещание таково: вы для поражения врагов и возвеличения друзей будьте одного мнения и одного лица, дабы жить приятно и легко и наслаждаться царством. Угедей-хана поставьте наследником. Вы не должны изменять моего "Джасака" после моей смерти, чтобы не было смуты в царстве".***

Выбор ханом наследником своим третьего сына, Угедея, объясняется фамильным решением, принятым перед отправлением в этот поход по предложению ханской наложницы Есуй, которая сказала хану: "Царь, ты идешь за горы и реки, далекие страны на битвы: если случится тебе оставить по себе не произносимое имя, то которому из четырех сыновей своих повелишь быть господином? Объяви о том наперед всем!"

Тогда старшего сына Джучи отвел от права на престол второй сын, Джагатай, намекая на его сомнительное происхождение (мать их Борте родила его после пленения меркитами); Джагатая же отвел от права быть наследником престола Джучи, говоря, что у него, кроме крутого нрава, нет талантов.

Тогда Джагатай предложил назначить наследником Угедея, говоря, что он спокоен, рассудителен и всеми ими уважаем; Чингис-хан и весь совет фамильный одобрили его кандидатуру с тем, однако, чтобы после Угедея, наследником был бы вновь избран достойный из дома Чингисова, так как Угедей сам сказал на совете, что сомневается в достоинствах

** Рэнк. Указ. соч. С. 14.

* Рашид-ад-Дин. Указ. соч.

** Джагатай на время тангутского похода был оставлен в Монголии в качестве ханского наместника.

*** Рашид-ад-Дин. Указ. соч.

на престол своих сыновей. Этим решением фамильного совета санкционированы выборы хана со всеми последствиями, приведшими к распаду империи. Это решение было перед походом на Хорезм, и Чингис-хан его подтвердил, сказав: "Слова мои неизменны, не позволю нарушать их".

Мы видим, как это решение исполнилось наследниками Чингис-хана. В грамоте Кубилая на утверждение его сына наследником престола сказано: "Чингис-хан оставил наставление, чтобы заблаговременно избирать и утверждать наследника из законных наследников того, который достоин наследовать и которому можно вверить управление". Эти наставления Чингис-хана хранились в Золотом ящике в железной комнате (дворцовый архив).*

Тело Чингис-хана, по его желанию, было отвезено на родину под плач и причитания и предано земле на горе Бурхан-Халдан,** которая неоднократно спасала его жизнь в юности. "Он пришел из тленного мира и трон царства оставил славному роду",— повествует нам Рашид-ад-Дин.

Относительно причин смерти Чингис-хана, кроме официальной версии о падении с коня во время охоты на диких лошадей, существует несколько других, но все они сходятся на дате его смерти, на 1227 годе и в том, что он умер не своей смертью. Так, у Марко Поло Чингис-хан умирает от раны в колено стрелой. У Плано Карпини — от удара молнии.

По распространенной монгольской легенде, которую пришлось слышать и автору, Чингис-хан будто умер от раны, причиненной тангутской ханшей, красавицей Кюрбелдишин-хатун, которая провела единственную брачную ночь с Чингис-ханом, взявшим ее в жены по праву завоевателя после взятия столицы Тангутского царства. Покинувший свою столицу и гарем тангутский царь Шидурхо-Хаган, отличавшийся хитростью и коварством, будто уговорил свою супругу, оставшуюся там, причинить смертельную рану зубами Чингис-хану во время брачной ночи, и его коварство было столь велико, что он послал совет Чингисхану, чтобы ее предварительно обыскали "до ногтей" во избежание покушения на жизнь хана. После укуса Кюрбелдишин-хатун бросилась будто в реку Хуан-хэ, на берегу которой стоял своей ставкой Чингисхан. Эта река после того монголами стала называться Хатун-мюрен, что значит "река царицы". На этот случай намекается и в следующем надгробном причитании князя Килукена.

Существует монгольская легенда, что когда везли в Монголию тело Чингис-хана на телеге, она однажды сильно завязла в болоте. Тогда князь Килукен из племени сунид стал причитывать так:*

"О, чудесный лев, среди людей явившийся с голубого Неба Тенгри, мой Богдо-хан! Или ты хочешь покинуть свой народ и остаться здесь? О мой Богдо! Твоя супруга там на прекрасном месте своего рождения, твое

---

* Весь обзац о наследнике взят из "Сокровенного сказания".

** Эта гора была избрана местом своего вечного упокоения самим Чингис-ханом еще задолго до своей кончины. От этой горы берет свое начало река Онон.

*** Подобные надгробные причитания, известные у монголо-тюркских народов, автору приходилось слышать у черногорцев, заимствовавших их у албанцев.

прочное государственное управление, сила твоих законов, твои подданные — все там! Твои любимые жены, твой золотой шатер, твой верный народ — все там! Твоя родина, река, в которой тебя мыли, плодовитый народ монгол, носители твоей славы, князья и вельможи: Делюгюн Болдок на реке Онон, место твоего рождения — все там! Там твои бунчуки, барабаны, кубки, трубы и свирели, твой золотой дворец, который заключает в себе все, чему только есть имя, луга на Ононе, где ты взошел на трон Аруладов — все там! Твоя превосходная верная супруга Борте, счастливая страна, великий народ; Богурчи и Мукали: два верных друга* — все там! Твоя неземная супруга Хутан-Хатун, ее гусли, флейты и другие музыкальные инструменты, твои две другие жены — Джису и Джису-ген — все там! Или потому, что страна эта тепла, или потому, что здесь много побежденных тангутов, или потому, что прекрасна Кюрбелдишин-хатун, ты хочешь покинуть своих монголов? И если нам уже не было суждено уберечь твою драгоценную жизнь, так мы сможем привезти твои, сидящие подобно яшме, останки на родину, показать их супруге Борте и удовольствовать тем желанию всего народа!"

Кюрде

После этих уговоров тело Чингис-хана с телегой освободилось от засосавшего болота и двинулось на родину. На горе Бурхан-Халдан оно покоится до наших дней, попытки европейских путешественников найти место последнего успокоения величайшего завоевателя всех веков и народов успехом не увенчались, так как не было поставлено никаких надгробных знаков, чтобы кладбище не подверглось разграблению. Место это заросло густым лесом. Из детей Чингис-хана там же на горе Бурхан-Халдан похоронены: младший его сын, любимец отца Тулуй с его детьми Мёнке-ханом, Кубилай-ханом, Ариг-Бугой и другими их детьми. Другие дети Чингис-хана от Джучи, Джагатая и Угедея, их дети и род имеют в других местах кладбища. Хранители этого большого запретного места суть беки племен Урянхайских.**

Умер он в походной обстановке так же просто, как и прожил всю жизнь. Глава обширнейшего из государств мира, занимавшего 4/5

---

* Так как Мукали умер в 1223 г., то надо думать, что здесь подразумевается не живой Мукали, а его смертные останки, погребенные в Монголии.

** Рашид-ад-Дин. Указ. соч.

Старого Света, властелин около 500 миллионов душ,* а следовательно, по понятиям своего века, обладатель несметных богатств, он до конца дней своих чуждался роскоши и излишеств. После покорения Средней Азии офицеры его армии обзавелись превосходными турецкими кольчугами и стали носить ценные дамасские клинки. Но Чингис-хан, несмотря на то, что был страстным любителем оружия, принципиально не последовал их примеру и вообще остался чужд влиянию мусульманской роскоши. Он продолжал носить одежду кочевника** и держаться степных обычаев, завещав своим наследникам и всему монгольскому народу не изменять этим обычаям во избежание растлевающего влияния на нравы культур китайской и мусульманской.

У него не было таких личных потребностей, в жертву которым он, подобно другим избалованным счастьем венценосцам, принес бы высшие цели своей политики. Вся его жизнь была посвящена осуществлению его высочайшего идеала — созданию единого мирового царства, которое было в то же время идеалом военной культуры монголов XIII и XIV веков.

Подполковник Рэнк приводит следующие отзывы, резюмирующие справедливые суждения о Чингис-хане некоторых из его современников в противоположность господствовавшим тогда и сохранившимся до наших времен превратным взглядам на него, как на кровожадное чудовище:

"Он умер, к великому сожалению, так как был честным и мудрым человеком",— говорит о нем Марко Поло.

"Он установил мир",— высказывает Жуанвиль (Ioinville), французский историк XIII века.

"Последнее суждение,— замечает приведший эти отзывы автор, — представляется парадоксальным, когда подумаешь о непрестанных войнах, которые вел Непреклонный император, но по существу оно точно и глубоко верно... В этом смысле он действительно установил мир во вселенной, мир, продолжавшийся около двух веков, ценою войн, которые в общей сложности не продолжались и двух десятилетий. Чингис-хан искал союза с христианством. Если бы этот союз осуществился, то не подлежит сомнению, что ислам, взятый в клещи (крестоносцами и монголами)... был бы раздавлен... экономические, социальные и политические связи между Западным миром и Дальним Востоком не терпели бы постоянных перерывов от враждебного Европе мировоззрения. Все цивилизации Старого Света достигли бы взаимного понимания и проникновения. Христианство не сумело этого понять...

Этот завоеватель мира был прежде всего его непреклонным возродителем. Железом и огнем он открывал древние мировые пути для

---

* По современному подсчету свыше миллиарда людей.

** Халат Чингис-хана из холста будто бы хранится в императорском музее в Пекине. см. "Сокровенное сказание", (*Примеч. переводчика*).

шествия будущей цивилизации. В этом смысле Проклятый имеет право на место в Человечестве".*

"Разрушитель" разрушил и преграды темных веков,— говорит о Чингис-хане другой европейский писатель. — Он открыл человечеству новые пути. Европа пришла в соприкосновение с культурой Китая. При дворе его сына армянские князья и персидские вельможи общались с русскими великими князьями. Открытие путей сопровождалось обменом идей. У европейцев появилась прочная любознательность в отношении далекой Азии. Марко Поло отправляется туда вслед за Рубруком. Два столетия спустя отплыл на открытие морского пути в Индию Васко да Гама. В сущности и Колумб отправился в путь на поиски не Америки, а земли Великого Могола".**

Однако, по мнению также и этого писателя, Европа, т. е. "то же "христианство", не поняла Чингис-хана. Так как он "вел свои войны не за религию, как Магомет, и не в видах личного или государственного возвышения, как Александр Македонский и Наполеон, то европейцы были поставлены этим в тупик. Объяснение этой тайны лежит в простоте монгольского характера... В противоположность Наполеону он ни в малейшей степени не был фаталистом, равным образом ему не приходило в голову присваивать себе, подобно Александру Македонскому, атрибуты бога.***

Идеалом Чингис-хана было создание единого царства Человечества, так как только тогда,— как он справедливо думал,— прекратятся взаимные войны и создадутся условия для мирного процветания человечества как в области духовной, так и материальной культуры. Жизнь одного человека оказалась слишком короткой для осуществления этой грандиозной задачи, но Чингис-хан и его наследники едва не достигли этой задачи, когда имели 4/5 мира в своем государстве — монголосфере.

Разве теперь потерял свой смысл этот идеал Чингис-хана? Разве идея единого человеческого царства не современна и теперь? Лига наций есть попытка в этом направлении. Идеи о Пан-Европе, Пан-Азии актуальны. Стремление к объединению, если невозможно всех, то больших групп наций в одно государство есть проблема XX века. То, что едва не осуществилось в XIII веке силой оружия, возможно, состоится путем мирного соглашения народов в XX веке.

В заключение настоящей главы, которой заканчивается биография Чингис-хана, приводим "диалог его со сподвижниками", характеризующий простоту монгольского быта и отношений и отличающий некоторые индивидуальные черты лиц, которым приписывается эта беседа. Написана эпическим, былинным языком, но с сохранением исторической истины, как вообще монголы излагают исторические события, например, у Санан-Сецена.

---

* Рэнк. Указ. соч. С. 41—42. "Проклятый" - прозвище, данное Чингис-хану мусульманами.

** Лэм Г. Указ. соч. С. 208.

*** Лэм Г. Указ. соч. С. 211, 172.

СЦЕНКА ИЗ ЖИЗНИ ЧИНГИС-ХАНА*

Диалог со сподвижниками во время отдыха на охоте

Чингис-хан обращается к Мукали, знаменитому монгольскому полководцу:

— Мукали!
— Ты — подобно огненному урагану стремительно бросающийся на врага в часы боя,
мой опьяненный слон!
Ты — кто, руководя моими пышными пирами, никогда не расточает богатство,
мое неиссякаемое сокровище!
Ты — в руках которого в часы боя никогда не дрогнет мое боевое знамя,
Ты — кто во времена моих долгих отлучек стальной скрижалью своей держит в покорности мою Монгольскую державу,
мой несравненный Мукали, поведай мне что-нибудь!

Ответ Мукали Чингис-хану:

О, мой Великий повелитель и посланник Синего Неба!
Ты — все равно ублажающий,
мой высокий Бодисаттв (Богочеловек),
Ты — рожденный для власти державной над всем родом человеческим,
мой божественный "Хурмуста Тенгир!"**

---

* Автор неизвестен. Перевод с калмыцкого доктора прав Санджи Баянова; издание Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в ЧСР, 1928 г.

** Небесного происхождения.

Ты — мгновенной искрой мысли своей легко разбирающийся в правде и лжи,
мой высокий мудрец!
Ты — увешанный плодами несметными, сочными,
мой благородный корень сабаравас!*
Ты — упитанный легендарной силой и могуществом,
мой горный белый лев!
Ты — обладатель беспримерного уменья распоряжаться силой и талантом своими,
мой орел могучий!
Ты — для славы рожденный,
мой повелитель Суту Богдо!
Подобно волнам глубокого океана — да будет великим твое сознание и мысль.
Коварных и жестоких врагов своих — суровыми мерами укрощай!
Снискивай уважение и любовь верой и правдой тебе служащих.

Обращение Чингис-хана к полководцу Хяртя-Бургули:

Ты — кто, участвуя в боевых моих стяжаниях, не знает робости и смятения,
моя верная каменная опора!
Ты — кого пронзившая пуля стальная не принудит покинуть поля сражения,
мой свирепый ассириец!
Ты — кто способен как млатом вбить в землю безнадежно обреченного соперника,
мой сказочный храбрец!
Ты — как испытанный боевой конь,
всегда неизменный мой сподвижник Бургули!
Тоже поведай мне что-нибудь!

Ответ Хяртя-Бургули Чингис-хану:

— О, мой высокий повелитель!
Ты — бездонный бурливый океан мой!
Ты — безмерной силы царственный орел мой!
Ты — способный ублажать девять избранных желаний смертных,
живое воплощение бесценного камня зинидим!**
Ты — рожденный как избранник Неба,
мой Великий повелитель!
Умей равно и мудро распоряжаться силами как материальными, так и духовными!
Умей сохранять скромность и не проявлять гордость даже при легендарном могуществе твоем!

---

* Название фруктового дерева, растущего в Монголии.

** Бриллиант (Зинидемне-эрдени).

Умей всегда чувствовать ответственность пред священной религией!
Умей каждому дерзкому злоумышленнику найти быстрое и праведное возмездие!
Сумей оказывать свое покровительство равно всем!
Сумей успевать, мой повелитель, во всех своих делах!

Обращение Чингис-хана к советнику и полководцу Шиги-Кутуку:

Ты — кто в часы смертоносных боев моих бесстрашным звуком трубным зовет к подвигам рать мою,
мой победный дракон!
Ты — как достойный вождь, всегда идущий впереди многих,
мой хитроумный богатырь!
Ты — кто, поддержав меня в дни бедности моей, снабжал конями боевыми,
мой прославленный богач!
Ты — чьими освежительными напитками услаждался я в минуты жажды,
мой незабвенный друг!
Ты — кто никогда не выходил из рамок моих державных повелений,
мой праведный слуга!
Шиги-Кутуку, скажи и ты мне что-нибудь!

Ответ Шиги-Кутуку Чингис-хану:

О, державный повелитель!
Ты — великая и широкая моя Байга река! Боевым конем непроходимая,
моя величайшая гора!
Ты — подобно кормилице матери для всех сирот и убогих,
мой золотоносный сосуд!
Ты — томительный зной умеряющий,
мой сандаловый лес!
Ты — подобно пожару истребляющий врагов и недругов своих,
мое сандаловое пламя!
Ты — блага человечества ради снизошедший в этот мир,—
мой Великий Повелитель!
До смерти твоей блаженство — удел тебе определенный!
Ради интересов державных дел и религии себя не щади!
Отдавших тебе все силы сподвижников верных не забывай!
Ни в какое дело не ввязывайся, не подумав и не повременив.

Обращение Чингис-хана к знаменитому своему полководцу Джебе-нойону:

Ты — подобно береговой скале океана гордо отражающий атаки волн неисчислимых, бесстрашно внедряющийся в гущу тьмы врагов,
мой легендарный богатырь!
Ты — в борьбе с иноземцами сокрушительно нападающий,
мой темно-серый ястреб!
Ты — с неослабевающей энергией умеющий разрешать великие задачи,
мой железный рычаг!
Ты — умеющий создавать неизменную атмосферу дружбы и мира со всеми,
мой эластичный друг, сподвижник Джебе,
скажи и ты мне что-нибудь!

Ответ Джебе-нойона Чингис-хану:

Мой великий повелитель!
Самонадеянного врага своего умеющий превращать в пыль и прах,
мой великий поток!
Ты — безмерно полное воплощение на земле двояких сил (духа и материи),
мой несравненный хан!
Как воплощение трех драгоценностей вечно в блаженстве пребываешь на небесах,
Так в интересах споспешествования двум Высшим началам спокойно руководи своими державными, мирскими и религиозными делами!
С лукавством и коварством борись суровыми мерами!
Подвигам благочестивым отдай всего себя!

Обращение Чингис-хана к Хара-Улан-Батору:

Ты — в минуты усталости моей вливающий в меня бодрость, в минуты печали моей вселяющий надежду,
мой славный виночерпий Хара-Улан,
затяни-ка песню о подвигах великих!

Хара-Улан-Батор:
Великий повелитель!
Ты — украшение рода человеческого!
Ты — рожденный из поколения в поколение высоко держать славу "избранника" Неба и искушать блаженство мира сего!
О, да поможет мне Синее Небо оправдать доверие его избранника!
(Поет).

Благопожелания Чингис-хана (финал беседы)

О, Небо мое синеющее! О, неиссякаемого благочестия отец мой! Не вашим ли промыслом я обязан державной властью над судьбами людей!

Имя Великой Монголии, распространившееся и запечатлевшееся по всему миру в ореоле чудесной славы, поддержать и упрочить — есть мое жизненное назначение!

Действительно вручая разум, душу и совесть свою твоей священной воле, молю Тебя осенить твоею мудростью скромные силы мои, дабы на протяжении всего жизненного пути мне держать бы с достоинством великое знамя моей державы.

Раскинутых по необъятному простору земли разноязычных моих подданных помоги мне твоими щедротами изобиловать всеми богатствами молока и кумыса и расселить их кочевья на зеленых ковровых лугах у студеных источников вод!

Жертвенно отдавших все свои силы на покорение народов мира богатырей-сподвижников моих приобщи к великой неистощимой радости жизни до конца их!

О, Синее Небо мое! Пусть никогда не дрогнет твоя твердыня! Пусть учения многочисленных богов* сияют лучами солнца! Пусть приобщаются к благу и счастью живущие во всех четырех частях света!

Приложение к гл. VI

ВЕЛИКИЙ ДЖАСАК**

I. БИЛИК

1. Чингис-хан приказал:

Дети их не слушали нравоучительных мыслей отцов, младшие братья не обращали внимания на слова старших; муж не имел доверия к жене, а жена не следовала повелению мужа, свекры смотрели неблагосклонно на невесток, а невестки не уважали свекровь, большие не воспитывали малых, а малые не соблюдали наставления старших; вельможи

* Монголы были тогда шаманистами; в буддизм они перешли после смерти Чингис-хана, при Кубилай-хане.

** "Великий Джасак", состоящий из "Билика" и собственно "Джасака", дошел до нас в виде отрывков, особенно последний. Первый приводится по тексту Рашид-ад-Дина (в переводе И. Н. Березина, по Рязановскому и Г. Лэму. Это, по-видимому, почти все, что сохранилось в современной литературе от этих двух памятников Чингис-ханова законодательства. Статьи, которые приводились в тексте главы VI и других, заменены ссылками на номера страниц. Некоторые статьи, заключающие указания детального характера, приводятся в сокращении.

стояли близко к сердцу служителей, а не приводили под власть людей внешних, люди богатые видели добро, но не делали могущественными правительствующих лиц и не давали укрепления; юсун, язык и путь разума и довольства, не был известен.

По той причине были оппозиционеры, воры, лжецы, возмутители и разбойники. Таким людям в собственном их жилище не являлось солнце, т. е. они грабили, лошади и табуны не имели покоя; лошади, на которых ездили в авангарде, не имели отдыха, пока неизбежно те лошади не умирали, издыхали, сгнивали и уничтожались. Таково было это племя без порядка, без смысла.*

Когда явилось счастье Чингис-хана, они пришли под его приказ, и он управлял ими посредством твердо укрепленного ясака.** Тех, которые были умны и молодцы, сделал беками (начальниками) войска; тем, которые были проворны и ловки, дав на руки их принадлежности, сделал табунщиками; глупых, давши им небольшую плеть, послал в пастухи. По этой-то причине дело его (Чингис-хана), словно молодой месяц, возрастает со дня на день; от неба, силою Всевышнего Бога, нисходит победоносная помощь, а на земле помощью его явилось благоденствие; летние кочевки его стали местом ликованья и пированья, а зимние кочевки приходились приятные и соответственные. Когда благостью Великого Бога я обрел эти значения и изыскал сам собой эти мысли, то по этой причине спокойствие, ликованье и пированье достигли и до сего времени. После этого и до пятисот лет, до тысячи, десяти тысяч лет, если потомки, которые родятся и займут мое место, сохранят и не изменят таковой юсун и ясак Чингис-хана, который от народа ко всему пригоден, то от неба придет им помощь благоденствия, непрерывно они будут в веселье и пированье; Господь мира (вселенной) ниспошлет им благоденствие; люди будут молиться за них, они будут долговечны и будут наслаждаться благами. На это следуют следующие изречения:

1. От добротности, строгости — прочность государства.

2. Если у детей множества государей, которые явятся после этого (его), вельможи, богатыри и беки, находящиеся у них, не будут крепко соблюдать ясак, то дело государства потрясется и прервется. Опять будут охотно искать Чингис-хана и не найдут.

3. (см. стр. 68).

4. (см. стр. 68).

5. Всякий, кто может очистить внутри у себя, тот может очистить владение от воров.

6. (см. стр. 68).

7. Всякое слово, в котором согласились трое сведущих (умных), можно сказать всюду; в противном случае нельзя полагаться на него.

Сравнивай слово свое и слово других со словами сведущих: если оно будет в согласности, то можно сказать, в противном же случае никак не должно говорить.

---

* Перевод Рашид-ад-Дина с монгольского не всегда удачен и иногда неясен.

** Ясак, джасак — закон.

8. Всякий, идущий к старшему, не должен говорить ни слова, пока тот старший не спросит: тогда сообразно вопросу пусть соответственно ответит. Если он скажет слово прежде, хорошо, коли услышит; в противном случае он кует холодное железо.

9. Всякая лошадь, бегущая хорошо и в жирном теле, и если она побежит так же в полтеле: такую лошадь можно назвать хорошей.

Но нельзя назвать хорошей лошадь, которая бежит хорошо только в одном из этих положений.

10. (см. стр. 68).

11. (см. стр. 68).

12. Всякое слово, которое сказали, думаю, что оно сильно, если его скажут серьезно, а если шутя — нельзя исполнить.

13. Каким образом человек знает себя, пусть узнает и других.

14. Мужчина не есть солнце, чтобы являться во всех местах людям: жена должна, когда муж займется охотой или войной, держать дом в благолепии и порядке, так что если заедет в дом гонец или гость, увидит все в порядке и она приготовит хорошее кушанье и гость не будет нуждаться ни в чем, непременно она доставит мужу хорошую репутацию и возвысит имя его в собраниях, подобно горе, воздымающей вершину. Хорошие мужья узнаются по хорошим женам. Если же жена будет дурна и бестолкова, без рассудка и порядка, будут от нее видны дурные качества мужа. Полустишие к этому: в доме все походит на хозяина.

15. (см. стр. 68).

16. Мы отправляемся на охоту и убиваем много горных быков; мы отправляемся на войну и убиваем много врагов. Когда Всевышний Бог дает путь и так облегчается дело, они забывают и изменяются.

17. (см. стр. 67).

18. (см. стр. 69).

19. После нас род наш будет носить златом шитые одежды, есть жирные и сладкие яства, ездить на добронравных лошадях, обнимать благообразных женщин, и не скажут (все это) собрали отцы и старшие братья наши, и забудут нас и тот великий день (когда это было).

20. Человек, пьющий вино и водку, когда опьяняется, не может ничего видеть и становится слеп. Когда его зовут, он не слышит и становится нем: когда с ним говорят, он не может отвечать. Когда становится пьян, то бывает подобен человеку, находящемуся в положении умершего: если хочет сесть прямо — не может; и будет словно человек, которому нанесли рану в голову, остается бесчувственным и ошеломленным. В вине и водке нет пользы для ума и искусства, нет также добрых качеств и нравов; они располагают к дурным делам, убийствам и распрям; лишают человека вещей, которые он имеет, и искусств, которые знает, и становятся постыдны путь и дела его, так что он утрачивает определенный путь. Государь, жадный к вину и водке, не может произвести великих дел, мыслей и великих учреждений. Бек, жадный к вину и водке, не может держать в порядке дела тысячи, сотни и десятка. Простой воин, который будет жаден в питье вина, этот

человек подвергается весьма большому столкновению, т. е. его постигнет великая беда. Человек простой, т. е. из черни, если будет жаден к питью вина, покончит лошадь, стадо и все свое имущество и станет нищим. Слуга, жадный к питью вина, будет проводить жизнь непрерывно в смущении и страдании. Эти вино и водка не смотрят на лицо и сердце опьяненных, опьяняет и хороших, и дурных и не говорит: дурен или хорош. Руку делает слабой, так что она отказывается брать и от ремесла своего; ногу делает не твердой, так что отказывается от движения; сердце и мозг делает слабыми, так что они не могут размышлять здраво; все чувства и органы разумения делает непригодными. Если нет уже средства от питья, то должно в месяц напиваться три раза: если перейдет за три — проступок; если в месяц два раза напиваться, это лучше, а если один раз — еще похвальнее, а если не пьет, то что может быть лучше того? Но где найдут такого человека, который бы не напивался? Если найдут, то он достоин всякого почтения.

21. Чингис-хан во время, когда придпринял поход в области китайские и пошел войной на Алтан-хана, по способу, как было определено им, он один находился на вершине холма, развязал пояс, положил на шею, развязал завязки плаща, пал на колени и сказал: "О, древний Господь! Ты знаешь и ведаешь, что прежде Алтан-хан произвел смуту и начал вражду. Он убил безвинно Укин-Бархаха и Амбагай-кагана, которых схватили племена татарские и послали к нему, а это были старшие братья отца и деда моего. Я есмь ищущий их возмездия и мщения. Если знаешь, что это намерение мое правое, ниспошли свыше в помощь мне силу и победоносность и повели, чтобы мне помогали свыше ангелы, люди, пери и дивы и оказывали мне вспоможение".

Такое он, молясь, произнес воззвание с наисовершеннейшим смирением. После того он отправился и двинулся. По причине чистоты и правого намерения он одержал победу над Алтан-ханом, который был такой могущественный и великий государь, у которого не было конца многочисленному войску, обширному государству и твердым крепостям его. Он овладел всеми теми его областями и детьми его.

22. Однажды Чингис-хан остановлся на холме, называемом Алтай, и, бросив взгляд на стороны и окрестности и видя орды и служителей, сказал: "Стрелки и воины мои чернеют подобно многочисленным лесам; жены, невестки и девушки алеют подобно красноцветному пламени.

Попечение и намерение мое состоит в том, чтобы услаждать их рот пожалованием сладкого сахара, украшать перед, зад и плечи их парчовыми одеждами, посадить их на хороших меринов, напоить их из чистых и вкусных рек, соблаговолять их четвероногим хорошие и обильные травою места, приказывать удалять с больших дорог и путей, которые служат путями для народа, сор, сучья и все вредное; и не допускать расти в юрте комочкам и терну".

23. Если из нашего рода кто-либо попустит вопреки утвержденному ясаку один раз, пусть его усовещивают словом; если сделает вопреки два раза, пусть действуют на него красноречием; в третий раз же пусть пошлют его в отдаленное место (ссылка) Балджиюн-Хальджур. Когда он

сходит туда и возвратится — он будет внимателен. Если же он не образумится, пусть посадят его в оковы и тюрьму. Если выйдет оттуда добронравным и образумившимся, — очень хорошо: в противном случае пусть соберутся все родственники, составят общее совещание и положат, что с ним делать.

24. (см. стр. 69).

25. (см. стр. 70), где ошибочно указана Ст. 24).

26. Когда он послал Мукали-Го-вана с войском в Нанкиясу (Китай) и тот, взяв 72 крепости той страны, отправил посла на служение к Чингис-хану с извещением о своих завоеваниях и спрашивал, будет ли позволение возвратиться или нет, то последовало повеление ярлыка, чтобы не останавливаться до тех пор, пока не возьмет других крепостей. По возвращении посла Мукали-Го-ван спросил: "Когда ты пришел на служение к Чингис-хану и доложил речь, что он сделал?" Тот сказал: "Он сжал большой палец". Мукали-Го-ван спросил: "Мне также положил палец?" Ответ: "Положил". Мукали сказал: "Посему не напрасно я до самой смерти служу и оказываю совершенное старание и усердие". Еще спросил: "Другому кому положил палец?" — Положить палец — знак повышения в заслугах. — Посол ответил: "Он положил палец Бурджи, Бургулу, Хубилаю, Джилогену, Хараджару, Джадаю, Бадаю и Кишлыку, всем им, и (Чингис-хан) сказал: "Все они позади и впереди меня служили искусно, помощью и пособиями, хорошо пускали стрелы, держали в поводу заводных лошадей, ловчих птиц на руке и охотничьих собак в тороках".

27. Однажды Бала-Халаджа, бывший из почтенных беков, спросил у него (Чингис-хана): "Тебя называют господином могущества и богатырем: что видно на руке твоей из знаков завоевания и победы?" Чингисхан соблаговолил ответить: "Прежде того и т. д.* (см. стр. 48).

28. Однажды я ехал с Бурджи. Двенадцать человек на вершине горного хребта сидели в засаде. Бурджи ехал сзади. Я не дождался его и, понадеявшись на силу и мощь свою, кинулся в атаку на них. Все они двенадцать вдруг пустили стрелы, и со всех сторон около меня летели стрелы, а я шел в атаку, как вдруг одна стрела попала мне в рот. Я упал и от сильной раны впал в беспамятство. В ту пору Бурджи прибыл и увидел меня, что я от раны подобно человеку, находящемуся в агонии, дрыгаю ногами по земле и катаюсь как шар. Тотчас он нагрел воды и принес. Я выполоскал горло и выплюнул запекшуюся кровь. Ушедшая душа опять пришла к телу: обнаружилось чувство и движения. Я встал и кинулся в атаку. Они испугались моей крепости, бросились с той горы, вниз и отдали душу. Причина тарханства** Бурджи-нойона есть та, что в такое время он оказал похвальное старание.

---

* Статья заканчивается следующим периодом: "Во время возвращения мне пришлось проезжать мимо тел убитых: шесть их меринов бродили без хозяев. Я увел всех шестерых меринов".

** Тархан — лицо, облеченное командной властью.

29. Чингис-хан в молодости одним ранним утром встал со сна. Несколько темных волос в локонах его побелели. Собрание приближенных спросило: "О, Государь! Твой юношеский возраст счастливый, ты еще не достиг начала старости. Каким же образом явилась седина в твоих локонах?" Он сказал в ответ: "Так как Всевышний Господь восхотел сделать меня старшим и вождем тьмы и тысяч, водрузить чрез меня знамя благоденствия, то и явил на мне знак старости, который есть знак старшинства".

30. Однажды Чингис-хан спросил у Бурджи-нойона, который был главой беков: "Наслаждение и ликование человека в чем состоит?" Бурджи сказал: "Состоит в том, чтобы человеку, взяв на руку своего сокола синецветного, который питался керкесом и зимой переменил перья, и сев на хорошего мерина откормленного, охотиться ранней весной за синеголовыми птицами и одеваться в хорошие платья и одежды". Чингис-хан сказал Бургулу: "Ты скажешь также".

Бургул сказал: "Наслаждение состоит в том, чтобы животные, подобные кречету, летали над журавлями, пока не низвергнут их с воздуха ранами когтей и не возьмут их".

После того спросил также у детей Хубилая, — они ответили: "Блаженство человека состоит в охоте и в умении заставить (по своему желанию) птиц летать". Тогда Чингис-хан ответил: "Вы (все) не хорошо сказали. Наслаждение и блаженство человека состоит в том, чтобы подавить возмутившегося и победить врага, вырвать его из корня, взять то, что он имеет (самого дорогого), заставить вопить служителей их, заставить течь слезы по лицу и носу их, сидеть на их приятно идущих жирных меринах, любоваться розовыми щечками их жен и целовать, и сладкие алые губы — сосать".

II. ДЖАСАК

Дошедшие до нас фрагменты "Джасака" гласят следующее:*

1. Прелюбодей предается смерти без всякого различия, будет ли он женат или нет.

2. Кто повинен в содомии, тот также наказывается смертью.

3. Кто лжет с намерением или волхвованием, или кто подсматривает за поведением другого, или вступается между двух спорящих и помогает одному против другого, также предается смерти.

4. Тот, кто мочится в воду или на пепел, также предается смерти.**

5. Кто возьмет товар и обанкротится, потом опять возьмет товар и опять обанкротится, потом опять возьмет товар и опять обанкротится, того предать смерти после третьего раза.

---

* Из Макризы.

** Вода и огонь (пепел) считаются очистительными началами у монголов (калмыков).

6. Кто даст пищу или одежу полоненному без позволения полонивших, тот предается смерти.

7. Кто найдет бежавшего раба или убежавшего пленника и не возвратит его тому, у кого он был в руках, подвергается смерти.

8. Когда хотят есть животное, должно связать ему ноги, распороть брюхо и сжать рукой сердце, пока животное умрет, и тогда можно есть мясо его: но если кто зарежет животное, как режут мусульмане, того зарезать самого.*

10. Он (Чингис-хан) постановил, чтобы на потомков Алибека, Абу талеба всех до единого не были наложены подати и налоги, а также ни на кого из факиров, чтецов Аль-корана, законодавцев, лекарей, мужей науки, посвятивших себя молитве и отшельничеству, муэдзинов и омывающих тела покойников, не были налагаемы подати и налоги.

11. Он постановил уважать все исповедания, не отдавая предпочтения ни одному. Все это он предписал как средство быть угодным Богу.

12. Он запретил своему народу есть из рук другого, пока представляющий сначала не вкусит сам от предлагаемого, хотя бы он был князь (эмир), а получающий пленник; он запретил им есть что бы ни было в присутствии другого, не пригласив его принять участие в еде; он запретил насыщаться одному более товарищей и шагать через огонь трапезный и чрез блюдо, на котором едят.**

13. Если кто проезжает подле людей, когда они едят, он должен сойти с лошади, есть с ними без их позволения, и никто из них не должен запрещать ему это.***

14. Он запретил им опускать руку в воду и велел употреблять что-нибудь из посуды для черпания воды.

15. Он запретил мыть их платье в продолжение ношения, пока совсем не износится.****

16. Он запретил говорить о каком-нибудь предмете, что он нечист, утверждал, что все вещи чисты, и не делал различия между чистыми и нечистыми.

17. Он запретил им оказывать предпочтение какой-либо из сект, произносить слово с эморазисом, употребляя почетные названия, и при обращении к султану или к кому другому должно употреблять просто его имя.

19. Он предписал, чтобы женщины, сопутствующие войскам, исполняли труды и обязанности мужчин в то время, как последние отлучались на битву.

21. Он предписал им представлять в начале каждого года всех своих дочерей султану (хану), чтобы он выбрал для себя и для своих детей.

---

* Эта статья соблюдается и теперь у калмыков как обычай.

** Во избежание отравления, очень частого тогда.

*** Эта статья также сохранилась в жизни калмыков.

**** Из суеверия, что ударит молния во время мытья.

23. Он узаконил, чтобы старейший из эмиров, когда он проступится и государь пошлет к нему последнего из служителей для наказания его, отдавал себя в руки последнего и распростирался бы пред ним, пока он исполнит предписанное государем наказание, хотя бы то было лишение живота.

25. Он предписал султану учреждение постоянных почт, дабы знать скоро о всех событиях в государстве.

26. Он предписал наблюдать за исполнением Ясы сыну своему Джагатаю бек Чингис-хану.

Из Мирховенда (или Мирхонда).

28. От убийства (казни за преступление) можно отпуститься пенею, заплатив за мусульманина сорок золотых монет (барыш), а за китайца рассчитывались одним ослом.

Из Ибн-Батута.

29. Тот, у кого найдется украденная лошадь, обязан возвратить ее хозяину с прибавкой девяти таких же лошадей: если он не в состоянии уплатить этого штрафа, то вместо лошадей брать у него детей, а когда не было детей, то самого зарезать, как барана.

Из Вартана.

30. Чингис-ханова Яса запрещает ложь, воровство, прелюбодеяние, предписывает любить ближнего, как самого себя, не причинять обид и забывать их совершенно, щадить страны и города, покоряющиеся добровольно, освобождать от всякого налога и уважать храмы, посвященные Богу, а равно и служителей его.

Из Макагии.

31. Яса предписывает: любить друг друга, не прелюбодействовать, не красть, не лжесвидетельствовать, не быть предателем, почитать старших и нищих, за нарушение — смертная казнь.

Из РАЗНЫХ ИСТОЧНИКОВ.

32. Чингисова Яса предписывает: человека, подавившегося пищей, протаскивать под ставкой и немедленно убивать, равным образом предавать смерти, кто ступил ногой на порог ставки воеводы...*

...34. Дети, прижитые от наложницы, считаются законными и получают по распоряжению отца соответствующую долю наследства. Раздел имущества основывается на таком положении, что старший получает больше младших: меньший же сын наследует хозяйство отца. Старшинство детей рассматривается соответственно степени их матери, из числа жен одна всегда старшая, преимущественно по времени брака.

35. По смерти отца сын распоряжается судьбою его жен, за исключением своей матери, может жениться на них или выдать их замуж за другого.

36. Строжайше воспрещается пользоваться чем-либо из вещей покойного, за исключением законных наследников.**

---

* Очевидно, основано на суеверии.

** Статьи из этого списка 9, 18, 20, 22, 24 и 27 см. стр. 68—69.

Из Лэма.*

37. (см. стр. 59) № 1 по Лэму.

38. (Об освобождении духовных лиц всех исповеданий от повинностей).

39. Запрещено под страхом смерти провозглашать кого-либо императором, если он не был предварительно избран князьями, ханами, вельможами и другими монгольскими знатными людьми на общем совете.

40. Запрещается главам народов и племен, подчиненных монголам, носить почетные титулы.

41. Запрещается заключать мир с монархом, князем или народом, пока они не изъявили полной покорности.

42. (см. стр. 69) № 6 по Лэму

43. (см. стр. 69) № 7 по Лэму

44. (см. стр. 70) № 8 по Лэму

45. (см. стр. 70) № 15 по Лэму

46. (О соблюдении некоторых правил при убое животных в пищу).

47. (О разрешении употреблять в пищу кровь и внутренности животных).

48. (Список преимуществ по службе и льгот начальникам и офицерам империи).

49. (см. стр. 70) № 17 по Лэму).

50. (Разные наказания, положенные за кражу: от смертной казни до телесного наказания — от 7 до 700 ударов)...

...52. (О запрещении под страхом смерти скрывать беглых рабов, кормить их и т. п.).

53. Закон о браке предписывает, что мужчина должен выкупать себе жену и что браки в первой и второй степени родства не допускаются. Мужчине предоставляется [право] жениться на двух сестрах или иметь несколько наложниц. (Дальше следуют обязанности жены по дому и хозяйству). Мужчинам разрешается заниматься только войной и охотой. (Дальше — о правах потомства от разных жен).

54. Прелюбодеяние наказывается смертью. Виновные в таковом могут быть убиваемы на месте преступления.

55. (О разрешении родителям заключать брачные условия между малолетними детьми и проч.).

56.** Воспрещается купаться или мыть одежду в проточной воде во время грозы.

---

* Нижеследующий перечень статей Г. Лэм привел на стр. 214—217 своего труда XVII в., заимствован у Пти Де-ла-Круа, который сам признает свой перечень далеко не полным. Нумерация его статей, заимствованных Де-ла-Круа из разных источников, — случайная. Не имея возможности проверить эти статьи по их источникам, печатаю по Лэму. Номера статей у Лэма 10, 16 и 18 оставлены, т. к. они тождественны с номерами 8, 7 и 1 из Макризи и у Рязановского.

** Путешественник Рубрук свидетельствует, что было такое суеверие. Монголы вообще боятся грома. Рашид-ад-Дин свидетельствует, что в Монголии очень часты удары молнии в людей и животных.

57. Шпионы, лжесвидетели, все люди, подверженные постыдным порокам, и колдуны приговариваются к смерти.

58. (см. стр. 71) № 22 по Лэму.

Когда Чингис-хан устанавливал основные правила и наказания к ним и все передал письменно в книге, повествует Макризи, он дал наименование Ясы или Ясака. Макризи далее сообщает: "Когда редакция книги была окончена, он (Чингис-хан) велел эти законы вырезать на стальных досках и сделал их кодексом для своей нации"...

Приложение к гл. VII

СОСТАВ И УСТРОЙСТВО ВОЙСК ТАМЕРЛАНА*

Войска Тамерлáна состояли из пехоты и конницы. Впрочем, пехота его в дальних степных походах была снабжена лошадьми; конница или по крайней мере значительная часть ее в случае надобности была приучена сражаться в пешем строю, следовательно, соответствовала нашим драгунам: она спешивалась в тех случаях, когда надо было вернее или сильнее стрелять из лука, но, без сомнения, действовала лучше на лошадях, чем пешем строю.**

Конница разделялась на простых и отборных воинов, составлявших легкую и тяжелую конницу. Была также гвардия хана. Кроме того были еще: 1) понтонеры, они употреблялись для строительства судов и наведения мостов; 2) метатели грегорианского или греческого огня; 3) разного рода рабочие, умевшие строить осадные машины и обращаться с метательными орудиями. Эти последние два рода войск были доведены до большого совершенства. Для метания грегорианского огня употреблялись медные котлы, т. е. мортиры примитивного устройства. Из хода осад, предпринятых Тамерланом, видно, что ему были известны почти все способы, употреблявшиеся греками и римлянами для овладения крепостями; 4) для действий в горах Тамерлан имел особого рода пехоту, составленную из горских жителей.

Войска, как и у Чингис-хана, были разделены на десятки, сотни, тысячи, тюмени (10000 или 12000 отряды) и пр., предводимые десятниками, сотниками, тысячниками и эмирами.

---

* Все вошедшие в настоящее приложение к гл. VII статьи составляют извлечения, а частью сокращенный пересказ соответствующих глав сочинения М. И. Иванина, стр. 2, 147, 174 и 203.

** Возможно, что ездящая пехота, а также конница драгунского типа имелись в составе Чингисовых армий, но тогда эти рода войск еще не настолько дифференцировались от основных типов, чтобы заслуживать особого упоминания.

Вооружение и походные запасы, производство в чины, власть начальников и жалованье

Тамерлан требовал, чтобы во время войны простые конные воины или легкая конница имели для похода лук, колчан со стрелами, меч или палаш, пилу, шило, иглу, веревки (ременные), топор, 10 наконечников для стрел, мешок, турсук (бурдюк), две лошади; сверх того каждые 18 человек должны были иметь кибитку (шатер из войлока).

Отборные воины, или тяжелая конница, были вооружены шлемами, латами, мечами, луком и стрелами; каждый из них должен был иметь по две лошади и каждые 5 человек по одной кибитке.

Кроме того, были особые отряды воинов, вооруженных палицами, секирами, саблями, а лошади их покрыты тигровыми кожами. Эти воины, вероятно, составляли телохранителей Тамерлана.

Тысячники и эмиры, кроме лично присвоенного им вооружения, должны были возить с собой значительные запасы оружия для снабжения им простых воинов. Запасы эти перевозились на вьючных лошадях и верблюдах.

Пехотный воин должен был иметь меч, лук, несколько стрел, но в случае предстоящих сражений число стрел предписывалось особым повелением.* Пехота была только легкая.

Закон Чингис-хана, повелевавший перед выступлением в поход или перед сражением осматривать войска, их оружие и вообще все, что воины должны были иметь с собою, Тамерлан соблюдал во всей строгости.

В каждом десятке из отборных воинов выбирался тот, кто соединял благоразумие с мужеством, и после согласия девяти других делался десятником.** Тысячник обыкновенно избирался из детей эмиров или князей, но из лиц, зарекомендовавших себя искусством в военном деле и храбростью. Каждый начальник имел своего помощника, который в случае надобности замещал его.

Десятники имели право принимать на службу в воины для пополнения некомплекта в своем десятке; сотники могли утверждать в должности десятников, выбранных их товарищами, а тысячники — сотников. Власть начальников состояла в наказании непослушных, в изгнании тех, которые нарушали долг службы, и в замещении их. (Судя по этому перечню, начальникам, по-видимому, не было предоставлено право наказывать своих подчиненных смертью). Тамерлан не любил телесного наказания и запрещал его, говоря, что начальник, власть которого

---

* В походе против Тохтамыша велено было иметь по 30 стрел на человека. Крымские татары при набегах на Польшу и Украину имели в колчанах от 18 до 20 стрел. Из сделанного Бопланом описания вооружения и боевых приемов крымских татар XVIII века видно, что у них в его время сохранились еще многие учреждения Чингис-хана.

** Таким образом, это были не выборы в строгом смысле слова, а нечто вроде баллотировки предложенного кандидата.

Тамерлан, или Тимур-бек,
император из династии Юань

слабее кнута и палки, не достоин сана, им занимаемого. За ослушание, трусость, нарушение дисциплины применялись наказания, установленные "Джасаком" Чингис-хана; трусов, прежде чем подвергнуть положенному наказанию, наряжали в женское платье, румянили и, привязав к хвосту осла, водили в таком виде по людным местам.

Простые воины могли достигать званий десятника и сотника: высшие должности замещались представителями дворянства, а простолюдинам они были доступны лишь в случае оказания ими каких-либо выдающихся подвигов.

Жалованье определялось не в монетных единицах, а в лошадиных ценах. Десятник получал жалованье в десять раз больше, чем у рядового воина: из этого видно, какое значение придавалось этой должности, соответствующей нашему младшему унтер-офицеру (командиру отделения в пехоте). Сотники получали жалованье, равное двойному окладу десятника; тысячники — втрое больше сотников.* За маловажные проступки делались вычеты из жалованья.

Были установлены награды воинам за оказанные отличия: похвалы, прибавки жалованья, подарки, увеличение доли при раздаче добычи, повышение в чине, пожалованье почетных прозвищ (багатур и т. п.). При отличиях, оказанных целыми частями войск, им жаловались литавры, знамена и т. п.

Начала регулярности в войсках Тамерлана

Начало это выражалось в постоянстве войсковой организации, в правильности построений войск, в их дисциплине, а также в форменных отличиях различных частей войск и однообразии масти лошадей в конных частях.

Пехота назначалась для действий на местности, неудобной для боевой работы конных масс; она же охраняла армию на походе при движении в горах и лесах. Кроме того, она находила применение в действиях в сфере крепостей.

Тактические правила Тамерлана и его боевые порядки

Отряд, не превышавший 12000 коней, для боя делился обыкновенно на девять частей (неодинаковой силы), а именно: главный корпус, или резерв, составлял одну часть (силою от $^1/4$ до $^1/2$ всего отряда), правое крыло — три части, левое — столько же, авангард — одну часть, передовые посты — также одну часть. Каждое из крыльев состояло из трех частей: своего (частного) авангарда, правой половины и левой половины.

Крылья строились по обе стороны общего авангарда, уступами позади него; в отношении общего резерва они находились уступами

---

* В войсках Чингис-хана жалованья никому не полагалось. См. Иванин М. И. Указ. соч. С. 30

впереди. Общий и частные авангарды составлялись из легкой кавалерии, главные силы крыльев — из драгун, общий резерв — главным образом из тяжелой конницы с придачей легкой конницы в пропорции около 1:4.

Для сражения выбиралось обширное и ровное поле: отряд ставился по возможности в такое положение, чтобы солнце не било ему в глаза. При движении на неприятеля требовалась точная выдержка направления и сила удара; легкие войска подготовляли его своим метательным оружием.

Сражение начиналось с метания стрел и дротиков войсками аванпостов, затем авангарда. Если по обстановке оказывалось необходимым поддержать последний, в дело вступал авангард одного из крыльев, далее по порядку, одна из половин этого крыла и потом другая; при дальнейшем развитии боя в него подобным же образом вступало другое крыло.* Если все эти усилия оказывались недостаточными, эмир должен был с главными силами, т. е. с резервом, броситься на неприятеля сам с полной уверенностью, что девятая атака, по своей сокрушительной силе подобная девятому валу разъяренной морской стихии, доставит победу.

В то время, когда войска почти всех народов, не имея правильного строя, сражались толпою, будучи увлекаемы в бой примером и усилием своих храбрых начальников, Тамерлановы полки, правильно построенные в несколько линий, представляли гибкий боевой порядок, обеспечивавший возможность планомерного развития боя и повторения ударов. Наличие мощного общего резерва, который вводился в бой по достаточном разъяснении обстановки, позволяло выбрать для главного удара наиболее чувствительную для противника точку. Составленный из лучших войск и вводимый в дело массой он, таким образом, решал победу. С другой стороны, если бы завязка боя обнаружила и у противника большое превосходство сил или труднодоступную позицию, то тот же боевой порядок давал возможность уклониться от боя, выведя из него большую часть сил нетронутыми.

Сам гений войны, казалось, подсказал Чингис-хану и Тамерлану вышеуказанный способ ведения боя, удивительно приспособленный к условиям азиатских степных театров войны. Он так хорошо придуман, что почти все сражения той эпохи были решительны и наносили совершенное поражение неприятелю монголо-татар.

Для корпуса от 12 до 40 тысяч конницы

Далее приводится чертеж боевого порядка для 40-тысячной конницы.** Боевой порядок конной армии силою до четырех тюменей был

---

* Разумеется, в зависимости от обстановки последовательность вступления в бой частей боевого порядка могла быть и иная.

** Ген. Иваниным приведены чертежи Тамерлановых боевых порядков не только для армий этой численности, но также для 12-ти и 100-тысячной конницы, но так как по существу все эти порядки одинаковы, то мы ограничиваемся приведением лишь одного из них, для единицы средней величины, тем более, что в войны, веденные Чингис-ханом, массы конницы, введенные в дело в одном бою, обыкновенно не превышали цифры 40000 бойцов.

следующий: войска разделялись на 14 частей; из коих одна, вероятно не менее 1/8 всей армии, под личным начальством полководца составляла резерв; по 3 части назначалось на правое и левое крылья, составляя вторую линию, из них по одной было в частных авангардах, а две другие составляли правую и левую половину каждого крыла; впереди авангарда каждого из этих крыльев 2-й линии ставилось еще по три части, составлявшие первую линию; из них по одной также отделялось в авангарды; впереди интервала между крыльями выставлялся главный или общий авангард, в который назначалась легкая кавалерия, состоящая из неустрашимых и опытных воинов; они должны были с большим криком бежать и приводить в беспорядок авангард неприятеля; впереди авангарда выставлялись аванпосты*. Частные авангарды крыльев составляются равным образом из легкой конницы (которая входит также в состав резерва в пропорции около 1:3.) Главные силы крыльев состоят из драгун. Ударную массу общего резерва составляет вся тяжелая конница.

Дело завязывалось авангардом, предшествуемым стрелками, составлявшими передовые отряды. В этом боевом порядке особенно выступает демонстративная роль общего авангарда, который своими смелыми действиями, очевидно, должен был ввести в заблуждение неприятеля относительно своих сил, с тем чтобы за образуемой им завесой, которая, вероятно, раздавалась вправо и влево для маскировки большей части фронта всего боевого порядка (лава), — остальные части его могли производить необходимые по обстановке маневры. Главный авангард постепенно подкреплялся авангардами 1-й линии, потом частями той же линии; если эти семь атак не решали битвы, то вводились в бой части 2-й линии и, наконец, общий резерв (3-я линия).

Для целой армии

Боевой порядок конной армии силою более 40000 всадников от двух предыдущих отличается тем, что в нем третья линия, или, что то же — общий резерв, составляющий около половины всех сил, состоит не из одной, а из трех отдельных групп; причем наиболее сильная из них, центральная, имеет в своем составе 40 полков** отборной, исключи-

---

* В этом перечне аванпосты почему-то не посчитаны в виде особой части боевого порядка, как было сделано в описании боевого порядка для 12-тысячной конницы. Следует, однако, думать, что цифра 14 (частей боевого порядка) не была неизменной, а колебалась в известных пределах в зависимости от силы армии. Тамерлан, а подавно Чингис-хан слишком хорошо понимали, что держаться шаблонно нельзя.

** Эта цифра — 40 полков (тысяч) — соответствует, вероятно, общей численности армии, примерно в 100000 всадников.

тельно тяжелой кавалерии, а два фланговые, более слабого состава, образованы из трех видов конницы приблизительно поровну. В первых рядах центральной группы помещалось главное знамя Тамерлана; этой группой он командовал непосредственно. Главный авангард этого боевого порядка имеет еще свой особый авангард (или передовой отряд), независимо от линии аванпостов. Ведение боя происходило подобно тому, как и при единицах меньшей силы, т. е. оно было основано на питании боя из глубины и на повторении ударов.

В данном случае, как и в двух предыдущих, обращает на себя внимание *пустота* в центре боевого порядка, прикрытая только сравнительно слабым общим авангардом. Точно неизвестно, имел ли Тамерлан в виду ослаблением своего центра завлекать неприятеля внутрь боевого порядка, чтобы вернее окружить и истребить его, или умышленно растягивал фланги, имея сильные резервы (когда прочие народы того времени почти не знали их), чтобы заставить неприятеля также растянуться и потом рвать резервом его центр или бить противника по частям. Вернее, что порядки эти при фактическом ведении боя не имели строго обязательного значения, представляя лишь типы, средние нормы для руководства, от которых, как видно по имеющимся примерам действительных боев, сам Тамерлан допускал отступления в широких пределах.

При соответствующих условиях местности в состав боевого порядка входила и пехота (в некоторых сражениях также и боевые слоны); при действиях же на местности степного характера, когда применялись боевые порядки описанных типов, в которых места пехоте не указано, она употреблялась, вероятно, для обеспечения тыла, для обороны лагеря и для прикрытия заводных лошадей, которые в предвидении боя сдавались в обоз.

О способности кочевых народов к войне вообще и к малой в особенности

Кочевая жизнь развивает необычайную память местности и изумительную зоркость. Нынешний монгол или киргиз за 5—6 верст замечает человека, спрятавшегося за куст или камень и выглядывающего из-за них. Он на дальних расстояниях распознает дым от разложенного костра, пар кипящей воды и т. п. Различает животных, людей за 25 верст на равнине, зверей, когда воздух прозрачен*. Слух у кочевых народов также гораздо тоньше, чем у оседлых.

При этих условиях из кочевников легко образовать превосходную легкую конницу, тем более, что они не требуют обучения верховой езде и умению обращаться с лошадью. При Чингис-хане и Тамерлане в

* Медицина, именно учение о глазах, доказала, что узкий глаз степняка, подобно суженной диафрагме объектива или микроскопа, приспособлен на дальнозоркость и ясность. Всюду кругом степной горизонт до бесконечности, что развивает у степняка дальнозоркость. Городской же житель имеет большие глаза, как открытая диафрагма, и близорук.

военных действиях принимали участие мальчики, начиная с 12 или 13 лет, так как уже в этом возрасте они были отличными стрелками из лука и вполне пригодными для действий малой войны, для службы при обозе, при заводных лошадях и т. п.

Но история показывает, что из кочевников можно было образовать не только легкую конницу, но и тяжелую и среднюю. Конницу эту не могли остановить ни горы, ни реки; она побеждала и превосходную пехоту янычар, и индийскую пехоту, поддерживаемую слонами, грегорианским огнем, ракетами, (и тяжелое западное рыцарство). Эти конные войска, предводительствуемые Чингис-ханом и Тамерланом, переходили высокие горные хребты, леса и топи, и потому надобно признаться, что мысль о всемирном завоевании или преобладании никогда не была ближе к исполнению, как при этих завоевателях.*

---

* Последний абзац, за исключением заключенного в скобки, дословно по Иванину,стр. 169.

ЧАСТЬ II

XI. ПОХОД МОНГОЛОВ НА ЕВРОПУ

Два года после смерти Чингис-хана прошло в положенном трауре. По прошествии этого срока в 1229 г. временным правителем монархии, младшим сыном почившего императора Тулуем был созван Курултай для выбора нового императора и для обсуждения различных государственных вопросов. Курултай согласно воле покойного утвердил Великим императором Угедея, третьего сына Чингис-хана. Угедей в течение сорока дней упорно отказывался от престола, пока, наконец, его не уговорили Тулуй со старшими князьями, воеводами и вельможами, ссылаясь на выбор самого Чингис-хана. Первым простерся ниц перед новым каганом его старший брат Чагатай, что его уговорил сделать для примера прочим мудрый Элюй-Чуцай.

То обстоятельство, что первые два года после смерти Чингис-хана при временном правительстве прошли для империи в полном спокойствии, а также то, что вступление на престол Угедея не вызвало никаких усобиц или волнений, свидетельствует о том прочном и строгом административном порядке, который сумел установить в Монгольской монархии ее великий основатель и законодатель. Самый выбор им в свои преемники Угедея, помимо старших братьев, что было вовсе не в обычае монголов, был чрезвычайно удачен, так как Угедей действительно превосходил своих братьев умом, характером и государственными способностями и в течение своего кратковременного царствования показал себя одним из наиболее гуманных и просвещенных императоров Чингисова рода.

Оставленное Чингис-ханом громадное государство еще в последние годы его жизни было разделено на четыре удела по числу его сыновей от главной жены Борте. Джучи получил северо-западный удел от Алтая до Урала; на юге удел этот простирался до Амударьи и Аральского моря. Джагатаю достались земли к югу от Амударьи — часть Туркестана, Афганистан и Персия, а также и Закавказье. Угедей получил всю западную часть собственной Монголии, Джунгарию и Восточный Туркестан. Наконец, долю Тулуя составили земли найманов, восточная

часть собственной Монголии, земля тангутов и завоеванная часть Цзиньского государства. Царевичи управляли своими уделами на правах наместников императора.

Из наличного к моменту смерти Чингис-хана состава армии в 129000 человек перешло по его завещанию в распоряжение Тулуя 101000 человек, в том числе и гвардейская "тысяча багатуров", которой командовал Цаган из племени тангутов, взятый Чингис-ханом в плен в возрасте 15-ти лет и воспитанный вместе с его сыновьями от Борте, почему Чингис-хан называл его "пятым сыном". В числе отошедших к Тулую войск имелось также 4000 человек из племени дербен-ойрат под начальством Хотуга-беки, которому ввиду заслуг его племени перед империей было предоставлено право замещать в своем отряде должности беков (начальников, командиров) до тысячников включительно собственной властью.*

Тысяча Ураджи не ходила на войну, а по завещанию Чингис-хана должна была охранять великое запретное место на горе Бурхан-Халдан, где покоились его смертные останки.

Всем остальным наследникам вместе было завещано 28000 человек войска, в том числе Джучи 4000 человек и 9000 кибиток с тремя беками. К ним присоединилось много войск из "русских", черкесских, кипчакских, маджарских и других народов, присоединенных к ним впоследствии, добавляет историк Рашид-ад-Дин.**

На большом Курултае были обсуждены три важные задачи, которые предстояло исполнить наследникам Чингис-хана: 1) закончить покорение Северного Китая; 2) устранить появившегося из Индии и успевшего завоевать часть Восточного Ирана султана Джелал-ад-Дина (сына Мухаммеда), выставившего претензии на персидский престол; 3) поход на Европу.

Дела монголов в Китае были к тому времени не блестящи. После смерти Мукали они потеряли там значительную часть завоеваний Чингис-хана. В новом китайском походе армией начальствовал лично Угедей-хан при ближайшем сотрудничестве своего даровитого брата Тулуя и старого испытанного сподвижника их отца — Джебе-нойона. Цзиньцы потерпели ряд поражений в поле, но продолжали упорно защищаться в крепостях. Победа стала определенно склоняться на сторону монголов, когда, благодаря союзу с Сунской державой, оказалось возможным выполнить предсмертные указания Чингис-хана. В

---

* Ойраты были в войсках Чингис-хана и участвовали с ним во всех походах. Нужно заметить, что к ойратам, которые в настоящее время живут в Джунгарии, принадлежат и калмыки, живущие теперь, как самая западная ветвь монголов, между Волгой, Доном и Сев. Кавказом: астраханские, ставропольские и донские калмыки, теперь — автономная Калмыцкая область. Название "калмыки" получено ими на юге России после того, как большая часть ушла с Убуши-ханом обратно в Джунгарию (при Екатерине II).

** Березин И. И. Указ. соч.

1235 году династия Джурдженей пала, и Золотое царство, за исключением некоторой части, которую пришлось уступить союзникам, окончательно вошло в состав Монгольской империи.

К войне с Джелал-ад-Дином было приступлено тогда, когда война с цзиньцами приняла благоприятный для монголов оборот. Дело это было поручено полководцу Чермагону, который без больших усилий вернул все потерянные монголами завоевания. Разбитый претендент Джелал-ад-Дин бежал к курдам и был ими убит. Впоследствии монголы распространили свое владычество на Северный Индостан, где в городе Дели была основана покорителем его султаном Бабуром, монголом, так называемая династия "Великого Могола": Азербайджан, Курдистан, Закавказье и часть Анатолии также вошли окончательно в состав Монгольской империи. Настало время приступить к выполнению третьей задачи — к завоеванию Европы.

Поход в Восточную Европу был решен еще после набега, произведенного в 1222 и 1223 годах, причем было предопределено, что завоеванные в Европе земли отойдут к уделу Джучи. За смертью последнего этим уделом владел его сын Батый,* которому, таким образом, принадлежала главная роль в намеченном предприятии. Кроме Батыя, из дома Чингис-хана в походе приняли участие его двоюродные братья Гуюк, сын Угедея, и Мёнкэ, сын Тулуя, а также сыновья Джагатая Бандар и Кадан. Батый был облечен званием главнокомандующего, в помощь ему был дан Субедей, как уже побывавший в Восточной Европе, а потому хорошо знакомый с местными условиями. Все это было решено на Курултае, созванном в 1235 г. по окончании цзиньской кампании. К предстоящему походу производилась тщательная подготовка в течение двух лет.

Ничего не подозревавшие о собиравшейся грозе, которая должна была разразиться над ними первыми, русские князья продолжали свои усобицы, о чем монголы были прекрасно осведомлены. Полученный на Калке грозный урок был забыт легкомысленными наследниками Святого Владимира.

Разведка монголов, нити которой сходились у Субедея, не ограничивалась одной Восточной Европой, как ближайшим объектом действий: она уже успела протянуть свои щупальцы далеко на запад. Через венецианцев Субедей был в сношениях с самыми разнообразными общественными слоями Европы и, по мнению подполковника Рэнка, сам папа не был для него недоступен. "Надеялся ли папа на свой нейтралитет, на предоставление ему свободы действий по обращению тюркской Азии в христианство?.. Во всяком случае достоверно одно, что он медлил (с) объявлением священной войны и решился на этот шаг только тогда, когда уже было слишком поздно и народы Запада открыто обвиняли его в том, что он призвал монголов на Римского (германского) императора".**

---

* Правильнее Бату.

** Рэнк. Указ. соч. С. 29.

Но об этих событиях речь еще впереди, а пока мы видим монголов в период деятельной подготовки к походу в Россию. Генерал Иванин полагает, что последующие успехи и завоевания Батыя были, как и победы его деда Чингис-хана, плодом не столько дикой храбрости и многолюдства, сколько хорошего устройства войск, их тактической подготовки, а также искусных соображений высшего монгольского командования — соображений, основанных на верных сведениях о противнике. Сведения эти, как было сказано в главе VI, собирались через так называемых "юртаджи",* — офицеров генерального штаба. "По свидетельству Плано Карпини, монголы предполагали завоевать Европу в 18 лет; это показывает, что уже заблаговременно были собраны сведения о Европе и составлен план этого завоевания".** Таким образом, так называемое монгольское или татарское "нашествие" на Россию было организованным военным походом. Направляющим умом этого похода, как и последующего европейского, был Субедей, о котором в этом смысле и говорится у некоторых писателей, что он заведовал у Батыя "военно-оперативной частью". Выражение это следует понимать, конечно, в более широком смысле, чем придается ему в современной терминологии, относящейся к организации штабной службы в крупных войсковых соединениях.

О численности назначенной для похода в Россию армии точных сведений не имеется. Военная сила ее едва ли превышала цифру 230000, выставленную Чингис-ханом для войны в Средней Азии, цифру, представлявшую в то время максимальное военное напряжение Монгольской империи. Правда, с тех пор прошло около 17 лет, в течение которых границы империи раздвинулись, и число ее населения увеличилось, но зато являлась и необходимость в более надежном обеспечении новых границ на востоке (Китай) и на юге (Персия), где только были закончены обширные военные предприятия и имелись налицо непокоренные еще соседи: империя Сунов и Индия.

Русская летопись повествует о "несметной силе" приведенных Батыем на Русь полчищ,— такой силе, что под его войском "дрожала и стонала земля". Эту оценку скорее следует отнести к весьма естественному для данного случая преувеличению сил победоносного врага. Впрочем, ген. Иванин допускает, что Батыева рать достигала численности 600000 человек, но эта цифра, по-видимому, отнесена им не столько к походу в Россию, сколько к среднеевропейской кампании 1241 г., когда Батый после двухлетнего пребывания в южно-русских степях и упрочения своего господства во всей Восточной Европе мог действительно усилить свою армию за счет покоренных племен, в числе которых имелось много подходящих для монгольских армий кочевых элементов.

---

* От слова юрта: кибитка, кочевье. В мирное время они выведывали места, лучшие для кочевий в смысле корма и воды, а в военное время — их обязанность была разведка неприятеля.

** Иванин М. И. Указ. соч.

Это особенно явствует из разбора ген. Иванина племенного состава Батыевой армии, который приводит его к заключению, что в составе ее имелось всего 164000 монголов и представителей племен, "покоренных еще Чингис-ханом". Но так как в девятилетний период от смерти Чингис-хана до начала похода в Россию больших завоеваний в пределах Джучиева удела совершено не было, то, конечно, к 1236 году невозможно было набрать 400000 человек из "вновь покоренных" племен. Это могло состояться лишь к концу 1240 г., т. е. ко времени окончания покорения Восточной Европы. Кроме того, в цифре 600000* следует, вероятно, считать не только "бойцов", но и большое число "нестроевых", состоявших при армии.

Вернее предположить, что в выступившей в 1236 г. на покорение России армии Батыя числились от 122 до 150 тысяч человек боевого элемента, что и без того должно было обеспечить ему достаточное превосходство в борьбе с разбросанными силами русских князей. Большую часть Батыевой армии составляли мусульмане из населения удела Джучи; но были в ней и войска братьев покойного Джучи — Джагатая, Тулуя и самого Великого хана Угедея, т. е. собственно монголы, составлявшие около *одной трети всех сил*. Но, разумеется, на командных должностях процент был значительно выше, и вообще монголы в лице монгольских и иных частей, соединенных в более крупные массы или вкрапленных в небольшой доле в инородческие войска, составляли цвет армии Батыя и ее остов, придававший ей устойчивость и с которым постепенно и умело ассимилировались немонгольские части.

Армия выступила ранней весной 1236 года с верховьев Иртыша и с Западного Алтая. Пройдя широким фронтом через исторические Урало-Каспийские ворота, она в июне была уже на Волге. Здесь с частью ее сил был отделен Субедей для наказания камских болгар, с которыми монголы имели счеты еще со времени набега 1223 г. А именно тогда при прохождении около границ болгарской земли отряд Джебе и Субедея подвергся с их стороны нападению и понес урон.

За это им было теперь жестоко отомщено. По историческим данным они подверглись почти поголовному истреблению, и только небольшому числу нарочно оставленных в живых была предоставлена возможность бежать перед монголами, распространяя весть об участи камских болгар. Такая жестокость в самом начале похода диктовалась, конечно, не одной только жаждой мести, но и желанием внушить спасительный страх будущим противникам.

Однако в данном случае система эта не произвела ожидаемого действия: при дальнейшем наступлении в пределы русских княжеств монгольская рать всюду встречает упорное сопротивление, а на требования Батыя покориться князья отвечают избиением монгольских послов, как было в Киеве, куда Батый снарядил посольство с царевичем Мангу во главе.

---

* Иванин М. И. Указ. соч. С. 180.

Монголы в 1237 г. во главе с Батыем пришли в русскую землю искать уже не друзей, как было в 1223 г., когда они пришли во главе с Джебе и Субедеем, а данников и рабов.

Пока Субедей расправлялся с болгарами, Батый с главной силой завоевал земли половцев, буртасов, мокшан, мордвы и черкесов, завладев к 1237 г. всем степным пространством от Каспийского до Азовского морей — до южных границ тогдашней Руси. Здесь в прекрасных с точки зрения степняка и скотовода южно-русских степях армия Батыя провела почти весь 1237 г.

К началу зимы монголы вторглись в пределы Рязанского княжества. Нанеся рязанским князьям, никем из своих сородичей не поддержанным, сокрушительное поражение в поле, они взяли Пронск и осадили Рязань, которая 21 декабря 1237 г. после шестидневной осады пала под ударами батыевых полков.

Далее Батый ведет глубокой зимой наступление в Северную Россию, что опять-таки свидетельствует о замечательно правильной оценке местных и климатических условий, так как только в это время года наступление армии могло не считаться с серьезными естественными препятствиями этого района: реками, озерами, болотами и лесами, а также с примитивными путями сообщения, удобными для движений только по установлении зимнего пути.

Но не было ли бы правильнее по стратегическим соображениям сначала обратиться против южных русских княжеств и, только покончив с ними, открыть поход против северных? На этот вопрос ген. Иванин отвечает отрицательно, и нельзя с ним не согласиться в данном случае. Если бы Батый напал сначала на Южную Россию, то княжества Северной России, более сильные сравнительно с южными, успели бы лучше приготовиться к отпору, а войска южных князей могли, не принимая боя, отступить на север, усилив своими войсками ополчения своих северных сородичей. При этом условии сопротивление последних могло затянуться до весенней распутицы, и тогда конница Батыя — не следует забывать, что вся армия его была конной,— очутилась бы в самом затруднительном положении. Направление же наступления сразу на северных князей давало надежду покончить с ними одним коротким ударом. Конечно, зимний поход представляет и свои неудобства, из коих главное — отсутствие или недостаток подножного корма, но зато зимою можно рассчитывать найти у оседлого населения запасы продовольствия и сухого фуража, а активная крепостная война в эту пору легче, так как обороняющемуся труднее производить земляные работы и крепостные рвы замерзают или заносятся снегом.

Итак, после взятия Рязани Батый пошел на Коломну, где нанес русским новое поражение. Овладев без труда Москвой и разграбив имевшиеся там товарные склады, монголы повернули к стольному городу Владимиру, к которому подступили 3 февраля 1238 г. Четыре дня спустя он был взят. Своим маневром от Рязани на Москву и уже оттуда на Владимир Батый обходил правый фланг самого сильного из своих врагов — Суздальского великого князя Юрия, отрезывая его от

путей отхода на север, где он мог соединиться с войсками Великого Новгорода и Пскова. Для обеспечения же собственного фланга от возможного удара с этой стороны Батый выслал особый отряд к Торжку.

Для возможности базирования на севере суздальская рать принуждена была искать кружных путей, для чего отошла к р. Сити, заняв там позицию, находящуюся, вероятно, на границе нынешних Тверской и Ярославской губерний, на дороге из Углича в Бежецк. Но, как говорит ген. Иванин, "быстрота и искусство движений Батыя расстроили предположения" великого князя.* Он и там оказался обойденным справа и был принужден 4 марта принять бой в самых невыгодных условиях. Битва на р. Сити окончилась полным поражением и почти поголовным истреблением суздальской рати с её великим князем и вождем во главе. Для оценки энергии действий Батыя необходимо еще заметить, что в период от взятия Владимира до битвы на Сити он успел овладеть всеми крепкими городами самого сильного из русских княжеств — Владимирского (Суздальского).

После победы монголов на Сити быстро пали Торжок и Тверь. Батый шел на Великий Новгород, причем опять дал своей операционной линии такое направление, чтобы не допустить соединения ополчений новгородских с псковскими. Однако наступившие признаки близкой оттепели побудили его в конце марта, не дойдя до Новгорода верст 200, повернуть обратно на юг.

М. И. Иванин находит это решение Батыя соответствующим действительной обстановке, приводя в пользу своего мнения следующие соображения:

"К Новгороду же он мог успеть в половине апреля, а в этой местности иногда и в марте реки и озера вскрываются, и делается непроходимая ростепель. Монголы прошли от Рязани... не менее 1000 верст** по снегу, большею частью неутоптанному. Только конница степных народов могла выдержать такой поход, но и та, вероятно, много потерпела; впереди ей предстояли не меньшие затруднения, трудное движение в самую ростепель, леса, болота новгороские, осада обширного воинственного города, влажные (непригодные для корма степных лошадей) травы окрестностей Новгорода, от которых неминуемо произошел бы падеж степных лошадей; продовольствование многочисленной армии... в случае продолжительной осады представило бы неодолимые затруднения... Итак, он должен был понимать всю опасность своего положения, когда, не дойдя около 200 верст до Новгорода... и выпустив из рук такую богатую добычу, какую представляли торговые города Новгород и Псков, повернул свои полки назад. Может быть также, что и богатый в то время

---

* Иванин М. И. Указ. соч. С. 112.

** Считая только главные направления. Разным отрядам особого назначения пришлось, наверное, пройти значительно бо́льшие расстояния.

торговый город Смоленск был обязан своим спасением тем же причинам.*

Об обратном движении Батыя на юг наши летописи дают лишь весьма скудные сведения. Только из сохранившегося сказания о шестидневной геройской обороне Козельска известно, что маршрут монгольской армии пролегал через этот город, направляясь далее в землю половецкую к притокам и низовьям Дона.

Так же скудны сведения о дальнейших действиях Батыева войска. По-видимому, после похода в Северную Россию он дал своей армии продолжительный, до двух лет, отдых в южно-русских степях, между прочим, пользуясь этим перерывом в военных действиях для ремонта конского состава, который должен был понести большие потери в предыдущую зимнюю кампанию. При более благоприятных местных и климатических условиях Южной России завоевание княжеств этого района не потребовало, вероятно, от монголов больших усилий.

Время взятия ими Чернигова, одного из сильнейших городов южных княжеств, в летописях не означено. Известно только, что при осаде его монголы метали в город огромные камни. По-видимому, завоевание Южной России было произведено в такой последовательности, что из степей Батый шел сначала на Глухов и Чернигов, а уже оттуда на Переяславль и Киев. Таким образом, южно-русские степи являлись для армии Батыя базой, где имелись все условия для отдыха и откорма конского состава.

В 1240 году подступила к Киеву монгольская рать огромной силы, надобность в которой вызывалась не столько ожидаемым сопротивлением со стороны "матери городов русских", которое не могло быть велико, сколько предположением об открытии оттуда похода в Среднюю Европу. И действительно, в Николин день (по мнению одних историков — 9 мая, других — 6 декабря) 1240 года Киев пал под ударами кочевников после непродолжительной осады. Город был разрушен, население его истреблено.** После этого монголы овладели галицкими княжествами и выдвинулись в предгорья Карпат.

Покорение русской земли завершилось.

Разгромив русских князей, обложив их данью и принудив к полной покорности, Батый мог приступить к грандиозному предприятию завоевания остальной Европы, не опасаясь за свой тыл. Политическая обстановка благоприятствовала этому предприятию, так как владетели европейских стран раздирались нескончаемыми распрями, а папа, который своим авторитетом мог бы объединить их для борьбы с общим

---

* Иванин М. И. Указ. соч. С. 114—115. Отказавшись от взятия Новгорода, Батый оказался дальновиднее Наполеона в 1812 г., который, соблазнившись занятием Москвы, этим предуготовил гибель великой армии.

** Жестокость в данном случае объясняется тем, что монгольское посольство из 10-ти человек во главе с принцем из дома Чингис-хана было перебито.

азиатским врагом, как мы видели, медлил с произнесением своего веского решения.

На военном совете, собранном Батыем по достижении монгольской армией Карпат, вожди решают вопрос о дальнейшем наступлении в глубь Европы положительно. Имелся и предлог для такого вторжения. Венгрия дала приют князю Куну с его 40000 остатком бежавших перед монголами половцев, которых они считают своими данниками и рабами. Батый предъявляет венгерскому королю Белу IV ультиматум с требованием выдачи ему укрывшихся в королевстве половцев, угрожая в случае неисполнения войною. Бела отклоняет требование, и решение спора переходит к оружию, причем, монголы без всякого стеснения сферу его применения распространяют и на соседние с Венгрией страны, справедливо оценивая неудобство оставления на флангах своей операционной линии посторонних вооруженных сил, в дружественных намерениях которых они едва ли могли быть уверены.

В Польшу отряды частью для разведки, частью для грабежа посылались еще из-под Киева; один из них доходил в 1240 году до Люблина, откуда вернулся с добычей через Галицию в Киев. Другой разграбил Сандомир и подходил к Кракову, но здесь потерпел неудачу. Таким образом, правый фланг нуждался в надежном обеспечении. С этой целью выделяются два сильных отряда (частные армии): один в Польшу, другой в Силезию и Моравию. Для прикрытия слева высылается такой же отряд через Трансильванию. Главные силы под личным предводительством Батыя наступают из-под Киева кратчайшим путем на Будапешт, пересекая Карпаты. Действия боковых отрядов должны были облегчить им форсирование этой оборонительной линии. К окончательной развязке в Венгрии боковые отряды должны были присоединиться к главным силам.

Все эти задачи были успешно выполнены. Назначенный для вторжения в Польшу отряд, предводимый царевичем Бандаром, которому, по-видимому, подчинялся и отряд, направленный в Силезию и Моравию, нанес полякам решительное поражение под Шидловым; после этого монголы взяли и сожгли Краков, переправились через р. Одер и повели наступление на Бреславль. Город был брошен и сожжен своим же населением, но цитадель его оказала упорное сопротивление. Получив сведения, что против его отряда собираются большие силы у Лигница, на р. Кацбах, Бандар снимает осаду Бреславльской цитадели и, сосредоточив силы обоих подчиненных ему отрядов, выступает навстречу полевой армии противника, достигавшей численности 30000 чел. После ожесточенного боя 9 апреля 1241 г. под Лигницем, в котором погиб цвет немецкого и польского рыцарства, но и монголы понесли тяжкие потери, победа осталась на стороне Бандара. Был момент во время боя, когда победа склонилась было на сторону рыцарей, но монголы, не потерявшись, вырвали ее у неприятеля, применив прием, о котором с удивлением пишут как польские, так и немецкие летописцы, потому что европейцам он представлялся совершенно необычайным, между тем как у монголов это вещь самая заурядная. Это был способ заманивания

противника притворным бегством, с тем чтобы после того, как он при преследовании потеряет порядок и разбросается, внезапно напасть на него и разбить по частям. Этот прием монголы и применили в данном случае с таким успехом, как и при битве на р. Калке с русскими князьями. Победа монголов над рыцарями знаменательна тем, что под Лигницем выявилось превосходство военного искусства Азии над Западной Европой, так как монголы были у себя в Азии первыми, а рыцари — в Западной Европе. Эта победа монголов над рыцарством доказала полную возможность завоевания монголами всей Западной Европы.

Таким образом, Польша и поддержавший ее немецкий Тевтонский орден были выведены из строя Батыевых врагов. Разорив окрестности Лигница, монголы вторглись в Моравию, предав ее всю огню и мечу до границ Чехии. Не отваживаясь на вступление в бой с неприятелем в поле, чешский король Венцеслав (Вацлав) покидает свою страну, надеясь организовать оборону вне ее пределов и привлечь на свою сторону союзников. Оборону оставшихся в руках чехов крепких городов Брно и Оломоуца он поручает мужественному воеводе Ярославу из города Стернберга, что тот с успехом и выполняет. Но это не задерживает наступления монголов, так как верные своему оперативному принципу — искать победы в подвижности, они обходят оказывающие им сопротивление крепости, в том числе и Оломоуц, который они уже успели обложить, тщетно требуя его сдачи, и наступают далее на соединение с главными силами Батыя, уже проникшими в самое сердце Венгрии.

Королем Белою IV не было принято достаточных мер для усиления обороноспособности Карпатского хребта и вообще для защиты своего королевства, так что Батый, разбив охранявшие горные проходы слабые венгерские отряды палатина Диониция, легко форсировал в марте 1241 г. эту естественную преграду, проникнув в Венгерскую равнину через так называемые "Русские ворота" (проходы Мункачский и Унгварский), после чего, покоряя попутные города, повел наступление на столицу королевства. Туда же концентрически сходились и обеспечивавшие фланги отряды, которые в июне или в начале июля также проникли в ту же равнину, преодолев окаймляющие ее с севера и юга горные хребты. Южный или левый боковой отряд, находившийся номинально под начальством Кадана, а фактически, вероятно, Субедея, который состоял при молодом царевиче, исполнил свою задачу с таким же успехом, как и северный отряд Бандара, подчинив монгольскому оружию Трансильванию.

Король Бела разослал во все концы своего королевства гонцов с окровавленными шашками наголо с призывом к мобилизации, но она слабо проходила, так как король не был популярен ни у знати, ни у народа. Не помог королю в этом созванный им венгерский собор.

Король Бела с наскоро набранными войсками заперся в городе Будапеште, который представлял весьма сильную по тогдашним понятиям крепость, взятие которой могло потребовать много времени и крови. С другой стороны, монголам нельзя было оставлять у себя в тылу эту

твердыню с ее многочисленным гарнизоном; поэтому задача их заключалась в том, чтобы выманить защитников крепости на равнину. Применением одной из своих обычных военных хитростей им это в конце концов после двухмесячной стоянки под стенами венгерской столицы удалось сделать. Историк описывает,* когда Батый увидел с горки расположение неприятеля, радостно воскликнул : "Эти не уйдут из моих рук, так как они сгруппировались в одну кучку, как в овчарне!". В происшедшем на р. Сайо, притоке Тиссы, решительном сражении в результате искусно примененного монголами, как и в битве на р. Сити, приема обхода неприятельского фланга венгерская армия была уничтожена, от 65000 хорватско-венгерских войск легло 56000, король спасся бегством в Далмацию, а его брат Коломан, герцог Хорватский, был ранен, отчего и умер впоследствии.

После этой победы Будапешт стал легкой добычей монголов и подвергся всем ужасам огня, меча и разграбления. Для преследования бежавшего венгерского короля был назначен отряд Кадана; остальная часть армии устроилась на зимовку в привольных венгерских степях, причем в течение зимы овладела последними из оставшихся в руках венгров городами.

История сохранила нам ценное описание монгольских войск в Венгрии очевидца — ученого архидиакона из Сплита. "Те люди малого роста, но груди у них широкие. Внешность их ужасная: лицо без бороды и плоское, нос тупой, а маленькие глаза далеко друг от друга отстоят. Одежда их, непроницаемая для холода и влаги, составлена из сложенных двух кож (шерстью наружу), так что похожа на чешую; шлемы из кожи или железа. Оружие их — кривая сабля, колчаны, лук и стрела с острым наконечником из железа или кости, которая на 4 пальца длиннее нашей. На черных или белых знаменах своих имеют (бунчук) пучки из конских волос. Их кони, на которых ездят и без седла, малы, но крепки, привычны к усиленным переходам и голоду; кони, хотя не подкованные, взбираются и скачут по пещерам, как дикие козы, и после трехдневной усиленной скачки они довольствуются коротким отдыхом и малым фуражом. И люди много не заботятся о своем продовольствии, как будто живут от самой суровости воспитания: не едят хлеба, пища их — мясо, и питье — кобылье молоко (кумыс) и кровь. С собой ведут много пленных, в особенности много вооруженных куманов (половцев), гонят их перед собой в бой и убивают, как только видят, что они не идут слепо в бой. Сами монголы не охотно идут в бой. Если же кто из них будет убит, тут же его без гроба закапывают. Почти нет реки, которую они не переплыли бы на своих конях. Через большие реки все-таки приходится им переплывать на своих меховых бурдюках (надутых воздухом) и лодках (камышовых плотах). Шатры их из полотна или из кожи. Хотя их огромное полчище, но нет в их таборе ни ропота, ни раздоров, они стойко переносят страдания и упорно борются".**

---

* Klaic Viekoslav. Poviesti Hrvata. Zagreb. 1899.

** См. Klaic V. Указ. соч.

Между тем король Бела 10 месяцев пребывал в Загребе, организуя оттуда борьбу против монголов. Хорватия с частью Далмации входила тогда в состав Венгрии. Бела IV разослал своих послов за помощью по всей Западной Европе: к папе, немецкому царю Фридриху II, в Чехию, Францию и Италию, но получил таковую только от папы, который послал, что мог: свое благословение и письмо, в котором дарует большое отпущение от грехов всем тем, которые возьмут оружие на защиту короля Белы от монголов.

Отряд Кадана на Рождество 1241 г. по льду перешел Дунай и, идя по следам Белы, с необыкновенной быстротой прошел Славонию и Хорватию, где был взят Загреб, откуда успел убежать король, и обложил Далматинскую крепость Клиссу (близ теперешнего Сплита), полагая, что в ней скрывается бежавший король, между тем он был в соседней крепости Трогир, окруженной тогда водой. Монголы послали к крепости гласника, который по-хорватски им крикнул, очевидно с целью разложения: "Передает вам хан Батый, вождь непобедимого войска, чтобы не защищали чужих вам по крови короля и его людей, а передайте неприятеля в наши руки, тогда избегнете его участи и не погибнете напрасно". Тем временем король, не считая себя на материке в безопасности, успел отплыть из Сплита на корабле и едва нашел убежище на маленьких островах Адриатического моря, далее от материка под именем остр. Кралевац, а затем на о. Рабе. Кадан, овладев Клиссою и бросив Трогир, двинулся обратно тем же путем, получив известие о смерти императора Угедея, выделил один отряд на юг и послал по побережью моря; отряд сжег сербские приморские города Свач и Дриваст,* и взял еще города Рагузу (Дубровник) и Каттаро, из коих последний был разрушен монголами, после чего опустошил часть Босны и направился через Албанию, Сербию и Болгарию на присоединение к Батыю. Народ перед монгольской конницей в Сербии и других странах по пути их шествия спасался бегством в горах и непроходимых лесах.

Из главной армии во время ее зимовки был выслан еще отряд в пределы Австрии главным образом в целях фуражировки и глубокой разведки.** Отряд этот, проникнув до города Нейштата, только немного не дошел до Вены, которой таким образом посчастливилось избежать ужасов монгольского нашествия. Отряд был отозван к главной армии, которая к концу зимы двинулась на юг и, переправившись через Дунай, прошла в Болгарию, где к ней присоединился Кадан. Сам Батый с войском в то время ударил на города Острогон, Стольни Биоград (Белград), Веснрим и Джур. Это было в 1242 году.

Там же Батый получил известие о последовавшей в 1241 году смерти императора Угедея. Он собрал совет из царевичей и старших чинов армии для обсуждения вопроса о судьбе завоеванных в Средней

---

* Сербской столицей, по-видимому, был Скадар, а Белград принадлежал Венгрии.

** Смелость рейда этого отряда объясняется сознанием непобедимости монгольской конницы после битвы с русскими, венграми и рыцарями.

Угедей-хан правил с 1229 по 1245 гг.,
третий сын Чингис-хана, после его смерти наследовавший престол.

Европе стран и об участи многочисленных пленных, которых монголы вели с собой, пользуясь ими, между прочим, при осадах и штурмах крепостей. В единомыслии со своим вождем совет, признавая необходимым личное участие Батыя на Курултае для избрания нового императора, решил большую часть покоренных стран предоставить их собственной участи, истребив всех пленных и выведя армию в южно-русские степи. Утвержденное Батыем постановление совета было приведено в исполнение.

Перед выступлением в поход вся армия по приказу Батыя была собрана у устьев Дуная, где ей произведен смотр. Это место было выбрано не случайно. Здесь же на военном совете было решено Молдавию и Болгарию сделать юго-западной границей Батыева удела. Для управления этими двумя землями оставлен полководец Ногай из дома Чингис-хана. В 1248 году власть Ногая признала и Сербия.* За этими пограничными областями простирались горы: Балканский хребет и Трансильванские Альпы, не представлявшие ценности для скотоводов и степняков, почему эти страны были предоставлены самим себе.

Итак, крайней линией достижения монгольской конницы на западе была следующая: на Адриатическом море Каттаро и Клисса, Загреб в Хорватии и Нейштат под Веной, откуда конница добровольно повернула обратно. Посылка отряда под Вену имела характер глубокой разведки, чтобы знать, кого они имеют впереди себя, а отряд Кадана,** гнавшийся за бежавшим венгерским королем Белой IV и загнавший его на недоступные для конницы острова Адриатического моря, напоминает нам действия и задачу уничтожения бежавшего другого главы неприятельского государства Хорезм-шаха отрядом Джебе и Субедея, который так же загнал шаха на острова Каспийского моря с той лишь разницей, что последний там же и умер, между тем как король Бела IV впоследствии вернулся в свою страну, добровольно покинутую монголами.***

Трудно не согласиться с мнением ген. Иванина, что страны Европы, незахваченные монгольским походом, своим спасением были обязаны только случайному обстоятельству — смерти Угедея, так как, судя по тогдашнему положению народов Европы, они едва ли были бы в состоянии противостоять натиску армии Батыя, которой предшествовал неописуемый ужас, навеянный бесчисленными кровавыми жертвами венгерской кампании.

Последняя же справедливо может быть отнесена к одной из самых блестящих страниц в истории монгольских завоеваний. Главные операции ею были закончены в каких-нибудь 4—5 месяцев, считая от перехода Батыя через Карпаты до победы на р. Сайо. В этот короткий срок были уничтожены вооруженные силы двух сильных европейских держав,

---

* Вернадский Г. В. Очерки русской истории. 1928.

** Хорватский историк V. Klaic пишет, что этим отрядом командовал сам Бату-хан.

*** Klaic V. Указ. соч.

Польши и Венгрии, и парализована армия третьей державы — Чехии, не считая второстепенных противников. Главная заслуга в этих успехах должна быть, по всей вероятности, отнесена на долю участвовавшего в походе старого сподвижника Чингис-хана, несравненного Субедей-багатура, который составил план кампании и умело направлял действия молодых царевичей, поставленных во главе армий и отдельных отрядов. Кампания 1241 г. ясно обнаружила, что европейские армии, способные к действию только сомкнутыми массами и предводимые невежественными в военном деле начальниками, никоим образом не могли равняться с обладавшими изумительной маневренной способностью монгольскими полками, предводимыми поседевшими в походах вождями — учениками великого Чингис-хана.

"Монголы в походе на Западную Европу держались стратегии Чингис-хана, причем крупные силы, которыми они располагали, позволяли им в полной мере осуществлять основное его правило — дробить силы неприятеля и разбивать их по частям. Впрочем, и в России, и в Польше этот стратегический маневр мог быть проведен ими тем успешнее, что общегосударственной организованной обороны монголы у них не встретили. В России преобладали центробежные стремления, и князья превратились в вотчинников своих уделов, не имея ни государственного, ни национального стремления к единству; да и Польша переживала такой же удельный период".*

Впечатление, произведенное на Европу "татарами", как называли монголов ее народы, было ужасно. Нашествие их было относимо к величайшим бедствиям, когда-либо постигавшим человеческий род. У Matieu Paris есть трогательный рассказ о том, с какой чисто христианской покорностью некоторые из западных владык готовы были принять это наказание свыше. "Когда сей ужасный поток гнева Господня господствовал над нами,— пишет этот монах,— королева Бланш (мать короля Франции) вскричала, слушая эти новости: "Король Людовик, сын мой, где вы?" Он, подойдя, спросил: "Мать моя, что вам угодно?" Тогда она, испуская глубокие вздохи и разражаясь потоками слез, сказала ему в рассуждении опасности сей как женщина, но с решительностью незаурядной дамы: "Что же делать, сын мой, при сем ужасном обстоятельстве, невыносимый шум от которого доносится до нас? Мы все, как и святая блаженная церковь, осуждены на общую погибель от сих татар!" На эти слова король ответил печально, но не без божественного вдохновения: "Небесное утешение поддерживает нас! Ибо, если эти татары, как они себя именуют, дойдут до нас, или мы пойдем за ними в те места, где они живут, то все равно,— мы пойдем на небеса". Таким образом он сказал: "Побьем ли мы их или сами будем побиты ими, мы все равно пойдем к Богу как верующие ли, как мученики ли". И замечательное слово это ободрило и воодушевило не только дворян Франции, но и простых горожан всех городов".

В Париже, как и по всем городам Европы, служили молебны об

---

* Грум-Гржимайло Г. Е. Указ. соч.

отвращении страшной опасности. В 1245 г. папа Иннокентий IV собрал совещание в Лионе, где было решено послать к монгольскому императору посольство во главе с 65-летним монахом Плано Карпини, описание поездки которого имеется на русском языке.

Любопытно то настроение, которое было господствующим в Европе в период нашествия монголов и которое так характерно выражено в приведенном диалоге,— сопоставить с психологией другой стороны, монголов, победоносно прошедших к тому времени весь Старый Свет почти от края до края. Эта психология победителей заметно налагает свой отпечаток на их сношения даже с незавоеванными и отдаленными народами и государями. Вот, например, в каких выражениях обращается монгольский император к французскому королю:

"Именем Бога Вседержителя повелеваю тебе, королю Людовику, быть мне послушным и торжественно объявить, чего желаешь: мира или войны? Когда воля Небес исполнится и весь мир признает меня своим повелителем, тогда воцарится на земле блаженное спокойствие и счастливые народы увидят, что мы для них сделали! Но если дерзнешь отвергнуть повеление божественное и скажешь, что земля твоя отдаленная, горы неприступные, моря глубокие и нас не боишься, то Всесильный, облегчая трудное и приближая отдаленное, покажет тебе, что мы можем сделать".*

Остановимся вкратце на событиях, совершившихся после смерти Великого хана Угедея, который, как уже говорилось, был просвещенным и гуманным государем. Ему приписывается изречение, что монарх должен заботиться не о накоплении материальных богатств, которые излишни, раз человек не может вернуться из загробного мира, а о том, чтобы отложить в сердцах людей сокровища своих поступков. Эти слова не расходились у Угедея с делом.**

В вопросе о замещении вакантного императорского престола произошла некоторая заминка ввиду влияния, которое пыталась оказать на его решение честолюбивая вдова Угедея Туракa, избранная после его смерти в правительницы империи. Не видя со своей стороны пользы от вмешательства в решение вопроса о престолонаследии, Батый уклонился от участия в предстоящем Курултае и, оставшись в Волжских степях, занялся организацией своего удела, получившего название Золотой

---

* Такой же гордый язык мы находим у отдельных потомков Чингис-хана, например, у Шукур-Дайчина, калмыцкого хана, заявившего в половине XVII в. Московскому правительству, когда оно хотело установить свою гегемонию над калмыками, самовольно прикочевавшими из Джунгарии в пустовавшие тогда Прикаспийские степи: "Калмыки в холопстве никогда ни у кого не бывали и никого, кроме Бога, не боятся. Они считают себя вправе кочевать по степям и плавать по рекам, потому что земля и вода Божии; тем более, что в крае, куда они пришли, землею и водою никто не пользуется, кроме них, а что касается до ногайцев и эдисанов, то они холопы калмыков, но все же и с ними калмыки делятся благами пополам".

** Грум-Гржимайло Г. Е. Указ. соч.

Орды. В ранг столицы Золотой Орды был возведен построенный мусульманскими зодчими благоустроенный город Сарай на Волге, недалеко от нынешней Астрахани.*

Курултай для выбора императора состоялся только в 1246 году. На престол согласно с желанием Тураки был избран сын Угедея — Гуюк, который царствовал всего два года. После его смерти возникает в 1248 году опять вопрос о престолонаследии. На этот раз в дело вмешивается Батый, лично прибывший на собравшийся на берегах Онона Курултай, и по его настоянию на престол возведен старший сын покойного Тулуя — Мёнкэ, участник похода в Европу.

Значение Батыя как старшего в роде Чингисовом, оказавшего решающее влияние на избрание Мёнкэ, видно из следующих слов последнего, сказанных им Вильгельму Рубруку, "как солнце освещает всю вселенную, так равно и власть моя и Батыя распространяется на все народы. Мы как два глаза в одной голове: хотя их и два, но оба всегда смотрят в одном направлении".

Батый умер в 1256 г., его сын Сартак умер, и на престол вступил в 1258 г. брат Батыя — Берке, который первый из ханов принял мусульманство.

Выбор Мёнкэ в Великие ханы оказался удачным, и при нем Монгольская империя упрочилась внутри и раздвинула свои пределы. О войне в Южном Китае в царствование Мёнкэ было сказано в главе VIII. Закончена она была при преемнике Мёнкэ, его брате Кубилае, окончательным покорением державы сунов.

Одновременно с ведением войны на востоке Мёнкэ-хан поручил другому своему брату, Хулагу, закончить завоевание Передней Азии. В этот поход Хулагу выступил в 1252 году после тщательной подготовки.**

---

* Интересно описание приема Батыем в Сарае папского посланника Плано Карпини, пробиравшегося с золотой дощечкой на бесплатное взимание ямщицких подвод из Сарая на Волге в столицу Монголии Каракорум. Очевидец Плано Карпини повествует, что Батый содержал великолепный двор и 600000 чел. войска. "Батый сидит на своем троне с одной из своих жен, словно император. Его братья, сыновья и вельможи сидят далеко ниже на скамье посредине, все остальные помещаются прямо на земле: мужчины направо, женщины налево... мы, изложив наше дело, также сели налево, как это делают все послы, но были пересажены направо... Батый никогда не пьет, особенно в присутствии людей, без того, чтобы при этом не пели и не играли на цитре или др. инструменте. Когда он едет верхом, то над его головой держат зонт, что делают также все татарские князья и их жены".

** Дабы сохранить нетронутыми пастбища на пути следования монгольских войск, кочевому населению долин на запад от гор Тунгай, лежащих между Каракорумом и Бишбалуком (Хангайский хребет), было приказано заблаговременно покинуть эти долины; предписано было также заранее исправить дороги, навести мосты через все значительные реки. В Персии сверх того было предписано заготовить большое количество муки и вина. Наконец, из Китая были вызваны лучшие механики в числе 1000 человек для управления метательными машинами, бросавшими камни, стрелы и горящую нефть (по Грум-Гржимайло).

Хулагу первым долгом уничтожил орден измаилитов (1256—1257 гг.) и завоевал Багдадский халифат. Владелец большей части Сирии Насир, правнук Салах-ад-Дина, подчинился Хулагу в 1259—1260 гг.

Царствование Кубилай-хана (1260—1295) историками признается самым цветущим периодом Монгольской империи. Он был властелином огромной территории, простиравшейся на 2/3 Европы и почти всю Азию, — в общей сложности 4/5 Старого Света. Столицей ее Кубилай сделал город Хан-балу, нынешний Пекин.

В период 1283-87 гг. были покорены монгольскому владычеству: Верхняя Бирма, Тонкин, Верхняя Кохинхина и Зондский архипелаг.

При Кубилай-хане впервые проник буддизм в Монголию, и он был первый из преемников Чингис-хана, принявший его под влиянием ученого Пагма-ламы. Дотоле в Монголии был шаманизм, "хара-шаджин"*.

В мировой истории мы не встречаем другого государства таких гигантских размеров. Идеал Александра Великого и Наполеона — завладеть миром — был почти осуществлен монголами при Кубилай-хане. Политический размах Монгольской державы наглядно рисуется составом великих монгольских Курултаев XIII века, в которых, кроме монгольских князей, старейшин и администраторов всей Средней, Северной и Восточной Азии, участвуют русские великие князья, грузинские и армянские цари, иконийские (сельджукские) султаны, кирманские и мосульские атабеки и проч. К центру монгольской власти должны были тянуться люди по своим административным и торговым делам со всех концов света.

Мировое значение имела Римская империя времен Траяна и историческая наследница ее — Византийская империя эпохи Юстиниана. Роль Рима и Византии — объединительниц культур Запада и Востока — в начале XIII века после упадка Византийской империи перешла на Монгольскую державу как объединительницу культур земледельческо-морской и кочевническо-степной. Монголосфера включала в себя пространство от Китая включительно до Балкан, сравнительно с которым orbis terrarum (круг земной) римлян и Икумена (вселенная) византийцев представляются лишь небольшим клочком земли.

Соответственно такому блестящему международному положению всей Монгольской империи такое же место занимала и ее составная часть — Золотая Орда.

Царствование Кубилай-хана замечательно не только военными успехами, но и гражданским благоустройством, также процветанием наук и литературы. При нем закончен императорский канал. С подвластными ему народами император обращался гуманно. "Азиатская" культура монголов при Чингис-хане и его ближайших преемниках ничем не уступала европейской, напротив, превосходила ее в некоторых отношениях и даже в значительной степени, например, в военной организации и военном искусстве.

---

* Грум-Гржимайло Г. Е. Указ. соч.

Кубилай-хан (Хубилай-хан).

Правил с 1260 по 1295 г. Золотой период империи. Перенес столицу Монгольской империи из Каракорума в Хан-балу (Пекин).

Кубилай-хан, как бы для того, чтобы закончить завоевание в Азии, в 1274 году делает попытку покорить Японию, но буря в Цусимском проливе уничтожает его огромный флот и посаженное на него войско. Таких попыток покорить островное государство мы во всемирной истории встречаем две и обе с одинаковым результатом, в котором по странному совпадению оба раза роковое значение получает остров Цусима. Эти неудачные войны с Японией монголов и их нынешних наследников — русских в 1904 и 1905 гг. являются последствием ошибочной политики, когда чисто континентальные державы в упоении своей славы хотят одним махом превратиться в морские путем победы над чисто морской державой, какова Япония.

Другим элементом скрытой слабости Монгольской империи являлось то, что она далеко вышла за пределы своих естественных границ. В Европе, как мы видели, мудрость Батыя и его советников сумела обуздать весьма понятное желание безграничного распространения*. Напротив, в Азии в течение первых десятилетий после смерти Чингисхана империя выходит далеко за свои естественные пределы (Персия, Индостан, Китай и проч.).

После Кубилай-хана начинается постепенный упадок монгольского могущества. В 1369 году от империи отпадает Китай под главенством национальной династии Минов. В 1380 году московский великий князь Дмитрий Донской наносит татарам на Куликовом поле первое крупное поражение, которое, хотя и не освобождает еще русских от монгольской власти, но поднимает их дух и окрыляет надеждой на освобождение в будущем.

На остальном пространстве империи обнаруживаются стремления правителей уделов к самостоятельности и независимости от центральной власти. По мнению В. Бартольда, это распадение находится в связи с распадением *рода* — основной *экономической* единицы у кочевых племен.

"Понятие о родовой собственности, господствовавшее в частной жизни, было перенесено и на государство, которое считалось собственностью всего ханского рода. Такое обогащение рода, при котором отдельный член его уже не нуждался в других, по необходимости ослабляло родовую солидарность... отдельные царевичи получили возможность поддерживать свою власть в покоренных областях без помощи своих родичей; несдерживаемые более такой могучей, одинаково авторитетной для всех личностью, какой был Чингис-хан, они скоро

---

* Можно, пожалуй, считать, что в этом отношении Батый погрешил даже в меньшую сторону, не сохранив в составе своего удела Венгерскую равнину, которая по своему степному характеру приближается к степям Южной России и населена народом монгольского происхождения.

В разговоре автора с интеллигентным мадьяром констатированы, между прочим, следующие мадьярские слова, тождественные калмыцким, т. е. монгольским, словам: ёкёр — скот, тегри — небо и море, арлан — лев, ёльде — меч, ёдмек — хлеб, орос — русский и т. д.

сделались главами самостоятельных государств, между которыми не замедлили начаться братоубийственные войны"*.

Так начался "удельный" период монгольской истории, приведший сначала к распаду, а впоследствии и к падению империи.

Грум-Гржимайло причины падения Монгольской державы усматривает еще, кроме удельной системы, в децентрализации управления государством, в смешении судебной власти с административной и в крайнем огрублении нравов как естественном последствии непрекращавшихся войн**. Подобно некоторым другим историкам он отмечает также как одну из причин упадка империи (в частности — падения монгольской династии в Китае) инфляцию бумажных денег, т. е. злоупотребления государственной власти в эмиссии денежных знаков этого рода. Эта благодетельная по существу реформа, впервые в истории введенная Кубилаем и способствовавшая развитию торговых сношений, в конце концов привела вследствие чрезмерных выпусков ассигнаций к финансовому кризису и всеобщему обьединению***.

Возможно, что всего этого не было бы, если бы Монгольская империя оставалась в своей роли "владычицы степей", той полосы степей, которая пересекает Европу и Азию с юго-запада на северо-восток, представляя особый географический мир, он и составлял главным образом государство, основанное Чингис-ханом и законченное его внуком Батыем. Впоследствии власть над этой территорией от монгольских ханов перешла к "Белому царю"; в настоящее время той же территорией (без Монголии) с населяющими ее народами владеет СССР, который находится в дружеских отношениях с внешней Монголией, освободившейся при помощи Союза из-под власти Китая.

Народы эти — потомки тех, которые населяли этот особый географический мир и кочевали в нем при Чингис-хане и его преемниках, — таким образом, наследство, перешедшее к России от Чингис-хана, не только географическое, но и этнографическое.

XII. БОЛГАРИЯ И СЕРБИЯ КАК ВАССАЛЫ

Несмотря на почти трехсотлетнюю**** зависимость Московской Руси от Монгольской империи, мы не имеем исторических трудов русских современников об этом периоде истории, кроме кратких лапидарных записей летописцев-монахов, зачастую делающих ошибки в

---

* Бартольд В. Указ. соч. С. 118-119.

** Это явление можно наблюдать теперь и в Европе после войны 1914-1918 гг.

*** Таким образом, монголы, первые пустившие в обиход бумажные деньги, что вызывалось грандиозностью государства с множеством национальных монет, были первыми же ее инфляционистами. Способ выделки бумажных денег и вексельная система были привезены в Европу (Венецию) Марко Поло.

**** См. Заключение. С. 205.

записи событий на целый год, так, например, битва на Калке у них записана под 1224 г., между тем по другим достоверным данным она была 31 мая 1223 г. Еще меньше, скорее никаких исторических данных не имеется о монголах на Балканах; так как здесь их влияние было более кратковременным, чем на Руси. О монголах у западных народов, несмотря на то, что они от них столько претерпели, почти ни у кого нет более или менее обстоятельных исторических трудов, кроме описания путешественников в Монголию Плано Карпини, Рубрука и Марко Поло. Между тем в Азии о монголах есть обстоятельные труды многих восточных историков-современников как персидско-арабских, так и китайских писателей. Монголы также имели своих историков.

Это объясняется тем, что тогда еще молодая Западная Европа стояла на более низкой ступени своего развития, чем древняя Азия во всех отношениях, как в области духовной, так и материальной культуры.

На Руси, а в особенности у балканских славян, тогда грамотность была только в монастырях и то в зачаточной степени своего распространения.

Здесь будет сделан лишь беглый обзор взаимоотношений Болгарии с Сербией к Монгольской империи по очень скудным данным, разбросанным в современной исторической литературе болгар, сербов, хорватов и далматинцев (Тома). Этим самым будет сделана попытка собрать воедино исторические данные о монголах на Западе. Здесь вообще впервые влияние монголов на Западе разбирается в данной книге.

Как мы знаем, Батый получил известие в декабре 1241 года о смерти Великого Императора Монголии Угедея в Каракоруме вместе с приглашением на Курултай для выбора императора, согласно завещанному порядку Чингис-хана; поэтому были вызваны обратно отряды из-под Вены и Адриатического моря к низовьям Дуная, где был сделан смотр всем войскам, и здесь же на совещании принцев и полководцев было решено предоставить самим себе все завоеванные на Западе земли, задержав за собой лишь Молдавию с Болгарией. Наместником этих стран и Причерноморья тогда был назначен из дома Чингис-хана темник кн. Ногай, человек умный и решительный, как его описывают историки.

В 1241 году умер болгарский царь Ив. Асень II, при котором Болгария сделалась было довольно сильной страной. После смерти Асеня II Болгарией стало править регентство, при котором она была раздираема междоусобной борьбой за первенство, протекционизмом, недовольством и расколом. Такова была Болгария, когда она с 1242 г. подчинялась князю Ногаю как наместнику ханов Золотой Орды, которые в свою очередь управляли улусом Джучиевым или Кипчакским царством на правах западного удела Великой Монгольской Империи. С этого же времени болгарские цари Коломан, Михаил и Асень до 1257 г. платили дань кн. Ногаю, на что имеются исторические указания. О дальнейшем прямых указаний нет, но, по-видимому, царь Константин в 1265 г. ходил с войсками золотоордынского хана Берка и кн. Ногая совместно в поход на Византию как вассал, так как никаких услуг царю Константину не было тогда оказано за это и никакой пользы для себя он

не извлек, как о том пишет болгарский ученый доцент Ников*. Эта вассальная зависимость болгарских царей от великих монгольских императоров подтверждается также свидетельством французского монаха Рубрука, ездившего в Каракорум, столицу Монгольской империи, в 1253 г.

Про болгаро-монгольские отношения, по сведениям доцента Никова, ничего не имеется в болгарских исторических памятниках, очевидно, за отсутствием тогда у них грамотности; про эти отношения можно узнать, и то вскользь, у византийского историка Пахимера, откуда и черпает свои скудные сведения об этом доцент Ников.

Как было сказано, в 1265 г. болгарский царь Константин во главе болгарских войск с кн. Ногаем, командовавшим многочисленными войсками, при сильной поддержке золотоордынского хана Берка предприняли совместный поход против Византии. Многочисленная монгольская конница в устье Дуная соединилась с болгарской и пошла на Византию. Поводом для войны между кн. Ногаем с болгарами и Византией послужило следующее обстоятельство. К Византийскому императору Михаилу VIII Палеологу прибыл сельджукский ех-султан Изедин, прося помощи против монгольского хана в Иране Хулагу, племянника Чингис-хана.

Византийский император, не чувствуя за собой силу, чтобы идти против могущественного монгольского хана, отказал ех-султану в поддержке, а самого его задержал как пленника, не выдавая в течение нескольких лет, несмотря на просьбу вернуть его брата Рукнедина, занявшего после бегства его престол.

Тогда сельджукский султан Рукнедин как вассал Монгольского императора обратился с просьбой об освобождении брата его из византийского плена в Царьграде к всесильному кипчакскому, т. е. золотоордынскому хану Берку. Такие же просьбы Берка-хан получил и от египетского султана Байбарса, на что Берка-хан согласился и послал свои войска под командой темника кн. Ногая против Византии для освобождения ех-султана Изедина, бывшего вассала Монгольского императора.

Монголо-болгарские войска под общей командой темника кн. Ногая внезапно напали на войска византийского императора Палеолога VIII, который был принужден без свиты, бросив деморализовавшиеся свои войска, спасаться бегством в село Ганос на берегу Мраморного моря, а оттуда на лодке в Царьград.

Сельджукский ех-султан Изедин, находившийся при императоре с частью его свиты и императорской казной, заперся в крепости Енос в устье реки Марицы. Монголо-болгарские войска осадили тогда крепость и потребовали выдачи ех-султана Изедина со свитой, что и было исполнено, после чего осада крепости была снята** Монголо-болгары тогда опустошили Фракию и отступили.

---

* Ников, доцент. Татаро-болгарские отношения в средние века во время царствования Смилеца. Годишняк Соф. Унив. 1919-1920. София.

** По греческому историку Пахимеру.

Темник кн. Ногай, победитель Византии, зимой 1264-65 года послал освобожденного ех-султана с 10000 турецкими пленными из Добруджи под командой Саря-Салтыка к Берка-хану в Сарай на Волге.

Очевидно, после этой победы кн. Ногай взял себе в жены дочь Византийского императора Михаила Палеолога Ефросинью, вероятно, на правах победителя.

По данным арабских историков Рукнедина, Байбарса и Елмуфадала Берка-хан перед своей смертью послал под командой кн. Ногая войска для взятия Царьграда и освобождения ех-султана Изедина. Другие мусульманские историки Енувейри, ел-Макризи, Мустафа ел-Дженаби, Абулфеда освобождение Изедина приписывают не Берка-хану, а его наследнику Мёнкэ-Тимуру.

Эти совместные действия против Византии монголов и болгар доцент Ников объясняет тем, что в то время Болгария была под суверенитетом монгольского императора, тем более, что болгарский царь Константин был настолько слаб, а кипчакский хан настолько силен, что последний без борьбы не отказался бы от своей власти над Болгарией, в то время как царь Константин как помощник кн. Ногая не имел заметных своих целей.

После смерти сильного Берка-хана, в особенности его наследника Мёнке-Тимура, появились в Золотой Орде несогласия, раздоры вследствие ослабления центральной власти в Монголии. В это время особенно поднялся авторитет полководца кн. Ногая из рода Великого Чингисхана, племянника Берка-хана.

Своим талантом как военным, так и дипломатическим, как полководец и победитель Византии кн. Ногай добился громадного влияния в Кипчакском золотоордынском ханстве. Князь Ногай был полузависимым наместником Причерноморья от устья Дуная до р. Днепр в Южной Руси, также Болгарии и Молдавии.

Внутренние несогласия в Кипчакском ханстве и Монгольской империи вообще способствовали сепаратистским и честолюбивым стремлениям умного и властолюбивого кн. Ногая. Его власть особенно усилилась после Мёнке-Тимура. Он ставил и сваливал ханов в Сарае в устье Волги, следовательно, он в Кипчакском ханстве был сильнее самого золотоордынского хана, потому и его влияние на Балканы было особенно сильно. Кн. Ногай, женатый на дочери византийского императора Михаила Палеолога, был сильным фактором в международных отношениях Монголии, Византии и Балканских государств.

Кн. Ногай со своими войсками помог впоследствии своему тестю Мих. Палеологу против болгарского царя Константина в 1271, 1277 и 1278 гг. По Византии тогда свободно ходили монгольские отряды, повествует Пахимер*.

С увеличением в Кипчакском царстве влияния кн. Ногая увеличива-

---

* На них византийцы смотрели как на кару Божию. Душевная подавленность и чувство приближения конца овладело дряхлеющей Византией при виде молодой и буйной силы монголов.

лось и его влияние на Балканы, в особенности на Болгарию, хотя он не был ханом, а только его наместником. В 90-х годах XIII века кн. Ногай становится особенно агрессивным, под его власть подпадали одно за другим следующие царства Балканского государства: Тырновское (Болгарское) царство, независимые княжества Видинское и Браничевское, а затем Сербское королевство.

Всесильный кн. Ногай давал свое "благословение" на восшествие на Тырновский* престол болгарским царям. В особенности сильно было его влияние при царе Тертерии I, когда последний отдал свою дочь за сына Ногая Чока, а своего сына Светислава был принужден послать в ставку князя Ногая как заложника, в знак верности, как это было принято монгольскими ханами по отношению к вассалам — русским великим князьям, болгарским царям и, как увидим далее, сербскому королю Милютину.

Подчинение более сильного Тырновского (Болгарского) царства оказало действие на подчинение уже без всякого сопротивления более слабых соседних ему малых княжеств Видинского и Браничевского, которые с 1280 г. подпали под могучее покровительство кн. Ногая, следовательно Монгольской империи.

Несмотря на принесенные Тертерием кн. Ногаю жертвы (сына и дочь послал в его ставку), он не пользовался благоволением всесильного кн. Ногая и даже принужден был бросить трон и спасаться бегством в Византию, где все же не был принят императором Андроником. Ех-царю болгарскому пришлось жить как беженцу в окрестностях Андрианополя, пока он не был заключен византийцами**.

В 1285 г. нахлынула монгольская конница кн. Ногая вновь на Венгрию и Болгарию и опустошила Фракию и Македонию, тогда пришлось бежать царю Тертерию в Византию, а на болгарский трон был поставлен кн. Ногаем царь Смилец как его данник, за что тот был все время своего царствования его верным слугой.

Эта немилость кн. Ногая к Тертерию объясняется тем, что борьба двух боярских партий во главе с Тертерием и Смилецом закончилась победой последнего при поддержке Ногая, который как искусный дипломат не хотел особенного усиления ни одного из них.

После овладения Болгарией кн. Ногай захотел распространить свое могущество и на Сербию. Не помогла этому дипломатическая женитьба в 1287 г. сербского короля Милютина на дочери болгарского царя Тертерия, другая дочь которого была за сыном кн. Ногая Чоком.

В 1292 году Сербия признала суверенитет над собой князя Ногая, наместника монгольского императора в Каракоруме.

Поводом подчинения Сербии Монголии послужили следующие события.

Видинский князь Шишман, вассал кн. Ногая, во главе болгарских и

* Столицей Болгарии тогда было Тырново.

** Јиричек К. Историја Срба. Београд, 1911. Милош Зеневич. Живот и владовина Стефана Дечанского. Београд. 1903.

монгольских войск напал внезапно на Сербию, опустошил страну до Хвостна, где думал ограбить богатый архиепископский монастырь в Печи (Ипек). Тогда король сербский в ответ на это занял Видин, а князь Шишман спасся бегством на лодке через Дунай в венгерско-северинском Банате. Король Милютин не ограничился занятием Шишманского княжества, он также посягнул на независимость соседнего ему Браничевского княжества, также вассального кн. Ногаю.

По свидетельству летописца — сербского епископа Даниила, князья Браничевский и Шишманский пожаловались своему суверену кн. Ногаю, что сербский король посягает на их княжества. Кн. Ногай ответил на это приготовлением в поход отряда конницы из монголов, половцев, алан, осетин и русских для разгрома Сербии. Король Милютин, не будучи в состоянии оказать сопротивление могущественному князю Ногаю, предупредил кн. Ногая посылкой к нему депутации с богатыми дарами и с изъявлением покорности, однако кн. Ногай потребовал в знак верности старшего сына Милютина, его наследника 17 лет Стефана (потом Стефана Дечанского) с видными "боярами", что было исполнено, кн. Ногай умилостивился, и поход был отменен.

Был только один момент в мировой истории, когда все славяне были объединены под Великой Монгольской Империей, — это было после похода Батыя на запад, до линии Адриатическое море—Сплит—Загреб—Вена.

Так с 1292 г. и Сербия вместе с северной и средней частью Балканского полуострова подпала под власть Монгольской империи, которая теперь на востоке упиралась в Желтое, а на западе в Адриатическое море, так как Сербия того времени владела частью Адриатического побережья и озером Скадарским.

Этот период истории Монгольской империи замечателен тем, что она под своей властью объединила восточных славян (русских) с балканскими, между тем как Россия XVIII—XIX веков, несмотря на свои усиленные стремления, не могла достичь этого объединения с ними. Ни многочисленные балканские войны, ни европейская война, которая началась вследствие заступничества России за Сербию, не привели ее к объединению с южными славянами.

Можно утверждать таким образом, что "политическое влияние Монгольской империи на балканских славян получило более оформленный вид, чем имело когда-либо такое же русское влияние"*.

Кн. Ногай, победитель Византии, может быть, не так легко простил бы в 1292 г. сербскому королю Милютину его смелость, выразившуюся в захвате вассальных ему княжеств Видинского и Браничевского, если бы как раз в это время не начались у него сильные раздоры со своим сувереном, золотоордынским ханом Тохтаем, так же, как и он, Чингисхановичем из-за его независимого положения от последнего. Усиление власти кн. Ногая, его сепаратизм, желание отделиться от зависимости золотоордынских ханов, заставляли последних рано или поздно предп-

---

* Савицкий П. Н. Геополитические заметки по русской истории.

ринять поход против кн. Ногая, что пришлось исполнить хану Тохтаю после многих лет раздоров с ним.

Хан Тохтай дал решительную битву кн. Ногаю при Каганлыке (около теперешней Одессы), где наголову разбил войска кн. Ногая, составленные главным образом из колониальных войск, между тем как хан Тохтай имел войска главным образом из увенчанных старыми лаврами монголов и татар. В этом бою был ранен старый полководец кн. Ногай и во время бегства был настигнут и убит воином хана Тохтая 28 сентября 1299 г.

После этого на его землю распространилась полнота власти золотоордынских ханов. Владения кн. Ногая Тохтай разделил двум своим сыновьям: Саикджи (Исакча) на Дунае и "Железные ворота" Надир-Дервент, или, вернее, Демиркапу в Болгарии, получил Бегильбек, старший сын, а другой сын Ирбасси утвердился на берегах р. Буг.

Пользуясь наступившей суматохой в ставке кн. Ногая после его смерти, бывший там сербский наследник Стефан с видными своими "боярами" убегает и прибывает благополучно на родину. По свидетельству сербского епископа Даниила, никто не ожидал, что Стефан жив и когда-либо вернется домой.

Впоследствии Стефан взошел на сербский престол под именем Стефана Дечанского. Этим закончилась вассальная зависимость Сербии от Монгольской империи, продолжавшаяся с 1292 до 1299 г., т. е. 7 лет.

Сын кн. Ногая Чока с оставшимися верными ему войсками числом в 1000 человек после поражения от хана Тохтая напал на Болгарию в конце 1299 г., взял Тырново и сел на престол. Основанием этому послужило то, что он имел жену — дочь болгарского царя Тертерия, находившегося тогда в изгнании в Византии.

Вместе с Чокой прибыл и сын Тертерия Светислав, бывший заложником при дворе кн. Ногая. Чока скоро был задушен (6 сентября 1301 г.) по некоторым данным Светиславом, а по другим — палачом евреем по требованию хана Тохтая, которому была послана в Крым голова Чоки в доказательство его смерти. Таким образом, является бесспорным историческим фактом, пишет доцент Ников, что на болгарском престоле, хотя и очень короткое время (2 года), был Чока, потомок великого Чингис-хана.

После этого Светислав как освободитель отечества от монгольского влияния вступил на престол Асеновичей, хотя это ему удалось не без борьбы с партией бояр, сторонников царя Смилеца, который обратился за помощью против него к сербскому королю, пользуясь своим родством. Дочь Смилеца была выдана за князя Стефана, вернувшегося из плена после смерти кн. Ногая. Но была безуспешна эта просьба. Светиславу же помогло то, что он был женат на Ефросинье, опекуном которой был при дворе кн. Ногая некий богатый купец Пантелеон. Богатое приданое жены Светислав использовал для подкупа бояр враждебного лагеря.

Таким образом, монгольское влияние на Болгарию продолжалось с 1242 до 1301 г., т. е. всего 59 лет.

XIII. ВЛИЯНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ИГА НА РОССИЮ

Сто лет тому назад Российская Императорская Академия Наук объявляла дважды, с трехлетним промежутком, конкурс на всех языках на научную тему: "Влияние монгольского ига на Россию". К сожалению и стыду русских историков, представлено было на конкурс всего одно сочинение — и то на немецком языке, — которое премии не удостоилось. Мало писалось на эту тему и в последующий период; лишь за самое последнее время появились опыты исторических исследований, дающие, однако, неполный ответ на заключающийся в теме Академии Наук вопрос. Таковы "Наследие Чингис-хана" (Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока) анонимного автора; "Монгольское иго в русской истории"*, "Начертание русской истории" проф. Вернадского с приложением "Геополитических заметок по русской истории" П. Н. Савицкого и "К проблеме русского самопознания" Н. С. Трубецкого. В наших казенных учебниках дореволюционной эпохи вопрос о влиянии монгольского ига на Россию подробному разбору не подвергался, а то, что писалось по этому поводу, было поверхностно и ненаучно.

Данная работа является также опытом исследования влияния монгольского ига на Русь.

На самом деле Московская Русь была лишь небольшой провинцией Великой Монгольской империи, уголком этого огромного и сложного царства, составляя далеко не весь, а только малую часть "улуса Джучи"**, который сам являлся одной из четырех крупных составных частей Чингисовой империи. Таково было положение Восточной Руси в течение почти трех веков ее существования, что и предопределило ее дальнейшую судьбу и наложило неизгладимый отпечаток на весь ее характер как государства, так как зависимость ее от центральной имперской власти выражалась не только фактом вхождения ее в качестве полуавтономной единицы в состав Монгольского государства, но и тем, что управлялась она ордынским ханом на основании общего для всей империи "Джасака" — сборника Чингис-хановых законов, под влиянием которого и выковались ее собственные государственность и великодержавие.

Давая своему старшему сыну в удел все пространство земель от Джунгарии до Урала и далее на запад "до тех мест, до которых дойдут монгольские кони", Чингис-хан передал ему и все свои западные владения, символом которых, как описывает очевидец Плано Карпини при избрании монгольского хана, в первый день вывешивался белый флаг, почему Джучиево царство Кипчак получило у монголов, по моему мнению, название Белого царства, а его владыка — Белого хана**.

Сын Джучи Батый расширил, как мы видели, это царство до Дуная и основал в западной части империи столицу Сарай, подобно тому, как в

* Статья проф. Вернадского в "Евразийском Временнике", V.

** Также называлась Кипчакским царством.

*** Эзен цаган хан — хозяин, белый царь.

восточных областях монархии была основана столица Хан-балу (Пекин), чем и утвердилась власть монгольского великого хана над всей обширной равниной Европы и Азии и установилось над ней единое геополитическое начало монголосферы.

Расширившись новыми земельными приобретениями, царство Кипчак обратилось в Золотую Орду. Когда впоследствии это царство — не только территориально, но и с монголо-туранскими народами, его населяющими, — перешло под власть Московского царя, последний в глазах этих народов продолжал являться все тем же Белым царем Белой орды — наследником Белых ханов. Всякий русский, побывавший среди калмыков и бурят в России и даже среди монголов в Китае, мог заметить то благоговейное уважение, которым пользовалось среди этих народов имя Русского Белого царя, но далеко не всем было известно то историческое основание, на котором зиждилось это поклонение, так мало соответствовавшее политике русских самодержцев императорского периода нашей истории — политике, отвернувшей свое лицо от Азии и всецело поглощенной интересами России как "великой европейской державы".

До прихода монголов многочисленные русские варяжского происхождения княжества, расположенные в бассейнах рек, впадающих в Балтийское и Черное моря, и только в теории признавшие власть над собой Киевского великого князя, фактически не составляли *одного государства*, а к населявшим их племенам славянского происхождения не применимо название *единого русского народа*.

Влиянием монгольского владычества эти княжества и племена были *слиты воедино*, образовав сначала Московское царство, а впоследствии Российскую империю.

Это не натяжка, не праздное измышление нашего безвременья, а исторический факт, находящий признание не только у нас, но и у иностранцев.

"Раздиравшие древнюю Россию усобицы князей затихли под влиянием еще горшего бедствия, — говорит Г. Лэм, имея в виду Батыево нашествие на Русь. — Когда же монгольская волна отхлынула, "случилось нечто неожиданное, хотя вполне естественное. На развалинах враждующих русских княжеств возникло царство Ивана Великого".

Историческая закономерность этого процесса подтверждается тем, что нечто подобное произошло после падения монгольского владычества и на Дальнем Востоке:

"Китай, объединенный монгольским завоеванием, впервые выступает, как единая держава"*.

Организация России, явившаяся результатом монгольского ига, была предпринята азиатскими завоевателями, разумеется, не для блага русского народа и не ради возвеличивания Московского великого княжества, а в видах собственных интересов, а именно, для удобства управле-

---

* Эта и предыдущая цитата у Г. Лэма, стр. 205-207. До завоевания монголами всего Китая он представлял из себя три царства: Цзинь, Сун и Тангут.

ния покоренной обширной страной. Они не могли допустить в ней обилия мелких владетелей, живущих на счет народа, и хаоса их нескончаемых распрей, подрывавших экономическое благосостояние подданных и лишавших страну безопасности сообщений, а потому, естественно, поощряли образование сильной власти московского великого князя, которая могла бы держать в повиновении и постепенно поглощать удельные княжества. Этот принцип создания единовластия по справедливости казался им для данного случая более целесообразным, чем хорошо известное им и испытанное на себе китайское правило: "разделяй и властвуй". Таким образом, монголы приступили к собиранию, к организации Руси, *подобно своему государству*, ради водворения встране порядка, законности и благосостояния.

В результате такой политики монголов, всюду вводивших установленные еще при Чингис-хане порядки, они дали покоренной ими стране основные элементы будущей московской государственности: самодержавие (ханат), централизм, крепостничество. Равным образом, исходя из задач административного и финансового управления, они распорядились сооружением почтовых трактов, установили ямскую повинность населения, улучшив этими мерами условия сообщений на обширных пространствах Восточно-Европейской равнины, произвели общую перепись населения в фискальных целях, ввели однообразное военно-административное устройство и податное обложение по принятой у них десятичной системе, а также установили общую для всех русских областей монету — серебряный рубль, разделенный на 216 копеек*.

Дань хану от податного населения должна была вноситься в размере $^1/_{10}$ части дохода каждого хозяйства. То же население ставило десятого человека в ханское войско. Всем этим заведовало особое доверенное лицо при хане из монголов, которое называлось "даруга" (заведующий печатью). Даруги (по-татарски — "баскаки") были представителями хана в покоренных странах; это установлено Чингис-ханом.

Так как у монголов была строгая соподчиненность в администрации и войске, то одного из князей ставили старшим, давая ему "ярлык"** на

---

* Монгольские слова *казна, деньга, алтын, таможня* и поныне остались в русском языке как следы монгольской финансовой организации. Подобным же образом наши слова ямщик, ямской и т. п. происходят от монгольского корня "ям". "Бояра" по-маньджурски значит телохранитель хана. Мерин, чаша — слова маньджурского происхождения; башмак, колпак, пай и больше 200 других слов обиходной речи по словарю Даля — монгольского происхождения.

** "Ярлык" — указ хана по вопросам законодательства или управления — подлежал обнародованию словесно или в виде ханских грамот: на дощечках, каменных плитках, свитках, отдельных листах (пальмовых, а после бумажных), вырезывался на скалах, утесах, на больших дорогах и т. д. Ярлыки писались при общем назначении на нескольких языках, для каждого народа на его родном языке, для чего при дворах существовали особые писцы. К ярлыку вместо печати привешивалась алая тамга хана — родовой герб. Кроме того, выдача ярлыка сопровождалась выдачей тому лицу, которое должно объявлять его, особого приказа (пайцзы),

великое княжество, а всех других заставляли подчиняться ему. Через него хан посылал свои приказы с требованием беспрекословного исполнения их всеми князями. Для контроля деятельности князей хан назначал к ним своего "даруга" или "баскака"*, каковым должен был быть монгол; он был как бы комиссаром хана при русских князьях. В распоряжении баскака был отряд войска, который всегда расквартировывался вне черты города в видах безопасности и деморализующего влияния городов. Они известны были под именем "татарских слободок". Если же какой-нибудь князь отказывался повиноваться или не исполнял указ хана, или не представлял положенную сумму подати, то как исполнительный орган власти выступал баскак со своим отрядом войск.

Сделаем краткий исторический обзор влияния Золотой Орды на возвышение Москвы главным образом по историческим данным профессоров Ключевского и Платонова.

Московские князья, начиная от Ивана Калиты и его сыновей, имея деньги, начали скупать земли у частных лиц, монастырей и мелких князей без особого плана, и, конечно, денег ни у кого из них не хватило бы, чтобы скупить и собрать Московское царство. Главная же причина возвышения Москвы это сильная помощь золотоордынских ханов московским князьям. Многие историки эту помощь считают случайной, бессознательной. Это мнение поверхностно, основано на непонимании мировоззрения Чингис-хановичей, монгольской военной культуры того времени вообще и "Джасака", по которому управлялась вся Монгольская империя, в этом числе и Московская Русь.

Всюду мы видели строгую соподчиненность в административно-политическом отношении от воина или простолюдина до князей и темников, а от последних до наместника или удельного хана и до Великого Императора, ниспосланного Богом на землю. Вот почему русское самодержавие не имеет себе повторения на Западе и так было близко и понятно монгольскому ханату. В вассальных уделах: в Китае, Персии и Руси организовывали государственное управление однообразно: во главе ставился местный князь, при нем был баскак с войском.

Местному главному князю подчинялись остальные князья, через него проводилось все управление. Этот местный князь был подчинен во всем удельному хану, а последний — Великому Богдыхану. Конечно, из местных ставился во главе более лояльный; таковыми как раз оказались московские князья, начиная с Ивана Калиты. Он чаще других ездил в Орду с подарками, и там он снискал себе уважение и был желанным гостем. Московские князья, повествует Ключевский, действовали дипломатией и "смиренной мудростью", в то время как старшие их соперники, тверские князья, действовали силой оружия. Благодаря

подтверждавшего действительность воли хана, — подлинность ярлыка. Так в указе Бердыбек-хана митрополиту Алексею говорится: "лейсу (пайцзы)) да ярлык с алою тамгою дали есмы на утверждение воли". (Рязановский В. А. Обычное право монгольских племен).

* "Даруга" — по-могольски, а по-татарски — "баскак".

этому московский князь, хотя по генеалогии был младшим из всей братии, добился великокняжеского престола. Хан поручил Калите наказать тверского князя за восстание, что и было исполнено и за что Калита и получил в 1328 году великокняжеский престол, который с тех пор уже не выходил из-под московского князя. "С этих пор приостановились татарские нашествия на Московскую Русь, и там установился мир и порядок на 40 лет, отсюда и усиление Московского княжества. За эти 40 лет появилось 2 поколения, не видевших страха от татар, они принесли Куликовскую победу".

Как увидим далее, власть великого князя не была номинальна, он был наделен ханом такими функциями власти, которые способствовали собиранию Московского княжества.

Татары каждые 10 лет в течение первых 35 лет переписывали народ, и подать собирали сами или их отряды, наводившие ужас на страну, а потом "сбор податей был предоставлен московскому великому князю, начиная от Ивана Даниловича, что послужило могучим орудием для объединения удельной Руси. Московский князь как сборщик хана бил свою братию — князей — не мечом, а рублем.

Сперва простой ответственный приказчик хана по сбору и доставке дани московский князь был наделен ханом властью полномочного *руководителя* и *судьею* русских князей. Летописец рассказывает, что когда дети Калиты по смерти отца в 1341 г. явились к хану Узбеку, тот встретил их с честью и любовью и "обещал никому мимо их не давать великого княжения. Из них Семену, получившему великое княжение, даны были "под руки" все князья русские, ему были подручные князья рязанские, ростовские и даже тверские".

Семен давал чувствовать это свое положение всем князьям, за что и был прозван Гордым. По смерти Семена преемник его "Иван получил также ярлык хана на великое княжение и вместе с этим судебную власть над всеми князьями Северной Руси: хан велел им во всем слушаться великого князя Ивана и у него судиться, а в обидах жаловаться на него хану". В княжение Иванова сына Дмитрия это объединение во главе с Москвой достигло почти гегемонии над остальными уделами. Дмитрий при молчаливой поддержке Орды стал насильственно присоединять уделы. Захватил Стародуб на Клязьме и Галич с Дмитровым, выгнав тамошних князей из их вотчин. Сын его Василий "получил ярлык на управление Муромом, Тарусом и целым Нижегородским княжеством"*.

Так с конца XIII в. планомерно увеличивалось Московское княжество.

"Удельные князья монгольского периода, если бы были предоставлены вполне сами себе, разнесли бы свою Русь, — повествует Платонов, — на бессвязные, вечно враждующие удельные лоскутья, так как в их опустошенном общественном сознании оставалось место только истинктам самосохранения и захвата, но, к счастью, княжества тогдашней Северной Руси были не самостоятельные владения, а даннические

---

* Взятые в кавычки цитаты — из "Русской истории" Ключевского.

"улусы" татар, их князья звались холопами "вольного царя", как величали у нас ордынского хана. Власть этого хана давала единство мельчавшим и взаимно отчуждавшимся вотчинным углам русских князей.

Гроза ханского гнева сдерживала "забияк". Хан был верховным арбитром русских князей, споры которых разрешались там и всегда в пользу и возвышение Московского княжества. Так, окрепшей Москве предстала угроза потери всего приобретенного, когда князь Юрий Галицкий, опираясь на "духовную" Донского, не хотел признать право своего племянника Василия Темного на Московский престол и поехал судиться в Орду. "Успех Юрьева притязания перенес бы великое княжение на другую линию московского княжеского дома и расстроил бы порядки, заводившиеся Москвой целое столетие и грозил бесконечной усобицей.

И этот опасный для Москвы спор был разрешен ханом опять-таки в пользу Москвы и Василия, ссылаясь на то, что источник власти — воля хана, а не старые летописцы и мертвые грамоты (т. е. духовная Донского), на которые опирался князь Юрий Галицкий"*.

Таково было в самых общих чертах значение монгольского владычества для России в государственно-политическом отношении. Сильно отразилось оно и на культуре русского народа и далеко не в одном только отрицательном смысле, как утверждается ходячими на этот предмет мнениями. Например, как известно, одним из путей проникновения в Древнюю Русь иностранных культурных влияний был большой торговый путь — так называемый "из Варягов в Греки". Однако по отсутствии на Руси сильной центральной власти, способной осуществлять национальные задачи и держать в повиновении хищников-соседей, путь этот на участке нижнего течения Днепра стал после смерти Владимира Мономаха подвергаться непрестанным и продолжительным перерывам вследствие нападения на торговые караваны полудиких племен, кочевавших в южно-русских степях. Только сильная монгольская власть, частью уничтожившая, частью покорившая этих кочевников и покровительствовавшая торговым сношениям, оказалась в состоянии водворить спокойствие и безопасность в указанном районе, в результате чего наступили условия для нового расцвета торговли "из Варягов в Греки" и обратно, а затем и с Востоком: потянулись купеческие караваны в Кипчакскую землю и в Среднюю Азию; случалось им доходить до Монголии и Китая, до Индии.

Связь между властвовавшими на юге России монгольскими ханами и князьями, с одной стороны, и византийским двором с другой стала настолько близкой, что темник Ногай, правнук Чингис-хана, впоследствии полунезависимый от Сарая, получил в супружество дочь византийского императора Михаила Палеолога.

Если монгольское владычество и привело к некоторому сокращению сношений России с Западной Европой, то, с другой стороны, оно открыло русским людям пути на Восток и содействовало их знакомству

* В кавычки взяты цитаты из лекций по русской истории Платонова.

с восточными народами. С представителями этих народов наши князья и лица их свиты встречались в ставке ордынского хана в Сарае, а также в столице великого императора в Каракоруме; в соприкосновение с теми же народами приходили и русские, служившие по набору в ханских войсках или принимавшие участие в экспедициях и походах в Азии в составе вспомогательных отрядов, поставленных князьями по требованию хана. Участие это не всегда было подневольным, иногда князья со своими дружинами добровольно нанимались к хану на службу подобно тому, как в более раннюю историческую эпоху варяжские (норманские) витязи служили по найму у разных европейских государей. Есть много указаний, что русские воины и целые русские части состояли на службе у ханов даже в такой отдаленной стране, как Китай. Туда же могли попасть из России и неисправные плательщики налогов, которые, по данным наших летописцев, обращались в рабство.

В китайских государственных анналах сообщается под 1332 годом нашего летоисчисления, что принц Дианг-хи подарил Великому хану 170 русских пленных; в том же году была заказана одежда и заготовлено зерно на 1000 русских воинов. Несколько раньше Великий хан Тоб-Темур из Чингис-ханидов имел особый полк из "улос" по-китайски ("орос" по-монгольски), т. е. из русских. Полк этот был под командой темника и назывался "во веки веков верная русская гвардия". И. Я. Коростовец, пользовавшийся отчасти китайскими источниками, также сообщает, что в царствование Кубилай-хана имелся в Пекине отряд русской лейб-гвардии. При внуке этого хана русская гвардия была наделена участком земли к северу от Пекина*.

Францисканец Вильгельм Рубрук, посланный Людовиком Святым к Мёнкэ-хану, прибыл после непродолжительной остановки в резиденции Батыя на Волге к ханскому двору в Каракоруме, где и прожил с 1253 по 1255 г. Он свидетельствует о полной веротерпимости монгольских владык и о том множестве представителей различных наций и вероисповеданий, с которыми ему приходилось встречаться при дворе; там были и европейцы, и армяне, и сарацины, и несториане разных национальностей. Значит, с теми же представителями приходилось встречаться и русским при посещениях ими ханских ставок.

Эти сношения с восточными народами и пример той терпимости, которую проявляли монголы по отношению к людям другой веры и другого языка, несомненно, сыграли крупную роль в последующем проникновении России в Азию и в мирном сожительстве русского народа с иноверными и иноплеменными народами, вошедшими в состав Московского государства, чего мы далеко не видим в европейских державах той же эпохи.

Восточные обычаи распространились неудержимо на Руси во время монголов, принося с собой новую культуру, новый быт, пишет Всеволод Иванов; так, изменилась коренным образом одежда: от длинных белых

---

*Коростовец И. Я. Указ. соч. С. 7,11.

славянских рубах, от бритых голов с "оселедцами", длинных штанов они перешли к золотым кафтанам, к цветным шароварам, к сафьяновым сапогам и тафьям и мурмолкам. Ношение последних было распространено настолько, что глава 39 Стоглава (т. е. собрания правил, изданных царем Иваном и митрополитом Макарием в 1551 году) выражает осуждение ношению этих шапочек в церквах православным царям, князьям, боярам, вельможам и христианам.

Большое изменение культурного быта внесло то время в положение женщины: теремный быт и затворничество русской женщины есть порождение Востока; кроме этих крупных черт есть множество мелких черт повседневного русского быта того времени, которые в многообразии своем ждут специального исследователя.

Счеты, которых и сейчас не знает Запад, валенки, кофе*, пельмени, тождественность русского и азиатского плотничного и столярного инструмента, сходство стен кремлей Пекина (Хан-балу) и Москвы, других городов, — все это влияние Востока.

Церковные колокола, эта специфическая русская подробность, видимо, пришли из Азии, как доказано, оттуда и ямские колокольцы. До монголов в монастырях и церквах употребляли не колокола, а "било и клепало". Литейное искусство было развито тогда в Китае, и естественно могли прийти оттуда и колокола непосредственно, а не через эллинский Запад.

Не останавливаясь пока на других культурных влияниях, которые оказало на Россию монгольское владычество, так как к этому вопросу мы еще вернемся, упомянем лишь еще, что такое влияние можно подметить и в области военного дела. Так, например, в битве на Куликовом поле 1380 года мы видим у великого князя Дмитрия Донского блистательное применение резерва, когда князь Владимир Андреевич Храбрый в решительную минуту бросился на татар со своим свежим отрядом и вырвал из рук Мамая колебавшуюся победу. По мнению генерала Иванина, идея резерва, чуждая тогдашнему русскому (и вообще европейскому) военному искусству, могла быть заимствована Дмитрием от монголо-татар**. Несомненно также крупное влияние, которое оказало военное искусство монголов на боевые приемы и вообще на образ действий на войне наших казачьих войск. Казачья лава — прямая наследница монгольской лавы.

Чтобы понять возможность благотворного влияния монгольского владычества на русскую культуру, необходимо только отрешиться от того ходячего и глубоко ошибочного взгляда на Монгольскую державу, как на государственное образование, обязанное своим возникновением и дальнейшим существованием грубой и необузданной силе многочисленной и дикой "орды", предводимой кровожадными деспотами, у которых единственным приемом управления покоренными народами был жесточайший террор.

---

* См. раскопки г. Сарая.

** Иванин М. И. Указ. соч. С. 203.

Не повторяя того, что уже было сказано в главе IX по поводу пресловутых "жестокостей" монголов, заметим только, что в числе преемников Чингис-хана на императорском троне мы встречаем, безусловно, просвещенных и гуманных монархов. По мнению М. И. Иванина, разделяемому всеми исследователями, изучавшими вопрос по первоисточникам, управление Чингисидов... было полезно для их подданных, и Чингисиды по образованию были выше своего века"*. Сам основатель империи в то жестокое, насыщенное людской кровью время сумел оставить изречение, заслуживающее быть причисленным к лучшим достижениям человеческой культуры: "Уважаю и почитаю всех четырех (Будду, Моисея, Иисуса и Магомета) и прошу того, кто из них в правде наибольший, чтобы он стал моим помощником"**.

Отметив это, можно установить как исторический факт, что монгольское владычество в Азии и в Европе способствовало, подобно Pax Romana древнего мира, не падению, а подъему культуры Старого Света.

Мусульманские науки и ремесла были перенесены на Дальний Восток; изобретения китайцев и их административное искусство стали достоянием Запада. В опустошенных войной мусульманских землях ученые и зодчие дожили под монгольским владычеством если не до золотого, то до серебряного века; а XIV век в Китае был веком расцвета литературы... и веком блеска — веком (монгольской) династии Юань***, который можно смело назвать золотым веком, в особенности при просвещенном императоре Кубилае, внуке Чингис-хане.

Только после монгольского завоевания европейские проповедники христианства могли впервые рискнуть показаться в далеких азиатских странах. В XIII веке в Китае появились первые папские легаты, пользовавшиеся покровительством монгольских монархов. В 1299 г. в Пекине построена католическая церковь и приступлено к переводу на монгольский язык Нового Завета.

Не пренебрегала монгольская — в частности, золотоордынская — власть и материальной культурой. Начало хлебопашеству в степной полосе Южной России было положено Батыем. По его повелению были учреждены первые хлебные магазины****. Дальнейшие сведения о культурной работе монголов на территории нынешней России заимствуем у П. Н. Савицкого:

"Огромный район земли является общим Российской империи и "Джучиеву улусу". Мы подразумеваем основное протяжение Российских низменностей-равнин нынешней доуральско-русской, западно-сибирской и туркестанской, с прилегающей частью Кавказа — основная территория Джучиева улуса составляет основную часть новейшего Российского государства: бассейны Волги и Дона в их полном составе; Киев, Смоленск, Новгород и Устюг, побережья Аральского моря (тогда

---

* Иванин М. И. Указ. соч. С. 5.

** Федоров С. А. Донцы в наследии Чингис-хана//Вольное казачество. Прага. 1928.

*** Лэм Г. Указ. соч. С. 206-207.

**** Иванин М. И. Указ. соч. С. 5

и теперь Узбекистан) и степи позднейших Тобольской и Томской губерний".*

"Всякое элементарное изложение русской истории отныне должно знакомить с образами тех царей и тех темников, в деятельности которых выразились в свое время геополитические и хозяйственные тяготения, приведшие к созданию великого русского государства и в настоящее время являющиеся основой существования СССР. Имена этих царей и темников должны явиться одним из символов трактовки Российских низменностей-равнин и прилегающих к ним стран как геополитического единства".

"Не надо забывать, что и в смысле экономическом золотоордынская власть имела дело с использованием хозяйственных ресурсов тех самых территорий, которые в настоящее время являются поприщем экономической деятельности народов России. В настоящее время нет сомнения, что это использование было многосторонним. Как выражается В. В. Бартольд, доказано, что, несмотря на произведенные монголами опустошения, первое время существования Монгольской империи было временем экономического и культурного расцвета для всех областей, которые могли воспользоваться последствиями широко развившейся при монголах караванной торговли и более тесного, чем когда-либо прежде и после, культурного общения между Западной и Восточной Азией".

"Пришедшие к процветанию в течение XVIII—XIX веков русские города Причерноморья, а также Среднего и Нижнего Поволжья представляются в широкой исторической перспективе воспроизведением и возрождением располагавшихся в тех же местах культурно-городских центров золотоордынской эпохи (Сарай на Волге, Бахчисарай и другие города в Крыму)".

"В Поволжье остатки домов с облицовкой мрамором и изразцами, водопроводы, надгробия, куски серебряной утвари, парча, венецианское стекло выступают свидетелями о жизни татаро-монгольских культурных сородичей XIII-XIV веков и... отношений с другими народами Востока и Запада".

"Ряд золотоордынских Белых царей и темников XIII-XIV веков в качестве распорядителей судьбами Российских низменностей-равнин может и должен быть сопоставляем с образами русских императоров, императриц и полководцев XVIII-XIX веков. И если среди последних мы видим много значительных и одаренных фигур, то немало их и среди первых: назовем "властного и сурового правителя" Берка; "победителя греков" темника Ногая, из чингисханидов — правителя Причерноморья 1266-1299 гг., "правосудного и расположенного к людям добра всякого вероисповедания", в то же время "властного и сильного" хана Тохту, великого Узбека, Джанибека, при котором была "большая льгота русской земле".

"Нужно отдать должное дому Джучи и монгольской военной среде. Ряд администраторов и полководцев, выдвинувшихся в истории Золотой Орды в течение одного столетия (от середины XIII по середину XIV века

---

* Горная страна в восточной части нынешней киргизской степи "Казакстан" входил в Чагатаев улус, обнимавший нынешний Туркестан.

— "великое столетие Золотой Орды"!) может поспорить с любым таким рядом в истории других народов и стран. В особенности, если мы вспомним, что Золотая Орда есть только часть того целого, в центре и других частях которого действовали и Чингис, и его полководцы, и последующие великие ханы XIII века, среди которых немало крупных фигур".

"Для русского человека изучение истории этих людей полно глубокого интереса. Деятели Золотой Орды соприкасались со многими геополитическими сочетаниями, которые в настоящее время остаются в силе для России".

"Сила золотоордынской государственной традиции не была исчерпана в "великое столетие" Золотой Орды. Крупным фактором является двукратное "возрождение" государственно-политической традиции Золотой Орды. Первое из них можно назвать Тимуровым возрождением (конец XIV — начало XV века), второе — Менгли-Гиреевым или крымско-османским XV-XVIII века.*

Не безынтересны сведения о жизни и быте золотоордынских столиц.** Город у с. Селитреного является, видимо, старым Сараем (основан Батыем), город около Царева — новым Сараем (построен Узбеком). Развалины первого занимают пространство не менее 36 кв. верст (на 12 в. вдоль Ахтубы полосою в 3 в. шириной); развалины второго — не менее 48 кв. верст. Кроме того, верст на 30 (от Царева) простираются отдельные группы развалин по гребню Сырта вдоль Ахтубы. Видимо, это были мировые города в подлинном смысле слова.

Замечательны гидротехнические оросительные сооружения Нового Сарая. Город был пересечен каналами и орошен прудами (вода была проведена также в отдельные дома и мастерские). Одна из систем бассейнов располагалась по склону Сырта. Падение воды использовалось заводами, устроенными около дамб (белый уголь татарской столицы). Найдены остатки железных приводных колес в несколько пудов весом. Старый Сарай во времена Узбека являлся по преимуществу промышленным центром: развалины горнов, кирпичный завод, поташные печи, целые городки керамических мастерских. Однако и в Новом Сарае открыты остатки монетного двора, ювелирных, придворных сапожных, портновских и других мастерских. В торговом квартале обнаружены остатки товаров происхождением со всех концов монголосферы, например, кофе, чем опровергается мнение, что кофе вошло в употребление только в XVII веке. В деревянных конструкциях встречаются еловые бревна (ближайшие еловые леса отстоят от Сарая на несколько сот верст). В обоих городах были районы, состоявшие сплошь из *кирпичных* построек. Технически хорошо оборудованы и благоустроены были жилые дома золотоордынского города: прекрасные полы и любопытная система отопления свидетельствуют о чистоте, тепле и уюте.

---

* Из геополитических заметок по русской истории П. Н. Савицкого.

** По сводке А. В. Баллода — "Старый и Новый Сарай".

В окрестностях располагались дворцы, окруженные садами. В предместьях размещались шатры прикочевавших к городу степняков. В Новом Сарае обнаружено немало христианских погребений. Там же развалины, приурочиваемые к древней русской церкви. В Сарае существовал особый русский квартал.

Наблюдения П. Н. Савицкого по этому поводу следующие: за последние века мы знаем *четыре* столицы, каждая из которых администрировала в свое время все пространства европо-азиатских низменностей-равнин; это два Сарая, Москва и Петербург. Все четыре города на географической карте располагаются на одной прямой, а именно по линии, соединяющей устье Волги с устьем Невы. Эта линия есть как будто "ось развертывания" почвенно-ботанических зон Доуральской России. От XIII к XVIII веку административный центр этих низменностей-равнин перемещался по этой линии с юго-запада к северо-западу: каждая более поздняя столица расположена на северо-запад от более ранней: Новый Сарай на северо-запад от Старого, Москва на северо-запад от Нового Сарая, С.-Петербург на северо-запад от Москвы. В XX веке процесс пошел в противоположном направлении: столица вернулась в Москву. Возможно, что процесс на этом не остановится. В широкой исторической перспективе представляется вероятным дальнейшее перемещение столиц на юг и восток, быть может, в Среднее или Нижнее Поволжье".

Сарай в 1260 г. посетил венецианец Марко Поло, пробираясь с золотой дощечкой на право взимания ямщицких подвод с другого конца монголосферы — Хан-балу (Пекин) — через Черное море в Венецию*. Араб Ибн-Батута описывает Сарай как город прекрасный и населенный. Полдня надо употребить, чтобы объехать его кругом. Он населен, говорит этот писатель, монголами, татарами, аланами, черкесами, русскими и греками.

Таким образом, мы здесь, очевидно, имеем дело с одной из исчезнувших цивилизаций, и на современных монголов надо смотреть как на греков и римлян (итальянцев)**. Глубоко ошибочный путь избирают те казенные историки, которые, подобно Иловайскому, вскользь трактуют "монгольское иго" как нечто второстепенное в русской истории, а также те многочисленные европеизированные представители русского общества, стыдящиеся слов "Азия" и "монгол". Необходимо решительно отбросить эти предрассудки европеизма и иметь гражданское мужество, хотя бы после столь жестоких ошибок и потрясений русского народа, посмотреть исторической истине прямо в глаза и, познав себя, выбрать правильный путь. "Познай самого себя" и "будь самим собой" — вот исходные точки правильности пути. Поэтому пора перестать

---

* Кроме своих весьма ценных наблюдений, этот отважный путешественник вез с Дальнего Востока к себе домой в Венецию: способы производства кредитных билетов, векселей, компаса, шелка и макарон китайских — теперь итальянских. Из Венеции эти полезные знания распространились по Европе.

** Проф. Лауфер.

думать и твердить со слов все тех же казенных учебников, что суть "монгольского ига" исчерпывается тем, что какие-то "неизвестные дотоле" монголы нахлынули на Русь и, покорив ее силою оружия, стали взимать с русских дань, что эпоха эта представляет самое мрачное время русской истории, в течение которого наш народ испытывал огромный культурный регресс и унижение своего национального достоинства; это унижение усматривается, между прочим, в том, что русские князья принуждены были ездить в Орду "на поклон" для получения от хана ярлыка на княжение и по другим надобностям, а также в обложении русской земли данью, собираемой теми же князьями, которую и отвозили в ханскую ставку.

С прекращением этих поездок связь с Ордой как будто прерывается и начинается период самостоятельного существования Московского великого княжества.

В русских исторических трудах, в особенности в учебниках, Батый трактуется как независимый хан, между тем он управляет Золотой Ордой только на правах удела или наместничества Великой Монгольской империи. Нигде не приходится прочесть у наших казенных историков, что Батый явился на Русь как внук Чингис-хана, как наследник старшего его сына Джучи, которому даны были в походе на Запад мощь и авторитет Чингис-хана и всей его империи. Мало того, историки даже не замечают монголов, этих настоящих хозяев около 300-летнего периода русской истории; трактуется о подчиненных монголам татарах: "татарское иго", "татары", "хан татарский" и т. д. , как будто монголы здесь не имеют никакого отношения.

Подобная слишком поверхностная трактовка предмета похожа на то, если бы кто вздумал писать историю, например, Рязанского удельного княжества вне связи с историей Москвы. Она безусловно не захватывает всей глубины исторического процесса. В течение около трехвекового вхождения Руси в состав Монгольской империи, несомненно, жизнь взаимно влияла на русских и монголов. Как мы видели, помимо постоянного соприкосновения у себя на родине, русские люди проникают в глубину Азии, откуда они должны были приносить с собой все новые и новые влияния, т. к. в это время Азия культурно стояла много выше — не только Руси, но и Запада, и не только в духовном, но и в техническом отношении. Мы знаем также, что не только в Сарае, но и в Каракоруме и в Хан-балу постоянно жили русские, имея свои кварталы и даже свои экзархаты.

Однако главная доля влияния монгольского ига на Россию относится именно к области духовных связей. Можно без преувеличения сказать, что православная церковь свободно вздохнула во время владычества монголов. Ханы выдавали русским митрополитам золотые ярлыки, ставившие церковь в совершенно независимое от княжеской власти положение. Суд, доходы, — все это подлежало ведению митрополита, и не раздираемая усобицами, не обираемая князьями, постоянно нуждавшимися в деньгах для войн, церковь быстро приобрела материальные средства и земельную собственность, а главное такое значение в

государстве, что могла, например, позволить себе предоставлять убежище многочисленному люду, искавшему у нее защиты от княжеского произвола.

Вообще православное духовенство пользовалось у монголов, еще язычников в то время, почетом и покровительством: это факт, представляющийся маловероятным в эпоху ожесточенных религиозных гонений в Европе, где господствовал принцип: cuius regio, eius religia (чья власть, того и вера), когда пылали костры альбигойцев и тамплиеров и считалось богоугодным делом избивать сарацин и других иноверцев.

Для характеристики отношения монголов к чужим религиям подчиненных им народов интересен указ Чингис-хана, этого родоначальника золотоордынских ханов и основателя политики абсолютной веротерпимости, даже покровительства. Указ этот дан на имя главы таосского религиозного учения Чан-Чуна, называемого по духовному цю-шен-сян. "Святейшее повеление царя Чингиса, повеление начальникам всех мест. Какие есть у цю-шен-сян скиты и дома подвижничества, в них ежедневно читающие священные книги и молящиеся небу пусть молятся о долгоденствии царя на многие лета: они да будут избавлены от всех больших и малых повинностей, оброков и податей, скиты и дома монахов, принадлежащих цю-шен-сяню во всех местах, да будут избавлены от повинностей, податей и оброков; вне сего, кто будет ложно называть себя монахом, под незаконным предлогом отказываться от повинностей, того доносить властям и наказывать по усмотрению и по получению настоящего повеления, да не осмелится изменить и противиться оному. Для чего и дано сие свидетельство."

Сие послание вручено шень-сяню для хранения. Свидетельство (местной власти): "принадлежащие цю-шень-сяню монахи и усердно и строго пребывающие в скитах люди равно избавляются от податей, повинностей и оброков. Да сообразуются с сим. В год овцы, третьей луны (с приложением императорской алой печати) 1223 г."*

Наследники Великого Чингис-хана золотоордынские ханы продолжали его политику покровительства чужим религиям в Руси.

В 1270 г. хан Менгу-Тимур издал следующий указ: "На Руси да не дерзнет никто посрамлять церквей и обижать митрополитов и подчиненных ему архимандритов, протоиереев, иереев и т. д.

Свободными от всех податей и повинностей да будут их города, области, деревни, земли, охоты, ульи, луга, леса, огороды, сады, мельницы и молочные хозяйства.

Все это принадлежит Богу и сами они Божьи. Да помолятся они о нас".

Хан Узбек еще расширил привилегии церкви: "Все чины православной церкви и все монахи подлежат лишь суду православного митрополита, отнюдь не чиновников Орды и не княжескому суду. Тот, кто ограбит духовное лицо, должен заплатить ему втрое. Кто осмелится издеваться

---

* Описание путешествия монаха Чан-Чуна на Запад .

над православной верой или оскорблять церковь, монастырь, часовню — тот подлежит смерти без различия русский он или монгол. Да чувствует себя русское духовенство свободными слугами Бога".

Можно ли подумать, что это было 650 лет тому назад? А теперь?

На это могу привести следующий исторический факт. В 1918 году в феврале красная гвардия и советы докатились до Уфы, которая большей своей частью — татарская. Совет приказал арестовать митрополита Уфимского Андрея (кн. Ухтомского) и реквизировать церкви для каких-то целей... Но приказ не был приведен в исполнение, не благодаря сопротивлению православных, а благодаря энергичному протесту татар-мусульман, заявивших что они не выдадут "этого великого муфтия" врагам Бога, как не позволят оскорбить "православные мечети".*

О брате Батыя, хане Берка, наследовавшем ему в Золотой Орде, Карамзин пишет, что он "любил искусства и науки; ласкал ученых, художников; украсил новыми зданиями свою Кипчакскую столицу и позволил россиянам, в ней обитавшим, свободно отправлять христианское богослужение, так что митрополит Кирилл в 1261 г. учредил для них особую экзархию под названием Сарской, с коею соединил епископию южного Переяславля впоследствии".

Тот же хан Берка отпустил на храм митрополита Кирилла в Ростове годовой оброк со всей Ростовской земли за то, что по всему Ростову пели молебны о здравии ханского сына, который действительно выздоровел.

Царский племянник, молодой и пылкий татарин, прибыл с владыкой в Ростов и пленился здесь красотою учения Христа. После смерти хана Берка царевич принял православие, раздав все свое имение "татарским нищим"; таким образом явился на Руси Св. Петр, царевич Ордынский**. Когда царевичу Петру пришло время жениться, то в Ростове нашли ему и невесту — православную татарку. Брат князя Бориса Васильевича, князь Глеб, кратковременно сидевший в Ростове, тоже был женат на татарке, названной при крещении Феодорою.

Сестра хана Узбека, Кончаку, была выдана им за русского князя Юрия Даниловича, и ей было разрешено креститься. Надо заметить, что в это время золотоордынские ханы были уже мусульманами***. Жена хана Джанибека, Тайдула, была исцелена св. митрополитом Алексием от слепоты и во многих случаях брала русских под свою защиту.

Из немногих исторических фактов, приведенных для иллюстрации, можно судить об отношении Золотой Орды к православию. Св. Александр Невский, поняв, что России еще не под силу бороться с монголами, стал служить хану не за страх, а за совесть. Только в союзе с монголами он мог защититься от натиска воинствующего католицизма на православный Восток. Иначе, быть может, в историю пришлось бы записать факт перехода русских в латинство, подобно участи,

---

* Рудникова Н. Татары — защитники православной церкви.

** Сравн. житие Св. Петра, царевича Ордынского.

*** Первый принял ислам Берка-хан в 1283 году.

постигшей западных славян: поляков, чехословаков, хорватов и словенцев.

В этой своей исторической роли Золотая Орда явилась не только покровительницей, но и защитницей русского православия. Иго монголо язычников и мусульман — не только не тронуло душу русского народа, его православную веру, но даже сберегло ее. Объяснение этого кажущегося парадокса надо искать в сродстве религиозных настроений русского и восточного народов.

"В своем бытовом исповедничестве, — пишет митрополит Антоний*, — русское православие ближе к восточным религиям, чем к западному католицизму и другим христианским исповеданиям". К этим словам архипастыря можно было бы прибавить еще, что русское православие ближе к этим восточным религиям, чем даже к тому же православию у южных славян. В этом выражается влияние мистики Востока, влияние религиозной напряженности в народной массе. На Востоке религия в быте и быт в религии, — в этом ее манящая сила, в этом ее сила духовной культуры и ее основное преимущество перед материалистической культурой Запада. Русское "богоискательство", "сектантство", паломничество к Святым Местам с готовностью на жертвы и муки ради духовного горения могли быть приняты только с Востока, так как на Западе религия не влияет на жизнь и не трогает сердца и души своих последователей, ибо они всецело и без остатка поглощены только своей материальной культурой. Там полный отрыв жизни от религии, заветы которой не исполняются не только мирянами, но и духовенством. Нигде это явление не наблюдается на Западе.

Веротерпимость, составлявшая у монголов один из принципов их сожительства с покоренными народами, позволила после татарского ига монгольской правящей аристократии массой влиться в аристократию русскую, в жилах которой и поныне течет немало монгольской крови. Один из татарской знати, перешедший служить Московскому царю после падения Золотой Орды, Борис Годунов добрался до царского престола. Смущаться этим нечего, так как на свете нет вообще ни одной чистокровной нации, а если бы такая и была, она должна бы выродиться по общим законам биологии. Монгольское иго влило известный процент монгольской крови в кровь русского народа (и не только его высшего слоя) так же, как в монгольской крови оказалась примесь русской. В результате мы имеем русских омонголившихся и монголов обрусевших. Прилив свежей, посторонней крови создает условия для рождения талантов и гениев. Примесь негритянской крови к русской дала нам Пушкина, шотландской — Лермонтова, калмыцкой — Плевако, этого "московского соловья". Собственно между великорусом и монголо-калмыком этнографически разница довольно большая, но если взять цепь народов России: великорус — мордвин — татарин, киргиз — башкир — калмык, то мы видим постепенный переход от одного типа к другому, пишет кн. Н. С. Трубецкой.

---

* Русский военный вестник. 1928, янв.

Смешение крови и взаимное духовное влияние русских и монголов было не только в верхах правящего класса с момента прихода монголов, с начала XIII века, оно шло и идет сегодня через всю толщу народную, так как народ, составлявший тогда Золотую Орду, теперь составляет СССР. "Трудно найти, — пишет Н. С. Трубецкой, — великоруса, в жилах которого так или иначе не течет туранская кровь, а эта же туранская кровь в значительной мере течет и в жилах малороссов от древних степных кочевников, поэтому ясно, что русским ради самопознания необходимо изучить монголо-туранский народ России, тем более, что самый факт объединения почти всей территории современной России под властью одного государства был впервые осуществлен не русскими — славянами, а туранцами — монголами".

Родство "славянской крови" по последним научным данным медицины оказалось мифом*. За последние четверть века в медицине стали переливать кровь здорового человека малокровному, в особенности в острых стадиях, например, послеоперационной, послеродовой и острой стадии малокровия**; причем на практике оказалось, что при переливании кровь некоторых людей действует на больного как яд, а кровь других — благотворно. Наука теперь точно установила, что при переливании должна употребляться только "родственная кровь", с одинаковыми биохимическими коэффициентными показателями. До сего времени и во время европейской войны имелась возможность определить коэффициентный показатель всех наций, причем обнаружилось много новых, даже, казалось бы, парадоксальных научных положений в противоположность существовавшим до того воззрениям, хотя они и не были научными. Так, например, оказалось, что кровь западных и южных славян с коэффициентным показателем 2,5 ближе и "роднее" к крови романо-германских, европейских народов (показатель их 2,5 — 3,5); а кровь восточных славян, русских (показатель 1,3) ближе к тюркским, угро-финским народам (показатель 1,5), даже азийским народам: калмыкам, бурятам и монголам (показатель 0,5), т. е. к народам современной России.

Таким образом, по величине расового биохимического коэффициента народы Европы и Азии можно разделить на три типа, соответствующих их месторазвитиям, а именно: I — европейский тип с показателем выше 2,0; 2 — азийский тип с показателем 1,0; 3 — промежуточный тип, который мы могли бы обозначить как тип современной России с коэффициентом 1,0—2,0; сюда относятся и русские с индексом 1,3, близким к индексу чисто азиатских групп.

Распространение русских на восток было связано с обрусением целого ряда туранских племен; сожительство с туранцами красной

---

* См. Евразийская хроника. 1927, VIII.

** В Америке теперь существует санаторий для здоровых, которые за известное вознаграждение продают определенное количество своей крови малокровным больным, практичным американцам, предварительно определив "родство" коэффициентных показателей крови.

нитью проходит через всю русскую историю. Сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории.

У великороссов и вообще народов северо-восточной России примесь больше монгольско-угро-финской крови, у племен юго-восточной России — тюрко-татарской; отсюда и отличительные признаки в народных характерах этих двух групп. Больше других смешались с азиатами украинцы и донцы, благодаря близкому соседству и потому, что жили на путях передвижения азиатских народов на запад.

Не останавливаясь на кровном слиянии восточных славян с монголо-туранскими народами современной России, которое никем не оспаривается, коснемся лишь бегло "восточного влияния" на характер, психику и культуру восточных славян*.

Обитатели Подонья, уже в те времена отличавшиеся от прочего русского народа большей воинственностью, после покорения Руси были привлечены монголами к военно-полицейской и пограничной службе, составив, таким образом, нечто вроде служилого сословия, освобожденного от тягловой и податной повинности. При этих условиях своей службы и быта донцы, естественно, должны были много заимствовать от монголов. Участвуя с последними в походах и экспедициях, они еще более закалились в боях, вели полукочевой образ жизни, живя в землянках, шалашах и "турлучных домах", которые в случае надобности не жаль было бросить.

Эти жители Подонья — бродники, как они тогда назывались, — в административном отношении управлялись иначе, чем остальная Русь: само население избирало своих десятников и сотников, которые только утверждались монгольским губернатором — "баскаком". Ввиду доверия, которым пользовалось у монголов население Подонья, как служилое сословие, ему было предоставлено право избирать трех кандидатов на должность баскака, из которых хан назначал одного по своему выбору.

В качестве боевого строя донцы усвоили монгольскую лаву, из одежды, снаряжения и вооружения монголов они заимствовали у них седло, нагайку, чекмень, посеребренный пояс, лук, саблю, пику. Правоверный старый казак-донец и теперь носит серьгу в ухе, как носили монголы тогда и носят теперь калмыки. У монголов серьги носили не только простолюдины, но и офицеры и сам хан, как можно видеть теперь на портретах ханов. Бунчук и курень — прямое наследие Чингис-хана, который имел бунчужное знамя, а войско у него еще до новой военной организации делилось на курени по 1000 человек, как объявлено в главе III.

Самое слово "казак" тюркского происхождения, значит "всадник". В Золотой Орде имелась область, носившая название Казакстан; то же название мы встречаем сейчас в числе наименований республик СССР.

Из всех славянских типов казак антропологически и психологически ближе всего подходит к калмыку, т. е. монголу. Это родство подтверди-

---

* Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания.

лось в факте перехода калмыков в 1917 году в казачество, ликвидированное наступившей революцией.

Восточные славяне (великорусы, малороссы и белорусы) на заре своей истории приобщились к византийской культуре, главным образом, духовной ее части, и она дала хорошие плоды на русской почве, в то время как с Запада никак не прививалось восприятие его культуры. Западные товары привозились, покупались, но не производились. Мастера выписывались, но не с тем, чтобы учить русских людей, а только чтобы выполнять заказы. Иногда переводились книги, но они не порождали соответствующего роста национальной литературы. Так было до прихода монголов, с какого времени началось влияние монголосферы. Ни варяги, ни византийцы не смогли дать русским государственность и великодержавность, которые выковывались в суровой школе, называемой по неосознанию ее роли "монгольским игом". Оно продолжалось двести с лишком лет*; столько же приблизительно времени прошло между формальным освобождением Москвы от монгольского владычества и Петром Великим. С него началась усиленная европеизация дотоле национального русского государства, и этот период продолжался также около 200 лет, закончившись революцией. Таким образом, начиная от прихода монголов, каждый двухсотлетний период составляет один этап в истории России.

Ни Запад, ни Византия со своими традициями не исчерпывают культурный или этнографический облик русской народной стихии. Эта стихия и не чисто "славянская", как думают в русском образованном обществе. Культура в смысле общего запаса культурных ценностей, удовлетворяющих материальные и духовные потребности данной среды, в которой всегда жил русский народ, с этнографической точки зрения представляет из себя совершенно особую величину, которую нельзя включить без остатка в какую-либо широкую группу культур или "культурную зону". Эта культура есть сама особая зона, где принимают участие, кроме русских, и "иногородцы"** — угро-финны и тюрки Волжского бассейна. Эта культура соприкасалась на Востоке и Юго-Востоке с тюрко-монгольской "степной" культурой, а через нее связывалась с древними культурами Азии. Связь же на Западе была только с зачаточной культурой "балканских славян", на которой тоже сказывалось общетюркское влияние.

Влияние Востока на русскую стихию ярко сказывается в народном художественном творчестве. Значительная часть великорусских народных песен, стариннейших обрядов и свадебных составлены в так называемой "пятитонной" или "индо-китайской" гамме, т. е. как в мажорном звукоряде, с пропуском четвертой и седьмой ступеней***. Эта гамма существует как единственная у тюркских племен бассейна Волги и Камы, у башкир, у сибирских татар, у тюрков Туркестана, у всех

---

* См. Заключение.

** Следует, видимо, читать "инородцы". *(Ред.)*.

*** Например, на черных клавишах рояля написан романс Рахманинова "Сирень".

монголов. В Сиаме, Бирме, Камбодже и остальном Индо-Китае она господствует и сейчас. Эта непрерывная линия с Востока обрывается на великороссах.

Такое же своеобразие представляет и другой вид "ритмического искусства" — танцы. В то время, как на Западе они отличаются обязательным наличием пары — "кавалера и дамы", — танцующих одновременно и держащихся друг за друга в разных "па", в танцах русских и восточных ничего подобного нет. Танцуют в одиночку, а когда изредка и парой, то не обязательно наличие "дамы", танцевать могут два кавалера (а в восточных танцах почти исключительно), танцевать могут и по очереди двое, так что эротический элемент соприкосновения не играет в них такую видную роль, как в западных танцах. Движениям мужчины дается простор для импровизации. Стремление к неподвижности головы заметно, особенно у женщин, при движении не только ног, как в западных танцах, но и талии и выше ее. В чисто восточных, например, монгольских танцах ноги движутся на носках, под ритм, а танцуют выше талии: тело и руки. Красота танца на Востоке не в "па", выделываемых ногами, а в гибкости, пластичности движений корпуса и рук. Подобно восточным танцам, русский танец носит скорее характер состязания в ловкости, гибкости и ритмической дисциплине тела.

Стиль русской сказки имеет аналогию со стилем сказок тюрков и кавказцев. Русский эпос по своим сюжетам связан с "туранским" и степным "ордынским" эпосом.

Таким образом, в этнографическом отношении русский народ не является исключительно представителем "славянства".

В народном характере русских, безусловно, есть какие-то точки соприкосновения с Востоком. То братание и взаимное понимание, которые так легко устанавливаются между нами и этими "азиатами", основаны на этих невидимых нитях расовой симпатии. Русский национальный характер, хотя и отличается от угро-финского и от тюркского, но решительно не похож на национальный характер других славян.

"Целый ряд черт, которые русский народ в себе особенно ценит, — говорит Н. С. Трубецкой, — не имеет никакого эквивалента в славянском моральном облике. Наклонность к созерцательности и приверженность к обряду, характеризующие русское благочестие, формально базируются на византийских традициях, но тем не менее совершенно чужды другим православным славянам и скорее связывают Россию с неправославным Востоком. Удаль, ценимая русским народом в его героях, есть добродетель чисто степная, понятная монголам и тюркам, но непонятная ни романо-германцам, ни славянам".

Миролюбие есть общая основная черта всех славян в связи с их земледельческим занятием. Таковы все западные славяне, между тем восточные и южные (сербы и болгары) восприняли, первые от воинственных монголов, а последние от подобных же турок, черты воинской доблести: храбрость, выносливость в преодолении препятствий на войне, любовь к дисциплине, — это черты монголо-тюркской конницы, победительницы почти всего Старого Света, эти же черты дали русским

возможность создать Великую Российскую Империю после монгольской школы. Монголы и тюрки в этнопсихическом отношении представляют одно целое, но только у монголов типичные черты выступают более резко, чем у тюрков. Монголо-туранский психологический тип отражается в русском национальном характере, и черты этой психики имели значение в русской истории.

"Психика монгола в нормальном состоянии характеризуется душевной ясностью и спокойствием; его мысли, восприятие действительности, все его поступки, поведение и быт укладываются сами собой в простые и симметричные схемы его, так сказать, "подсознательной философской системы", которая не сознается как таковая, а ушла в подсознание и сделалась основой жизни, что и важно, и положительно, так как благодаря этому нет разлада между мыслью и внешней действительностью, между догматом и бытом. Мысли и факты сливаются в одно монолитное, неразделимое целое. Отсюда ясность, спокойствие и самодовление. Эти положительные стороны монголо-туранской психики, несомненно, сыграли благотворную роль в русской истории, а именно в допетровской Московской Руси. Весь уклад жизни, в котором вероисповедание и быт составляли одно "бытовое исповедничество", в котором и государственная идеология, и материальная культура, и искусство, и религия были нераздельными частями единой системы, теоретически не выраженной и сознательно неформулированной, но тем не менее пребывающей в подсознании каждого и в бытии самого национального целого, — все это носит отпечаток монголо-туранского психического типа.

"А ведь это и было то, на чем держалась старая Русь, что придавало ей устойчивость и силу. Если некоторые иностранные наблюдатели ничего не видели на Руси, кроме раболепия народа перед агентами власти, а последних перед царем, то они не понимали психологии этого народа. Ведь то же самое мы видим у монголов империи Чингис-хана: беспрекословное подчинение, не насильственное, а религиозно-бытовое было основой государственности монголов. В древней Руси управляющим принципом была православная вера, понимаемая как органическое соединение религиозных догматов и обрядов с особой православной культурой, частным проявлением которой был и государственный строй с его иерархической лестницей; этот высший принцип спаял Русь и управлял ею".

Подобно буддизму у монголов и мусульманству у тюрков монголосферы,вошедшим в быт народный, православная вера в древнерусском понимании этого термина была именно той рамкой сознания, в которую само собой укладывалось все: частная жизнь, государственный строй и бытие вселенной.

"Хотя само православие был воспринято русскими от Византии, а не от монголо-тюрок и оно в русском национальном сознании даже прямо противопоставлялось "татарщине", все-таки само отношение русского человека к православной вере и сама роль, которую эта вера играла в его жизни, были в определенной части основаны на монголо-туранской

психологии. В силу монголо-туранских черт своей психологии древнерусский человек не умел отделять веры от своего быта. То психологическое различие между русским и греческим подходом к вере и обряду, ярко проявлявшееся в эпоху раскола, было следствием именно того обстоятельства, что в древнерусском национальном характере глубоко укоренились монголо-туранские этнопсихологические элементы, совершенно чуждые Византии".

Роль монголо-туранских этнопсихологических черт в русском национальном облике, таким образом, мы видим, была положительна, и она должна быть принята при всяком построении новой русской культуры. Отрицать это или умалчивать об этом из-за ложного самолюбия или предрассудков европеизма было бы недобросовестно.

Под властью монголов среди русских племен наступило ратное затишье, до того же времени, как видим из истории, всегда один какой-нибудь князь шел войной на другого. Наступили условия для расцвета торговли. В свете исторического изучения культурной жизни Востока становится многое понятно в истории культуры России. Монгольское завоевание не разрушило русской культуры, не стерло ее бесследно. Но, как и культуры Азии, оно сначала приглушило русскую культуру, нанеся ей удар. Вместе с другими восточными культурами русская культура вначале "оцепенела", "замерла", "впала в летаргический сон", но культурная жизнь под влиянием толчка и новых бродильных элементов с Востока все же продолжалась, так как ей не только не ставилось препятствий завоевателями, но некоторые стороны ее даже поощрялись, как, например, религия. Именно в века татарского владычества Россия утвердилась в православии, превратилась в "Святую Русь", в страну "многочисленных церквей и неумолкаемого колокольного звона". В духовном отношении* культурное влияние монголов на Россию сказалось в том, что оно сделало Московскую Русь еще более восточной и еще менее западной.

Известно, что Московское государство волжским казакам (отрасли донских) еще в начале XVII в. писало грамоты на татарском языке. Пополнение казачества в XVI–XVII вв. шло значительно больше от тюркско-татарских народов, чем великороссов, не говоря уже об украинцах (черкасах). Наконец, говорить по-татарски у донской старшины конца XVIII в. и начала XIX века было признаком хорошего тона, как у русской аристократии того времени говорить по-французски**.

Еще больше, чем на духовную жизнь России, монголы имели влияние на ее государственный и социальный строй. Наши историки ищут "естественных" причин для объяснения государственного и социального развития России. Но как бы правильно ни были указаны эти причины, нет никакого сомнения, что такое огромное историческое событие, как монгольское завоевание с его строгими, четкими формами власти и

---

* Бунаков. Пути России. Современные Записки. 1923.
** Быкадоров. Матерьялы о происхождении казачества.

управления по Чингисовому кодексу "Джасаку" и всепоглощающей фискальной системой, не могло не оказать значительного влияния на государственный и социальный строй покоренной страны. Нужно сказать, что это влияние было определяющим. Монгольское завоевание способствовало превращению России городской и вечевой в Россию сельскую и княжескую. Монгольское владычество помогло северному князю — "слуге ханскому" — сделаться полновластным хозяином своего удела — Московского улуса.

Монгольское владычество положило все русское население впервые в истории России в "число" и содействовало его дальнейшему закрепощению. То же владычество объединило все русские области и "самостийные" города в одно целое и дало возможность Московскому княжеству превратиться в Великое Государство Московское. Еще задолго до создания последнего наивысшим государем на Руси, от которого получали свою инвеституру русские князья, государем, соответствовавшим императорам Западному и Восточному, был царь Ордынский, рассматривавший всю русскую землю как свой улус, как одно из своих владений. Монгольское владычество помогло Московскому князю влить сырое русское общество в строгие формы государственности и связать все государственное целое крепкими бюрократическими нитями. Монгольское владычество сделало Московского государя абсолютным самодержцем, а его подданных — крепостными рабами. Чингис-хан и его наследники управляли своими народами неограниченно именем Вечного Синего Неба; подобно ему Русский царь-самодержец управлял подвластными его народами как Помазанник Божий. Таким образом, мы видим, что Московский царь, по выражению Вс. Иванова, "вылущился от монгольского хана, как птенчик из скорлупы", так как в этом он сходился только с монгольскими ханами и глубоко разнился от западных монархов.

Как бы то ни было, когда кончилось монгольское владычество и Россия освободилась от "татарского ига", то, во-первых, бывшие до прихода монголов удельные княжества и отдельные славянские племена во главе с враждовавшими между собой князьями превратились в Московское государство и в один русский народ и, во-вторых, это государство оказалось удивительно похожим на бывшие государства монгольские и вообще на восточные монархии Азии. Московское государство XVI—XVII вв. — типичный восточный ханат.

Так Восточная европейская равнина была двумя цивилизациями разрезана на две части: Польское и Литовско-Русское государства примкнули к западной цивилизации, что и определило их исторические судьбы, их социальный и государственный строй, резко отличающиеся

от московских. Московская монархия — государство восточное; московский период русской истории — период "азиатский". Начиная с Петра Великого, эта азиатская природа русского народа была покрыта легким слоем европеизма, но Ленин, хотя он был духовным учеником Запада, весь этот слой с налетом Европы безжалостно срезал, и теперь мы видим голое "европо-азийское" нутро русского народа, повернувшееся одним лицом к Востоку, а другим — на Запад, подобно орлу старого русского герба.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего сказанного видно, что "монгольский" вопрос еще не поставлен русскими и европейцами учеными во всей его величине и значение монгольской культуры еще не исследовано ими достаточно. Но можно уже теперь считать доказанным, что обычное представление о монгольском завоевании и монгольском влиянии является сильно устаревшим как результат «эгоцентричности романо-германской культуры. "Монгольское завоевание не было нашествием диких орд и монголы не были ни "дикарями", ни "варварами", иначе они не могли бы одержать победу над народами старых культур двух континентов и создать небывалую в мировой истории Империю.

Правда, всю историю монголов нельзя вместить в рамки восходящих степеней развития "общечеловеческой", т. е. романо-германской культуры, с их кочевым бытом, родовым делением и скотоводческим хозяйством, но из этого еще не следует, что они "дикари", а следует другой вывод: прогрессирующая и восходящая, подобно пирамиде, схема "общечеловеческой" культуры, сочиненная европейскими учеными, в основе своей неправильна и не применима к народам Азии, т. е. к $^1/_2$ человечества. Европейские ученые учат нас, что в войне побеждает более культурный; монголы же в короткий срок без поражения объединили в одном государстве своем $^4/_5$ Азии с Европой.

Все культуры имеют свои идеалы, их характеризующие. Так, древнегреческая культура есть культура знания, идеал ее — *мудрец*. Римская культура есть культура права, идеал ее — *гражданин, герой*. Идеал христианской культуры средних веков — *святой, аскет*. Духовная культура Азии есть культура буддийская, идеал ее — *богочеловек* (нирвана, бодисаттва, Будда). Монгольская кочевая культура есть военная культура, идеал ее — *царство вселенной, монголосфера*. Современная же культура Запада есть культура материалистическая и ее идеал — *капитал!*

Монгольские племена в течение тысячелетий были в непосредственном соприкосновении с Китайской империей и находились под влияни-

ем китайской и уйгурской культур. В течение многих веков они входили в состав больших и сильных тюркских держав и лишь в XII веке, незадолго до своего объединения в одно национальное государство, стали независимыми. Монголы свою удивительную военную организацию создали сами из глубины веков переданными традициями. На своем родовом быте они создали крепкую государственную организацию, а административную, финансовую и податную системы заимствовали от китайцев. Монголы обладали самой совершенной армией из всех тогда существовавших на земном шаре, самой дисциплинированной и наилучшим образом организованной. Она была прекрасно вооружена и снаряжена, имела постоянные обученные кадры и строгую служебную иерархию. Техника ее стояла на высоте своего века. Сам Чингис-хан и его лучшие полководцы Джебе-нойон и Субедей-багатур историками по справедливости считаются военными гениями. Можно без преувеличения сказать, что они превосходят европейских великих полководцев — Александра, Юлия Цезаря и Наполеона как по размерам и числу своих побед и по полному отсутствию в их боевой практике поражений, так и по их достижениям, венцом которых было создание небывалой по величине империи.

На современные монгольские племена, населяющие как историческую Монголию, так и на бурят и калмыков, живущих вне Монголии, надо смотреть как на народы угасшей культуры, подобно современным грекам и итальянцам*, но мы присутствуем при начале пробуждения этого народа после около 500-летнего его застоя вместе с народами всей Азии. Что принесет Европе это пробуждение Азии? Этот вопрос занимает многие выдающиеся умы современной Европы.

В учебниках истории пишут, что свержение Россией монгольского ига, уже поколебленного Куликовской победой Дмитрия Донского, произошло сто лет спустя, при Иоанне III — после порабощения России, в общей сложности продолжавшегося около двух с половиной веков. В действительности в это утверждение необходимо ввести некоторые поправки. Куликовская победа имела моральное значение, материальные же последствия ее, несколько лет спустя после одержания ее над темником Мамаем, были сведены на нет золотоордынским ханом Тохтамышем, который при поддержке Тамерлана (Тимура), восстановившего единство монголо-татарской державы, снова привел Русь в подчинение Золотой Орды, выразившееся в выдаче Дмитрию Иоанновичу ярлыка на великое княжение. Такие же ярлыки продолжали получать и ближайшие потомки Дмитрия. Хотя затем, начиная от Иоанна III, московские

* Проф. Лауфер, монголовед.

великие князья и княжили без ханских ярлыков, и иго формально было свергнуто Иоанном III, однако полное прекращение фактической зависимости от татар правильнее отнести к половине XVI века — времени завоевания Иоанном IV Грозным последних позиций монгольского владычества — Казанского и Астраханского царств, основавшихся на развалинах Золотой Орды, так как только после этого царь стал вполне свободным и "Великим Государем", хотя Крымское царство оставалось еще долго независимым.

Введя такую поправку хронологического характера в историю так называемого монгольского или татарского ига, считаем необходимым еще раз отметить ошибочность обычного мнения о крайней бедственности для русского народа монгольского владычества. Если это и было сопряжено для Руси с материальными жертвами, то зато, с другой стороны, оно являлось для нее превосходной, хотя и суровой школой, в которой выковывались Московская государственность и русское самодержавие; школой, в которой русская нация осознала себя как таковая и приобрела черты характера, облегчавшие ей последующую борьбу за существование. Русь сумела органически переработать и усвоить заимствованное от ее завоевателей и вышла из-под ига в виде, быть может, "неладно скроенного, но крепко сшитого" государственного организма, спаянного духовной дисциплиной и единством бытового исповедничества. Вот результат школы, в которой не только наказывали, но и *учили*. А чем была Русь до прихода монголов, это мы видели. Чингисхан и его империя оставили два великих наследства миру: на Западе на развалинах враждующих русских княжеств возникло царство Ивана Грозного, а на Востоке" — три государства: Цзинь, Сун и Тангут, впервые объединенные монголами, выступающие как единая Китайская империя. Если сравнить "иго монгольское" с "игом европейским" — как можно назвать двухсотлетний императорский период русской истории, период духовного засилия Европы, разрушения и гонения силою власти всего национального, — то итоги этих двух исторических периодов двух школ обнаруживаются наглядно: экзамен на аттестат политической зрелости татарской школы Россия выдержала блестяще, между тем как на экзамене европейской школы на ту же политическую зрелость после периода учения одинаковой продолжительности Императорская Россия жестоко провалилась в 1917 году.

Калмык в боевом снаряжении.

МОНГОЛЬСКАЯ ИЛИ ЮАНЬСКАЯ ДИНАСТИЯ

(Чингисовичей)

По *П. В. Шкуркину*. Ср. "Справочник по истории стран Д. Востока", часть I, Китай, Харбин, 1918 г.

Эта династия является двадцатой династией в истории Китая и называлась до 1281 г. *Монгольской — Мэн-гу*, когда переименована в *Юань*, т. е. «основание , "начало".

1. *Чингис-хан.* Родился, по монгольским источникам, в начале 1155 г. Настоящее полное имя — Тенгрин Огюгсен Темучин. Избран ханом и наименован Чингисом. Полное монгольское имя — Делкян эзен Суту Богдо Чингис-хан (Владыка мира, ниспосланный Богом Чингис-хан). Умер в 1227 г.

2. *Тули-хан (Тулуй).* 1227-1229, наследовал ему как младший сын в качестве регента за время двухлетнего траура по Чингис-хану. Курултаем избирается и на престол вступает брат его, третий сын Чингис-хана.

3. *Угедей-хан (Огдай).* 1229-1241 г. При нем закончены завоевания на Западе и Русь вошла в Монгольскую империю.

4. *Гуюк-хан*, сын Угедея, вступает на престол в 1246 г. после регентства царицы Тураки, вдовы Угедея, отравившей в Каракоруме кн. Ярослава Суздальского, отца Александра Невского. Умер в 1248 г.

5. *Мёнкэ-хан (Менгу)*, сын Тулуя, и таким образом меняет линию преемственности. Вступил на престол в 1249 г. При нем закончены завоевания Передней Азии. Умер в 1259 г.

6. *Кубилай-хан (Кублай)*, второй сын Тулуя с китайским именем Ши-

цзу, вступил в 3-м месяце 1260 г. Завершает дело Чингис-хана, покоряя Китай. Резиденция — Хан-балу (Пекин). Умер в 1295 г. Начало собственной династии Юань.

7. *Тэмур*, с китайским именем Чэн-цзун, внук Кубилая, умер в 1307 г.

8. *Хашан-Кулук*, с китайским именем У-цзун, брат Тэмура, сын Дорма-Балы, умер в 1311 г.

9. *Буиньту*, с китайским именем Жень-цзун, брат У-цзуна, умер в 1320 году.

10. *Шоди-Бала*, с именем Ин-цзун, сын предыдущего, гэгэнь (духовный сан). Покровительствовал буддизму. Убит в 1323 году.

11. *Есунь-Тэмур*, с китайским именем Тай-дин-ди. Ум. в 1328 г. В это время на Руси Иван Калита сидит Великим Князем (1328-1340). Сын Есунь-Тэмура Тай-цзи-Асуцзиба захватывает престол, но скоро свергается сыном Хашан-Кулука (№8) — Тоб-Тэмуром, с китайским именем Вэнь-цзун. Однако и престол удержан был недолго. Тоб-Тэмур отрекается в 1329 году и на престол садится его старший брат.

12. *Хошила-Хутукту-хан*, с китайским именем Мин-цзун, который отравлен в 1329 году опять вступающим на престол Тоб-Тэмуром.

13. *Тоб-Тэмур*, с китайским именем Вэн-цзун, умер в 1332 году, 29 лет от роду. В это время в Пекине охранный русский полк (в 1330 г.).

14. *Или-Джебе*, с китайским именем Нин-цзун, младший сын Тэмура, умер в 1332 г. 7 лет от роду.

15. *Тогон-Тэмур*, с китайским именем Шунь-ди, старший брат Или-Джебе, бежал в Монголию в 7-м месяце 1368 г., умер в Ин-Чане в 1370 г.

Вступает на китайский престол династия Минов.

ИСТОЧНИКИ

1. Труды членов российской духовной миссии, т. IV, 1910 год, Пекин. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Описание путешествия таосского монаха Чан-Чуна на Запад. Перевод с китайского арх. Палладия.

2. *РАШИД-АД-ДИН.* — Сборник летописей. История Монголов. История Чингисхана. 3 части. Перевод с персидского профессора И. Н. Березина. С.-Петербург, 1868.

3. Алтан-Тобчи. Монгольская летопись. Перевод ламы Галсан Гомбоева. (2- и 3 источники в трудах восточного общества Императорского Археологического общества тт. VI, XIII и XV).

4. *Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВ.* Чингис-хан. Петербург 1922.

5. Harold Lamb. Gengis Khan. The Emperor of all Men. London. 1928.

6. Prof. D-r Franz fon Erdmann. Temudchin der Unerschiitterliche. Leipzig. 1862.

7. Проф. *В. БАРТОЛЬД.* — Образование империи Чингис-хана. С.-Петербург. 1896. Вступительная лекция.

8. D-r F. E. Krause. Cingis. Die Geschichte seines Lebend nach den chinesischen Reichsaunalen Heidelberd. 1922.

9. Генерал-лейтенант *М. И. ИВАНИН* — О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и средне-азиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. С.-Петербург. 1875.

10. И. Р. — Наследие Чингис-хана. Берлин. 1925.

11. Проф. князь *Н. С. Трубецкой.* К проблеме русского самопознания 1927.

12. Проф. *В. Л. КОТВИЧ.* История Монголии. Лекции (литогр.).

13. Lieutenant — colonel Rinck. Le Panasiatisme au XIII siecle souse le Tchindis-Khan et ses generaux (литогр.).

14. *Г. В. ВЕРНАДСКИЙ.* Начертание русской истории. Часть I. 1927 г.

15. Его же. Монгольское иго в русской истории. (Статья в Евразийском временнике. V, 1927 г.).

16. *П. Н. САВИЦКИЙ.* Геополитические заметки по русской истории. Приложение к труду Г. В. Вернадского (источник 15).

17. *ВСЕВОЛОД ИВАНОВ.* Мы/ Харбин. 1926.

18. БУНАКОВ. Пути России. Современные Записки, 1923.

19. *Г. Е. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО.* Западная Монголия и Урянхайский Край, т. II, Ленинград, 1927.

20. *В. А. РЯЗАНОВСКИЙ,* проф. Обычное право монгольских племен. Харбин, 1924.

21. Vjekoslav Klaic. Povjest Hrata. Zagreb. 1899.

22. *КОНСТАНТИН JИРИЧЕК.* Историjа Срба. Београд. 1911 г.

23. Доцент *НИКОВ.* — Татаро-болгарские отношения в средние века во время царствования Смилеца. Годишник Соф. Унив. София, 1919-1920 гг.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, прочитана последняя страница книги автора, мало известного современному читателю. Кто он? Какие обстоятельства побудили его буквально на одном дыхании, в стремительном полете творческого вдохновения поделиться своими познаниями с другими?

После составления в 1240 г. "Сокровенного сказания" — эпического повествования монголов о Чингис-хане и его роде, было написано на разных языках мира немало исторических, научных, популярных, художественно-прозаических книг. Из последних хорошо известны в нашей стране романы В. Г. Яна "Чингис-хан", И. Калашникова "Жестокий век", выдержавшие не одно издание. Все это свидетельствует о том, что в каждую историческую эпоху человечество стремится познать и оценить одну из мировых личностей, каким был Чингис. В числе интересующихся был и Эренжен Хара-Даван. Вполне осознавая, что он не первый, да и не последний, кто интересуется Чингис-ханом, в предисловии к своей книге автор должное внимание уделил предшественникам и современникам. Так, с выдающимся русским ученым-монголоведом академиком Б. Я. Владимирцовым, автором изданной в 1922 г. в Берлине книги "Чингис-хан", Эренжен Хара-Даван был знаком по студенческим годам в Петербурге. Высоко ставя авторитет ученого, он не без участия последнего выступил с докладом в 1928 г. в Белградском университете, а затем и написал книгу на русском, а не на родном калмыцком языке.

Хара-Даван не пренебрегал наблюдениями, свидетельствами своих предшественников, современников, с трудами которых знакомился на разных языках. Компилируя и домысливая их, он создает собственное представление о личности Чингиса на фоне истории средневековой Монголии и покоренных чингисидами стран, народов, пытается взаимосвязать его с их последующей историей. Чтобы сделать более убедительным и весомым свой труд, дает приложения к его обеим частям, переведенные в свое время на русский язык разными авторами. Одним из них был его товарищ Санджи Баянов.

Составленный Эренженом Хара-Даваном титул к книге необычно содержательно насыщен. Здесь и обширный подзаголовок, и изображенный символ древнего знания "Очир", и запечатленный на печати Чингиса афоризм, данный опять-таки в русском переводе. В книге немало иллюстраций, причем не столько художественных, сколько исторически-документальных. Таким образом, автор стремился привлечь внимание как можно большего числа читателей к своему труду.

Книга Хара-Давана впервые была издана вдали от монгольского мира на

русском языке в Белграде, в типографии "Феникс", находившейся на ул. Кр. Петра, в доме № 57. Некто М. Г. Ковалев исполнил заказ автора, пожертвовавшего на издание труда собственные средства. Так кто же он — первый и пока единственный калмыцкий автор, посвятивший свое сочинение одной из мировых исторических личностей?

Более ста лет назад, в 1883 г., в кочевье Малодербетовского улуса, занявшего в послеханский период центральную часть Калмыцкой степи, у одного из подданных нойона Тундутова калмыка Ики-Бухусовского аймака Давы, прозванного однохотонцами за смуглоту "Хара" (Черный), родился сын. Он был наречен именем Эренжен.

Детские годы маленького Эренжена Хара-Давы протекали, как и у его сверстников, со всеми детскими огорчениями и радостями, а главное среди родных и любимых. Рано проявившиеся способности, а также неуемное желание познать больше, чем мог дать окружающий мир, привели подросшего Эренжена на школьную скамью. Родись он на несколько десятков лет раньше, вряд ли ему повезло бы. Школы для мальчиков в Малодербетовском и других калмыцких улусах были открыты, причем по одной в каждом, благодаря реформе народного образования, докатившейся до глухой степи кочевников как эхо буржуазных обновлений в России.

Родители Эренжена были бедные. Отец, не имея достаточного количества скота, чтобы прокормить семью, был вынужден постоянно работать по найму. Часто ему везло, и он находил работу неподалеку от родных мест, в соседских крестьянских селениях. Многие же разорившиеся калмыки чаще всего уходили из родных мест вроде бы временно, но получалось так, что навсегда. За счет их пополнялись ряды рабочих на ближайших к степи соляных выработках и на рыбных промыслах.

Как бы то ни было, отец маленького Эренжена не мог платить за учебу сына, и он, как и его многие сверстники, учился в улусной школе на общественные средства, а точнее за счет общественного капитала калмыцкого народа, созданного в 30-е годы XIX в. для оказания помощи потерпевшим бедствие кочевникам.

После окончания улусной школы в числе немногих способных ровесников Эренжен, значившийся в списках под фамилией Даваев, был отправлен в г. Астрахань — тогдашний административный центр Калмыцкой степи. Здесь он стал гимназистом и, пока учился, быстро освоив игру на скрипке, мог на слух подбирать хорошо знакомые ему мелодии народных песен, танцев. Музыкальные способности в сочетании с хорошей памятью оказались весьма кстати. Вскоре ему представился случай продемонстрировать свои незаурядные качества, которые оценили не просто знатоки — любители народной словесности, а ученые.

Летом 1904 г., находясь на каникулах, юный Эренжен вместе с товарищем гимназистом Санджи Баяновым отправился в Сарепту, прослышав, что туда приехали из Петербурга некие люди, интересующиеся народным творчеством калмыков. Так состоялось знакомство двух калмыцких юношей с прибывшим из Финляндии профессором Гельсингфорского университета Г. И. Рамстедтом и сопровождавшим его молодым преподавателем восточного факультета Петербургского университета А. Д. Рудневым. Ученые записали у молодых людей несколько национальных мелодий. По всей вероятности, не без их влияния, вернувшись

домой, Эренжен начал собирать и записывать народные мелодии. Свои записи он подарил А. Д. Рудневу спустя два года, в 1906 г., когда приехал в Петербург поступать в Военно-медицинскую академию.

Годы учебы в столице пришлись на нелегкое, тревожное время. В стране в разгаре была первая народная революция. Вчерашнему гимназисту, приехавшему из заштатного губернского города, не пришлось видеть народного шествия, возглавленного попом Гапоном, расстрела огромного числа невинных жертв. Витавший дух социального протеста, борьбы за свободу невольно заражал и будоражил его сознание. До него доходили слухи, что в родной Калмыцкой степи тоже неспокойно. В свободные от занятий часы Эренжен торопился встретиться со своими земляками — студентами Петербургского университета.

Калмыков, учившихся в учебных заведениях России, было совсем немного, буквально единицы. Об учебе за границей, в Европе, не было и речи. Только время от времени ламаистское духовенство посылало из хурулов молодых, проявивших способности служителей учиться в духовную резиденцию Далай-ламы в Тибет.

В эти годы на юридическом факультете Петербургского университета учился Бадма Уланов, сын известного донского казачьего офицера, зачисленного на службу в Генеральный штаб России и к тому времени погибшего во время паломничества в Тибет к Далай-ламе. На юридический факультет были приняты закончившие с Эренженом Даваевым в 1906 г. гимназический курс Санджи Баянов и Дорджи Манджиев. Последний одновременно поступил в консерваторию и начал заниматься в классе виолончели. Двумя годами позже закончил Астраханское реальное училище и выдержал вступительные экзамены на восточный факультет университета Ноха Очиров. С ними проводил будущий врач свободное время, которого было не так много. Порядки и нравы в Военно-медицинской академии были строгие. Здесь готовили врачей преимущественно для армии и флота. В то время, как в университете студенчество оказалось в авангарде революционного молодежного движения и действовало под руководством созданного комитета РСДРП, что в конце концов заставило власти временно закрыть университет, в стенах Военно-медицинской академии подобного не произошло. Возвращавшемуся от товарищей Эренжену в академии приходилось быть сдержанным.

Встречи с товарищами всегда были радостными. Они согревали его теплом родных мест, возможностью просто пообщаться, поговорить на родном языке. Спустя почти два десятилетия, оказавшись на чужбине, в далекой Чехословакии, в Праге, по всей вероятности, вспомнил об этом периоде Бадма Уланов. На обороте собственного фото он сделал следующую надпись: "Дорогому Другу и Товарищу юных дней Эренжену Хара-Даваеву. Дарю на долгую память. Пути наши долго шли вместе, потом расходились ненадолго, но сошлись снова. Кто знает, что будет в будущем, но мое искреннее, душевное желание, чтобы теперь наши пути уже не расходились, чтобы наши силы ума, души, всех средств и вся энергия, вся изобретательность пошли на возрождение, процветание, силу, крепость дорогого, любимого нашего народа калмыцкого, живущего в Европе, Азии".

Именно в Петербурге в суровые годы революции и последующих лет черной реакции закладывалась дружба этих людей, которым было суждено войти в историю Калмыкии. Как представители зарождавшейся национальной интеллигенции, они

оказались под влиянием первой народной революции в России, ее демократических, просветительских идей.

Бадма Уланов уже в годы революции выступил одним из инициаторов и организаторов первой национальной организации калмыцких учителей на Дону — "Знамя калмыцкого народа" ("Хальмг тангачин туг"). Эта организация, образовавшись как секция Всероссийского союза учителей, ставила задачу восстановить национальную культуру, родной язык, ликвидировать правовые ограничения для калмыков, положить конец проводимой властями русификаторской политике.

Идея национального возрождения духовно объединяла калмыцкое студенчество. Она находила понимание и поддержку в кругах лучших представителей российской интеллигенции. Старшее поколение ученых-востоковедов (К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев) и новое (А. Д. Руднев, В. Л. Котвич) заботилось о воспитании молодой национальной интеллигенции. Помимо обязательного чтения им учебного курса, ученые неоднократно встречались с Эренженом Даваевым и его товарищами. Встречи проходили во внеаудиторские часы в непринужденной обстановке. Благотворность таких встреч не замедлила проявиться. Вот тогда-то у калмыцкого студенчества зародилась мысль переложить на зая-пандитскую письменность записанный Н. Очировым кириллицей народный эпос "Джангар" в исполнении Ээлян Овла. В этой работе не мог не принять участие Э. Даваев. Знал ли он лично такого же, как и его отец, бедняка джангарчи Ээлян Овла, неизвестно, но они были оба из одного и того же улуса.

Несмотря на ошибки, допущенные при переложении текста, публикация "Джангара", изданного с помощью В. Л. Котвича, имела большое значение. Благодаря ей пополнился ряд мировых эпических творений. Но, пожалуй, в первую очередь не об этом думали его издатели. Они прежде всего претворяли зародившуюся в их сознании мысль о необходимости культурного возрождения своего народа, публикацией и распространением в родных кочевьях "Джангара" стремились поддержать начавшую было угасать эпическую традицию в Калмыцкой степи.

Получив диплом врача, Э. Хара-Даван приехал работать на родину в Калмыцкую степь. В доме для врача, построенном в ставке Малодербетовского улуса, он начал вести прием больных. За ним утвердилась репутация хорошего ученого лекаря. Знавшие его как сына Хара Давы по-прежнему, как в детстве, продолжали величать Эренженом Хара Давой, а дом, в котором он вел прием, и после его отъезда долго называли домом врача.

Февраль 1917 г. застал Э. Хара-Давана в Царицыне. Он, естественно, включился в политические преобразования, начавшиеся в Калмыцкой степи. Репутация образованного, просвещенного человека с демократическими воззрениями обеспечила ему участие в новых органах управления. В наступившее смутное время, когда были разрушены старые хозяйственные связи, немалая роль принадлежала Хара-Давану в продовольственном снабжении населения. Он лично позаботился о доставке груза с калмыцким чаем из Китая по Транссибирской магистрали.

Убедившись в том, что Временное правительство не поддерживает предоставление автономии Калмыкии со всеми вытекающими, подлинно демократическими правами, Хара-Даван не одобрял его политику. Он вместе с А. Чапчаевым, О. Босхомджиевым и др. был делегирован Советом депутатов Малодербетовского улуса

на съезд делегатов трудового калмыцкого народа Прикаспийского края. На съезд из-за сжатых сроков и весенней распутицы прибыли представители не от всех улусов. Поэтому 5 марта 1918 г. — был избран временный центральный орган Советской власти Калмыкии — Калмыцкая секция исполнительного комитета Астраханского губернского Совета. Возглавил секцию Э. Хара-Даван. Избрание его председателем Калмыцкой секции было почетно и ответственно. В самый трудный период утверждения народного самовластия он проявил непоследовательность. Его личные колебания как председателя отразились на деятельности Калмыцкой секции. На состоявшемся в мае 1918 г. в п. Яшкуль объединенном русско-калмыцком съезде под председательством Хара-Давана были высказаны мнения как против экспроприации скота у зажиточных хозяев в пользу бедняков, так и против социализации земли. На этом основании Астраханский губисполком решил не предоставлять автономию Калмыкии.

После Яшкульского съезда Э. Хара-Даван по собственной инициативе оставил пост председателя Калмыцкой секции и вскоре оказался в стане противников установления Советской власти. Он был вынужден эмигрировать вместе с остатками белой армии из России, испытать на себе нелегкую участь беженца из собственной страны и навсегда стать эмигрантом. В Калмыцкой степи остались его родные и близкие. К чувству горечи разлуки с ними примешивалась тоска по родине, которая не покидала его до конца жизни. Ощущение личной вины в случившемся перед массой неграмотных земляков-калмыков, разделивших с ним тяготы жизни на чужбине, заставляло его не отворачиваться от их просьб и ходатайствовать перед новыми властями о возвращении из эмиграции на родину. Сам он, по всей вероятности, не помышлял об этом, заведомо зная, что для него суд будет суров и скор: ему не простят того, что он оставил в критический период Калмыцкую секцию Астраханского губисполкома. Доходившие в эмиграцию известия о начавшихся репрессиях непосредственных участников Октябрьской революции окончательно убедили его в бесплодности той слабой надежды, что таилась в его сознании и заставляла жить и работать.

Вдали от родины Э. Хара-Даван оказался вместе со своими товарищами по давним годам юношеских мечтаний о культурном возрождении Калмыкии — С. Баяновым, Б. Улановым и др. Теперь перед ними стояла задача помочь своим землякам выстоять, не погибнуть, не потерять своего национального лица, не раствориться в чужой иноязычной среде. Для многих, не знавших, кроме родного языка, даже русского, лишенных возможности применить свои прежние познания в ведении скотоводческого хозяйства и оказавшихся по сути без какой-либо специальности, калмыцкая интеллигенция стала духовной опорой. В опеке и помощи нуждались старики, особенно дети, оказавшиеся без родителей в эмиграции.

Э. Хара-Даван стал одним из членов созданной в Праге-Стражнице Калмыцкой эмиссии культурных работников, участвовал в подготовке и издании журналов "Хонхо", "Улан Залат" и др. Он начал писать и публиковаться в печати, а в 1929 г. уехал в столицу Югославии Белград, с тем чтобы занять должность секретаря в только что созданном духовно-попечительском совете буддийского хурула, построенного калмыками-эмигрантами на земельном участке и за счет стройматериалов, пожертвованных сербским помещиком Ячимовичем. Инициаторами возведения

первого буддийского храма в Западной Европе были бакши М. Буринов, Д. Умальдинов и полковник А. Алексеев, в недавнем прошлом один из организаторов двух калмыцких полков (30-го Зюнгарского и 3-го Донского). Николай Рерих позаботился приобрести и прислать в дар иконы из Монголии, Тибета и Индии, общество буддистов Японии через своего посланника в Бухаресте преподнесло в дар бронзовую статую Будды.

Э. Хара-Даван не думал, что Югославия станет последним его прибежищем. Он готовился к отъезду в Америку, в степи Северной Мексики и Техаса. Этой мыслью загорелись вместе с казаками-эмигрантами и другие калмыки. Был создан Казачий колонизационный комитет, надеявшийся организовать переезд желающих летом 1930 г., но он не состоялся. Прожив в Югославии более 10 лет, Э. Хара-Даван умер в 1942 г.

Участие в общественно-культурной деятельности калмыцкого зарубежья стало главным делом в жизни Э. Хара-Давана. Какими бы ни были трудными горький хлеб изгнания и бремя эмиграции, которые первоначально воспринимались как временные, но с годами оказалось, что это навсегда, он уделял внимание сначала делам Комиссии культурных работников в Чехословакии, затем в Югославии совету при хуруле. Находясь в переписке с С. Балыковым и другими, он был постоянно в курсе общественной жизни небольших калмыцких колоний, разбросанных по Западной Европе. В пестроте русского зарубежья его более всего интересовали настроения в среде эмигрантского [redacted]ачества.

[redacted]телей калмыцкой интеллигенции, Э. Хара-Даван [redacted]тиях, которы[redacted] изменили его личную судьбу, жизнь ка[redacted]народов Росси[redacted] Многое [redacted]н читал о переменах в Западной Евр[redacted]ию, одно[redacted]з стержневых проблем мировой истории являлся [redacted] благоприятствовал его разрешению. В результате ра[redacted]ких империй, как Российская, Австро-Венгерская, Британская [redacted]аро[redacted]гом самоопределения освободились. Россия [redacted]ую Федерати[redacted]ную Республику, в которую вошла Калмы[redacted]. Относительно национального самоопределения калмыцкого народа он пи[redacted] в одной из сво[redacted]ей: "Все то, о чем нельзя было думать в дореволюционное время, когда над [redacted]им народом была попечительская власть, необходимо осуществлять в данное пореволюционное время, когда нашему народу суждено изменить к лучшему горькую дотоле судьбу..." Исходя из общей посылки, что национальное возрождение и самоопределение любого народа "должны складываться из национальных интересов политических, экономических и военных", Э. Хара-Даван называл их основополагающими факторами в самоопределении калмыцкого народа. Решение национального вопроса для калмыков, по его мнению, было предпочтительно осуществить в форме свободной федерации калмыков с ближайшими соседями, братьями-казаками. В перспективе в образовании Юго-Восточного Федеративного союза ему представлялось будущее калмыцкого народа, который как равный с равными мог бы "федерироваться и со своими соседями, и несоседями". Решающее слово в претворении этой идеи должно было принадлежать молодому поколению. Относительно своих современников он заключал: "Наши молодые и старые "старики" в национальном вопросе любят указывать

на то, что старый барин (царизм — *Л. Б.*) велик, но забывают, что угнетенных им народов было ровно половина, разителен пример коммунистов, которых 2 миллиона, владеют страной в 150 миллионов". Таким образом, взгляд Э. Хара-Давана на национальный вопрос отражал стремление подойти к его разрешению, исходя из мировой истории. Этот осмысленный подход вместе с тем упирался как бы в непреодолимое, утвердившееся ранее в его сознании мнение — решить национальный вопрос для калмыцкого народа исключительно путем создания Юго-Восточной Федерации калмыков с казачеством. Это и привело его к противникам установления Советской власти в Калмыкии. В эмиграции он пытался пересмотреть свои взгляды, чем вызвал упреки и нарекания, особенно со стороны крайних защитников идеи казачества как единственно верного пути решения национального вопроса для калмыцкого народа. Его сомнения в эмигрантской среде воспринимались как непоследовательность и непостоянство.

Другая идея, которая увлекла Э. Хара-Давана, была идея самопознания. Она привела к исповедыванию им евразийских воззрений последних представителей славянофилов в русской эмиграции.

Стремясь разобраться в российских революциях и последовавшей за ними страшной братоубийственной гражданской войне, пережив личную трагедию и трагедию своего народа, он сделал вывод прежде всего для себя: "Познай самого себя!", "Будь самим собой!". В широком понимании идея самопознания была, по его мнению, применима для государства, и при этом не бесполезна для него. Для России и ее народов следовало обратиться к своим истокам — "к исходу на Восток", ибо неудачное копирование духовной культуры Европы привело ее "в тупик... начиная с Петра I до наших дней". Оправданность такого подхода объективно обусловливалась существованием в русской истории монгольского периода, из которого "вышла Московская Русь", как из "материнского лона", и который наименее изучен. Чтобы удовлетворить интерес к "исходу на Восток", Э. Хара-Даван, как он признавался, в ознаменование 700-летия смерти Чингис-хана приступил к написанию культурно-исторического очерка о Монгольской империи XII—XIV вв. Его заинтересовала личность "покорителя вселенной", поставившего цель создать могущественное Монгольское государство, которое должно установить мировое господство. Так появилась еще одна книга, еще одна точка зрения на Чингис-хана, его эпоху. Выводы, сделанные автором, оригинальны и смелы.

Э. Хара-Даван прекрасно сознавал, что он не первый осмелился исследовать эту тему, что не бесспорны во всем его личностные оценки. Он считал своим долгом высказаться и представить на суд читателей свой первый и единственный труд исторического содержания В нем он стремился показать, что монгольские завоевания Чингис-хана не были "нашествием диких орд и монголы не были ни "дикарями", ни "варварами". Иначе они не могли бы одержать победу над народами старых культур двух континентов и создать небывалую в мировой истории Империю". Давая оценку последствиям монгольского владычества, Э. Хара-Даван считал, что она не может быть односторонней: "Монгольское иго при крайней бедственности для русского народа было суровой школой, в которой выковывались Московская государственность и русское самодержавие: школой, в которой русская нация осознавала себя как таковая и приобрела черты характера, облегчавшие ей после-

дующую борьбу за существование". И далее, перекидывая мостик через последующую историю императорского периода в России, автор как бы в противовес подчеркивал, что ее обращение на Запад, начиная с Петра I, привело к роковым последствиям: "императорская Россия жестоко провалилась в 1917 году".

Первыми читателями и критиками книги Э. Хара-Давана были профессор В. Л. Котвич, который рецензировал ее еще в рукописи, друзья и товарищи по эмиграции. Санджи Баянов писал в 1930 году: "Величайшей радостью для сравнительно небольшой семьи калмыцкой интеллигенции является то, что из ее рядов начинают выступать на широкий путь литературной деятельности отдельные ее представители. В таком порядке появилась в Советской России книга Антона Амур-Санана "Мудрешкин сын", здесь в зарубежье — исторический труд доктора Хара-Давана. Совершенно естественно чувствовать и видеть во всем этом наступление чего-то нового в культурной истории нашего небольшого калмыцкого народа. Это новое обязывает всех нас не только радоваться всей полнотой душевной радости, но и внимательно, глубинно всмотреться в суть этого явления".

Судьба книги Э. Хара-Давана, несмотря на столь высокую оценку, сложилась так, что только в настоящее время к ней открывается широкий доступ для ознакомления. Изданная небольшим тиражом в Белграде, она давно стала библиографической редкостью. Сегодня читатель вне всяких сомнений обретет в ней свое "видение" темы, которая волновала когда-то и продолжает интересовать умы человечества.

Л. С. Бурчинова,
кандидат исторических наук

Что я знаю о своем дяде — докторе Эренжене Хара-Даване? Очень мало. Но по рассказам старших, которых, к сожалению, в живых уже нет, и людей, лично знавших его, могу утверждать, что он был очень одаренный врач. Несмотря на то, что родители его были батраками у Тундутовских кулаков, Хара-Даван сумел получить высшее медицинское образование, выбрав себе гуманную профессию врача. О его происхождении говорит графа в ведомости за 1896 г. учащихся Малодербетовской улусной школы, куда он поступил учиться в 1892 году и которую окончил в 1896 году. В графе "Происхождение" написано: "Простолюдин".

По сведениям моего дяди Хара-Давана Ваньки (так по-калмыцки писалось его имя, отсюда пошла фамилия Ванькаевых), семья Эренжена происходила из Малодербетовского улуса Бага-Бухусовского аймака, но там не жила, т. к. родители были в батраках у кулаков вплоть до 1922 года. На мой вопрос: "Как мог его младший брат Эренжен из такой бедной семьи в то время выучиться на врача?", дядя ответил, что в то время был такой закон, по которому способные и одаренные дети бедняков обучались за счет государства. Из-за того, что я была маленьким ребенком, я Эренжена не помню, но знаю точно, что у него было два брата: Хара-Даван Ванька и Семен (мой отец). Эренжен родился в 1883 г., в 1892 году поступил в Малодербетовскую улусную школу (ведомость успеваемости Малодербетовской улусной школы за сентябрь 1893 г.). Окончил эту школу в 1896 году (экзаменационная ведомость за апрель 1896 г.).

Эренжен Хара-Даван окончил Петербургскую Военно-медицинскую академию (узнала из газетной публикации), работал улусным врачом в Малодербетовском улусе, во время деникинской оккупации Калмыцкой степи в 1919 году был улусным врачом Манычского улуса. "Эренжен Хара-Даван — врач по образованию, по убеждениям либеральный демократ, белоэмигрант", — так написано в сборнике документов "Установление и упрочение Советской власти в Калмыкии" (Элиста, 1973).

О его общественной деятельности есть архивные документы, где сказано, что он был членом совета делегатов Малодербетовского уезда, с Араши Чапчаевым и Константином Никитиным входил в Калмыцкую секцию губернского исполкома Астраханского Совета депутатов, а также был делегатом 3-го общекраевого съезда

по социализации скота, ему доверили быть председателем съезда объединенного русско-калмыцкого населения Астраханского и Черноярского уездов, который состоялся 14 мая 1918 г. в пос. Яшкуль.

О бурной деятельности калмыцких эмигрантов за границей можно прочитать в статьях "Вдали от родины" ("Советская Калмыкия", 31 июля, 1 авг. 1990 г.), которые написаны на основании архивных документов. Принимал участие в этой деятельности и доктор Хара-Даван. Об этом свидетельствует написанная и изданная на свои средства в 1929 году книга "Чингис-хан как полководец и его наследие".

А. С. Семенова

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

ЧАСТЬ II.

Монография

Хара-Даван Эренжен

ЧИНГИС-ХАН КАК ПОЛКОВОДЕЦ И ЕГО НАСЛЕДИЕ

Главный редактор *Д. Б. Дорджиева*
Ведущий редактор *А. В. Задорожная*
Художник *В. И. Пуринов*
Художественный редактор *С. Э. Котинов*
Технический редактор *К. П. Белова*

ИБ № 1412

Сдано в набор 29. 07.91 г.
Подписано в печать 21.11.91.
Формат 60 х 84/16.
Бумага типографская № 2.
Гарнитура Балтика.
Печать офсетная. Усл.-печ. л.13,2.
Усл. кр.-отт. 13,32.
Уч.-изд. л.15,0.
Тираж 45000 экз.
Заказ1445.
Цена в обложке 3 руб. (20000 экз).
Цена в тканевом переплете 5 руб. (25000 экз).

Калмыцкое книжное издательство,
358000, г. Элиста, ул. Революционная, 8,
Республиканская типография Госкомиздата Калмыцкой ССР,
358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245.

Хара-Даван, Эренжен

X 20 Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи. Послесловие Л. С. Бурчиновой. 2-е издание. — Элиста: Калм. кн. изд-во. 1991. — 196 с.

ISBN 5-7539-0191-3

Эта книга впервые была издана в 1929 г. в Белграде за счет средств автора. Представляет интерес для широкого круга читателей как одна из точек зрения на личность Чингис-хана, на влияние монгольского ига на Россию.

X $\frac{0503010000-031}{М\ 126(03) - 91}$ Без объявл. **ББК 63.3 (0)4**

5 р.

ЭЛИСТА
КАЛМЫЦКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1991